

ВИТАЛИЙ АВЕРЬЯНОВ • ИГОРЬ ШНУРЕНКО
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН • МАКСИМ КАЛАШНИКОВ
ЕЛЕНА ЛАРИНА • СЕРГЕЙ БАРАНОВ

ТРАНСГУМАНИЗМ

ЦИФРОВОЙ ЛЕВИАФАН
И ГОЛЕМ-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем- цивилизация Составитель Виталий Аверьянов

Авторский коллектив:

*Аверьянов В., Багдасарян В., Баранов С., Бахтияров О., Даренский В.,
Делягин М., Елисеев А., Калашников М., Кильдяшов М., Комогорцев А.,
Куркин Н., Ларина Е., Переслегин С., Проханов А., Черемных К.,
Шнуренко И.*

© АНО «Изборский клуб», 2021

© Виталий Аверьянов, 2021

Трансчеловек против человека (Доклад Изборского клуба) ^[1]

– Чушь. Обезьяны ему не нравятся. Да я крысой быть согласен, лишь бы не человеком.

– Простите, вам что, не нравится род человеческий?

– А вам нравится? <...> Что касается меня, то я бы жил с радостью, будь я жабой или пауком. А человеком. Человеком можно жить, если голову ватой обернуть. Но где взять столько ваты? Да и вата дрянь! Помянем друг друга!

Из фильма «Клуб самоубийц, или Приключения титулованной особы»

Е. Татарского

Мы вовсе не хотим завоевывать никакой космос. Мы хотим расширить Землю до его границ. Мы не знаем, что делать с иными мирами. <...> Мы в глупом положении человека, рвущегося к цели, которой он боится, которая ему не нужна. Человеку нужен человек.

Из фильма «Солярис»

А. Тарковского

Введение. «Его пока нет...»

Идея трансгуманизма рождается в контексте идеала сверхчеловека, заимствуя у Ницше высокую степень неопределённости, пустотности и даже «дуловитости» этой мечты, которую каждый желающий может наполнить по-своему. Джулиан Хаксли, автор термина «трансгуманизм», воспроизводит ту же ницшеанскую пустотность:

*«Человеческий род может, если того захочет, превзойти самого себя, в масштабах человечества в целом. Нам необходимо дать название этому новому убеждению. Возможно, здесь подойдёт слово **«трансгуманизм»**. <...> Коль скоро найдётся достаточно людей, которые смогут твёрдо сказать: «Я верю в трансгуманизм», – род человеческий достигнет порога новой формы существования, и она будет столь же отличной от нашей, как наша отлична от*

пекинского человека. Тем самым человечество наконец-то приступит к осознанному выполнению своего подлинного предназначения»^[2].

Удивительно, несмотря на полувековую историю развития, трансгуманизм так и не стал целостной идеологией или учением – как мировоззрения его, можно сказать, не существует, но он существует как широкая идейная и медийная платформа, вмещающая весьма разнородные течения.

Трансгуманисты активно освоились на совершенно разных идеологических и мировоззренческих площадках, так что в настоящий момент они широко представлены во всём политическом спектре^[3]: существуют такие разновидности трансгуманизма как либертарианский, «демократический», «анархический», «социалистический», феминистский и др. Существуют также и весьма экзотические версии «христианского трансгуманизма», в основном протестантские, группирующиеся вокруг мормонов^[4].

По мнению некоторых исследователей, функционалы трансгуманизма, рассредоточенные по разным ресурсам и использующие для реализации своих целей «облачные технологии», призваны решать единую задачу. Исходя из принципа «игры вдолгую», трансгуманизм как политическая сила избрал себе **тактику «прилипалы» – паразита, живущего за счёт более мощного организма**^[5].

Ник Бостром в своём справочнике декларирует: *«Ведущие трансгуманистические мыслители порою не поддаются классификации. Каждый из них представляет отдельное направление трансгуманизма, придерживаясь сложной и тонкой системы взглядов, которая постоянно подвергается пересмотру и развивается»*^[6].

Всё это позволяет поставить вопрос о двух основных пониманиях трансгуманизма: открытом (феноменологическом, ухватывающем явления в их видимых манифестациях) и глубинном, угадывающем за смутным мироощущением транслюдей и множеством разнонаправленных идеологов единую корневую систему, «грибницу», дающую жизнь отдельным грибам на протяжении большой площади леса идей.

Наиболее точным и продуктивным является второй подход, которого мы и будем придерживаться в своём докладе. Глубинный трансгуманизм, о котором мы ведём речь, способен генерировать разные школы, течения и идеологемы, при этом целостность его заключается в другом: это не уровень идеологии и даже не идейного направления, это манипулятивная сеть теорий, пропагандистских и пиар-технологических практик, вирусных информационных технологий. Глубинный трансгуманизм формирует поле идей, интуиций и вожделений, являющихся для него не более чем служебным инструментарием. Для глубинной парадигмы трансгуманизма любая, даже самая ценная идея, которая может казаться ключевой и определяющей, – на деле не обязательна и может быть отброшена в зависимости от обстоятельств

момента. Относится это и к самому понятию «трансгуманизм», которое, как змеиная кожа, может быть сброшено и заменено на нечто иное. Поэтому, говоря о глубинной парадигме трансгуманизма – мы не имеем в виду жесткую привязку к самому термину. Такая жёсткая привязка представляла бы собой ловушку для исследователя.

Трансгуманизм возводят ко многим идеологиям XX века: иногда его называют «гипертрофированной версией троцкизма», другие авторы указывают на достаточно очевидные нацистские корни, учитывая и концепт сверхчеловека, и увлечение евгеникой, и развитие передовых цифровых технологий в Третьем рейхе, осуществляемое, кстати, с помощью компании IBM, благополучно продолжившей после Второй мировой войны диктовать свои условия на рынке^[7]. Если анализировать основные течения трансгуманизма, становится очевидно, что они оказываются прямыми наследниками идеологии «устойчивого развития» – ядро идей у них то же самое.

Однако только трезво осознавая, что в данном случае мы имеем дело не с чем-то ультрасовременным, а, наоборот, чрезвычайно древним, но пытающимся перехватить новейшую повестку и передовые технологические возможности, мы сможем надлежащим образом отрефлексировать глубинную парадигму трансгуманизма. Корни этой метафизической позиции просматриваются в целом ряде гностических, герметических сообществ античности, в средневековой каббале и алхимии, затем в «прогрессизме» эпохи Просвещения, механицистском материализме XVIII века и позитивистском буме века XIX. Важнейшим, можно сказать, конституирующим признаком трансгуманизма является его **технопоклонство**. В этом мироощущении сплавлены научно-позитивистские, утопические, фантастические и оккультные традиции, но стержнем его является вера в Эволюцию. Трансгуманизм можно назвать закономерным итогом западноевропейских игр разума вокруг темы эволюции природы и человека со всеми родимыми пятнами дарвинизма и мальтузианства. **Эволюционизм в его атеистической и секулярной формах не мог не привести к состоянию, подобному трансгуманизму.**

На уровне глубинной парадигмы отчётливо видно, что это состояние подготавливалось работой нескольких поколений «прогрессистов», разрушителей традиционного порядка. Есть, наконец, и такие объективные критерии, как принцип римского политика и правоведа Луция Кассия Лонгина «Кому выгодно?». Настоящими выгодоприобретателями и заказчиками трансхomo-технологий, с большой степенью вероятности, должны считаться т. н. «хозяева истории» (термин Б. Дизраэли), в первую очередь представители крупного транснационального капитала. В своих работах Изборский клуб уже неоднократно обращался к реконструкции мировоззрения этого глубинного транснационального класса – и тема трансгуманизма не является здесь исключением. Данное мировоззрение должно быть охарактеризовано как гностическое, а сама мотивация по наращиванию

власти и контроля со стороны этого класса — как поведение «высшего хищника» в терминах эволюционной биологии.

Цель заказчиков трансгуманизма — приведение социальной структуры современного общества в соответствие с базовой для гностицизма трёхчастной иерархической моделью управления («пневматики»-«психики»-«гилики», то есть «духовные»-«душевные»-«материальные»). В настоящий момент воплощающимся в жизнь видимым пунктом этой широкомасштабной программы является поэтапное внедрение отдельных сегментов системы глобального социального контроля и программирования^[8]. Не охваченному «трансгуманистической сетью», не до конца посвященному в замысел истеблишменту национальных государств и многих корпораций данная идея подаётся как осознанная необходимость, которую нужно принять, чтобы решить проблемы: управляемости человеческими ресурсами; оптимизации системы безопасности и социальных услуг; исчерпания ресурсов роста; радикального продления жизни и улучшения здоровья (по крайней мере, для избранных) и ряд других болезненных проблем. Одна из ключевых задач внедрения такого рода контроля — сбор больших данных о поведении населения, в первую очередь, в целях увеличения коммерческой прибыли крупных корпораций.

В настоящее время происходит кардинальный перелом, ознаменованный такими проектами, как система социального контроля в Китае, внедрение во многих мегаполисах мира комплексов «умный город», инновации в области цифровых технологий идентификации, так называемых корпоративных экосистем, и др.

Всё это имеет самое непосредственное отношение к глубинному трансгуманизму. Что же касается транс-гуманизма открытого — то он служит красивой и яркой риторической обёрткой для внедрения и насаждения новой системы глобального контроля над обывателем, которому по законам маркетинга дают несбыточное обещание сделать его «человекобогом» (Homo Deus).

Настоящие горизонты этого «очень важного поворотного пункта в истории» приоткрывал в ряде своих книг Жак Аттали — он характеризовал его как переход к эпохе «нового рабства» и «искусственных людей», а также «индустриального каннибализма»: *«Мы не можем исключать в будущем и такую перспективу, что некоторые дельцы захотят запатентовать и человека. <...> Человек научится создавать серию той модели, которую он сам определил. В таком случае он будет испытывать сильный соблазн продавать и покупать своих собственных двойников, «копии» любимых людей или же специально подготовленных мечтателей и фантазёров, гибриды, созданные на основе подаренных особенных свойств, выбранных с вполне определёнными целями»*^[9]. В другой книге Аттали уточняет свою мысль: *«Человек превратится в товар. Благодаря невероятному прогрессу нанонаук все будут*

рассчитывать на пересадку своего мозга в другое тело, захотят получить двойника, копии любимых. <...> Некоторые даже попытаются превозмочь человека, создав другую, высшую форму жизни и разума»^[10].

Обращаясь к двум эпиграфам, предпосланным нашей работе, следует отметить, что фраза «Человеку нужен человек» у Станислава Лема и в фильме Тарковского имеет явного предшественника в лице крупнейшего христианского мистика Николая Кузанского, которому принадлежит девиз: *Homo non vult esse nisi homo. – Человек не хочет быть ничем кроме человека (лат.).* Эта максима имеет, в свою очередь, антиподов в лице разнообразных мироотрицателей, участников антисистемных образований. Иллюстрацией крайнего мироотрицания и в первую очередь отрицания человека может служить нигилистическое безумие одного из членов «Клуба самоубийц» у Стивенсона (и соответственно в фильме Татарского). В том же ряду лежат манихейское самоуничтожение, крайняя степень изуверского сектантства, оборотная сторона лжемессианства, на чём мы остановимся в своей работе.

Бывшая ранее достоянием оккультных кружков и сект ревизия сущности и границ человеческого существа в трансгуманизме выведена на уровень массовой агитации. Это само по себе свидетельствует о последней степени деконструкции христианской цивилизации, которая осуществляется сейчас практически на всей бывшей территории её распространения.

Максима Ницше *«Человек это то, что должно быть преодолено, человек – есть мост к сверхчеловеку»* – смутная, неопределённая, лукавая в своей всеядности. Совсем другое направление было задано в традиционном теоцентристском мировоззрении: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» (Ириней Лионский); или: «Человек это животное, призванное стать богом» (Василий Великий). Мысль святых отцов – векторная, резко очерченная. В ней развитие воспринимается как перспектива с чётко заданной целью. Но именно эту мысль об обожении пародируют трансгуманисты. Что и неудивительно – задолго до атеизма в европейской культуре широко распространился деизм, который и является сущностной предпосылкой эволюционизма. Бог должен самоустраниться от развития земной жизни, чтобы эволюционная теория получила свой действительный смысл. На деизме основывалась космология франкмасонства, утверждавшая, что Бог удалился на покой, предоставив людям самостоятельно настраивать и улучшать работу космического механизма Вселенной.

Хелер пишет о деистах, что *«их богом был Другой Бог герметиков и гностиков, также известный иногда как Deus Absconditus, «бог, который ушёл прочь»»^[11]*. Хотя масоны и отождествляли (на словах) своего великого архитектора с христианским Богом, этот отсутствующий инженер, творение которого далеко от совершенства, больше напоминает демиурга из гностического мифа, чьи несовершенные

разработки могут быть превзойдены человеческим разумом. А это уже почти трансгуманизм. Во всяком случае, масоны-деисты привнесли в современное светское общество то, что историк Дэвид Ноубл называет «религией технологии».

Среди самих трансгуманистов нет единого мнения относительно религиозного происхождения их идейной платформы. К примеру, «итальянский космист» Джулио Приско утверждает, что трансгуманизм является скорее «антирелигией», дескать, трансгуманистическая духовность, сохраняя многие из преимуществ религии, лишена её недостатков. Джулиан Хаксли характеризовал трансгуманизм как «религию без откровения». И хотя многие спорят с этим, в целом в кругах транслюдей религиозный язык очевидным образом присутствует. Особенно ярко проявляется это в представлениях о «Сингулярности», переживания которой зачастую граничат с мистическим экстазом.

Раймонд Курцвейл представляет себе сингулярность как исполнение древнего религиозного чаяния, а именно – избавления Вселенной от страдания и неведения и превращения её в самосознающее целое^[12]. *«Когда мы насытим материю и энергию Вселенной интеллектом, они «пробудятся», станут сознательными и высокоразумными. Это так близко к Богу, как только я способен себе представить»*^[13]. В одном из интервью **на вопрос о Боге Курцвейл ответил весьма красноречиво: «Его пока нет».**

Действительно, для некоторых трансгуманистов Сингулярность заменила божество, превратилась в идола технопоклонства, олицетворения чуда саморазвития и эволюции как «самоподдерживаемых изменений» (термин Э. Хагена). Без идеи Сингулярности как некоего математического эквивалента торжества истории, воцарения Мессии («Сверхразума») – смысл трансгуманизма как пропагандисткой технологии во многом улетучивается. Весьма характерная черта трансгуманизма – его центральная «святыня» была сформулирована как идея не в уме прозорливого учёного, а в причудливом воображении фантаста Вернора Винджа. (Хотя идея эта и витала задолго до него, например, в беседах фон Неймана и Улама в 50-е гг.) Вторая характерная черта – это «святыня», а вместе с ней и подавляющее большинство идеалов трансгуманизма – мнимые, отсутствующие, ожидаемые сущности. А если какие-то из них и воплощаются на практике, они не приводят к тому чудотворному эффекту, который вчитывался в эти ожидания.

В более ёмком, чем у Винджа, изложении Ника Бо-строма Сингулярность сводится к тому, что *«разумные системы могут создать ещё более разумные системы и сделать это быстрее, чем первоначальные конструкторы-люди. <... > В течение очень короткого промежутка времени (месяцы, дни или даже всего лишь часы) мир преобразится больше, чем мы можем это представить, и внезапно окажется населён сверхразумными созданиями. С понятием*

сингулярности часто связывают идею о невозможности предсказать, что будет после неё. Постчеловеческий мир, который в результате появится, возможно, будет столь чуждым для нас, что сейчас мы не можем знать о нём абсолютно ничего»^[14].

На Западе в среде их же писателей-фантастов почти сразу же нашлись те, кто воспринял идею с иронией. Брюс Стерлинг в спиче с говорящим названием «Сингулярность. Ваше будущее как чёрная дыра» назвал главную идею трансгуманизма «кошачьей мятой для интеллигенции». Стерлинг насмешливо указал на то, что и в недавней истории уже было три «сингулярности»: атомная бомба, ЛСД и компьютерные вирусы. А в книге «Будущее уже наступило» желчный Стерлинг высмеивает идею «постчеловечества»: постчеловек банален, скучен и несостоятелен, «как и любой человек во все времена».

В чём же смысл мифа о сингулярности? В лице транс-гу манистов и их хозяев мы имеем дело с практиками, которые вложили усилия и деньги в конкретный результат. Именно здесь следует искать некую коллективную сингулярность, решающую глобальные проблемы в преломлении оптики мировой олигархии и её агентов. Можно предполагать, что сингулярность будет достигнута не только и не столько благодаря технике, сколько совмещёнными с техникой новыми технологиями переустройства общества и человека, которые приобретут нарастающий темп.

Смысл сингулярности, вероятнее всего, в неотвратимо нарастающем централизованном технологическом контроле за обществом и человеком, переводящем их в новое и необратимое состояние. Начало 2020 года оказалось похожим на эту «сингулярную» лавину благодаря беспрецедентному медийному давлению на психику масс, карантинным мерам цифрового контроля, глубочайшему падению цен на нефть. Если это не совпадение, и за COVID стоит глубинная парадигма трансгуманизма — это означает, что «шутки кончились», и что это уже не просто набор странных фантазий, смешанных с бредовыми человеконенавистническими утопиями, а масштабные, всеохватные практические мероприятия, в соответствии с которыми вынуждены выстраивать своё поведение правительства большинства стран.

Наиболее активное идейное и политическое наступление носителей идей трансгуманизма, в том числе и в России, пришлось на вторую половину 2000-х — первую половину 2010-х годов. Второе десятилетие нового тысячелетия ознаменовалось неотступными попытками реализации направлений трансгуманизма в широком смысле, которое не прекращалось вплоть до последнего времени (закон о домашнем насилии), и лишь усугубилось во время карантинных мероприятий.

«Ник» одного из первых ключевых идеологов трансгуманизма Ф.М. Эсфендиари — «FM-2030», — говорит нам о моменте 2030 года. К 2030 году (плюс-минус) должно совпасть тотальное введение единого технологического контроля над людьми во всех сферах жизни (главный

итог практически осязаемого, а не вымышленного трансгуманизма) и закончены социобиологические трансформации общества (проекция трансгуманизма в глубинном смысле). При этом, как и предрекали трансгуманисты: обычные люди, не являющиеся постлюдьми или особыми транслюдьми, перехода даже не увидят, в силу отсутствия доступа к «сверхразуму» суперкомпьютеров.

К 2030 году (плюс-минус) должно совпасть тотальное введение единого технологического контроля над людьми во всех сферах жизни (главный итог практически осязаемого, а не вымышленного трансгуманизма) и закончены социобиологические трансформации общества (проекция трансгуманизма в глубинном смысле). Но что-то пошло не так... Именно в 10-е годы XXI века кривая экспоненциального роста технологий, поднятая на щит Курцвейлем вслед за Минским, а Минским – вслед за фон Нейманом, сломалась вместе с расчетами американского экономического роста, включая планы возрождения пилотируемой лунной программы и её продолжения на Марс.

Этот переход был так описан близким к трансгуманистам писателем Ю.Н. Харари в его «Краткой истории будущего» (2018): «Возможно, мы одно из последних поколений *Homo Sapiens*». Под «Хомо сапиенс», по всей видимости, должны пониматься люди, обладающие собственным нераспределённым на чужом компьютере разумом (сапиентностью), целостностью «Я».

Но что-то пошло не так... Именно в 10-е годы XXI века кривая экспоненциального роста технологий, поднятая на щит Курцвейлем вслед за Минским, а Минским – вслед за фон Нейманом, сломалась вместе с расчетами американского экономического роста, включая планы возрождения пилотируемой лунной программы и её продолжения на Марс. Проекты трансгуманизма во многих странах встретили политическое и общественное сопротивление и пробуксовывают. Не все элиты выполняли дорожную карту или проглатывали «наживку» власти «сверхразума». Некоторые осуществляли сходные преобразования на независимой от западных корпораций технологической базе, как это произошло в Китае (полномасштабный электронный контроль за населением). Более того, Китай стал продвигать в мире, в том числе и на Западе, собственные средства технологического контроля. А несинхронность, фрагментарность и утрата глобальных технократических рычагов противоречит самой идее тотальной сингулярности.

В итоге сингулярность, несмотря, казалось бы, на большие успехи трансгуманистических направлений, оказалась похоронена. Овладение биотехнологиями в той мере, в какой они могли бы поменять тип человека, оказалось слишком сложной задачей для трансгуманизма, сделавшего ставку на машину. Между тем мир вступил в ситуацию серьёзных экономических противоречий, когда фантом глобального

единства испарился, тем самым был упущен и шанс на то, чтобы захлопнуть дверцу технологической клетки с ключом в одних руках.

Срыв символической даты «2030» (или 2027, 2029) станет для сингулярности фатальным концом проекта, но отнюдь не концом трансгуманизма как такового. «Глубинный трансгуманизм» умеет маскироваться, лицедействовать и, меняя имена и бренды, «капсулироваться», чтобы выжидать следующего удобного момента для броска.

1. Основные течения трансгуманизма

Внутри трансгуманизма выделяют несколько главных течений, на которых мы кратко остановимся.

Экстропианство («Выскользнуть из ловушки углеродной формы жизни»).

Бостром следующим образом характеризует это направление: *«Экстропианство представляет собой отдельное направление трансгуманизма (так что все экстропианцы являются трансгуманистами, но не наоборот). Экстропианцы образуют свое название от понятия «экстропия», разработанного Максом Мором и Томом Морроу (под этим псевдонимом скрывался американский юрист и философ Томас Белл – авторы доклада), которое характеризует рост и жизнеспособность системы. В их основном документе «Принципы экстропианства»^[15] называется семь основных принципов, которые имеют особую важность для экстропианцев в развитии их идей: бесконечный прогресс, самопреобразование, практический оптимизм, разумная технология, открытое общество, самонаправление и рациональное мышление».* В 1990-е годы Макс Мор (урожденный Макс Т О'Коннор)^[16] впервые последовательно изложил пути миграции человека в постчеловеческое существование. Переход в это состояние Мор связывает с выскальзыванием из «ловушки углеродной формы жизни».

Одним из современных ответвлений философии экстропианства является так называемый «экстропизм», основные взгляды которого изложены в Манифесте Экстрописта (The Extropist Manifesto)^[17], опубликованном в январе 2010 года. Положения экстропизма имеет смысл здесь процитировать, поскольку они лежат в основании мировоззрения, охватывающего почти все трансхomo-направления. К этим положениям относятся: *«вера в безграничное расширение человеческих возможностей; преодоление ограничений, налагаемых религией, протекционизмом, сегрегацией, расизмом, фанатизмом, сексизмом, эйджизмом (возрастная дискриминация людей предпенсионного и пенсионного возраста) и любыми другими*

архаичными страхами и ненавистью, а также ограничений человеческого потенциала и достижение физического бессмертия; преодоление собственности; примат интеллекта и рационального мышления, использование дедуктивных умственных способностей вместо зависимости от слепой, иррациональной веры, суеверий и традиционных догм – создание дружественного человеку искусственного интеллекта».

Сингулярианство (Математическая функция как божество) – «технологическая вера», убеждённость в скором наступлении гипотетического момента, когда технологическое развитие станет неуправляемым и необратимым. Главным идеологом *сингулярианства* считается Рэймонд Курцвейл – изобретатель и футуролог, технический директор компании Google, обладатель неофициального титула «папа трансгуманизма», отпрыск нерелигиозных евреев, бежавших из Австрии в США накануне Второй мировой войны. В 2008 году Курцвейл и не менее легендарный предприниматель Питер Диамандис учредили Singularity University. К созданию Университета Сингулярности «приложили руку» и известные учёные, стартап-гуру и корпорации (Google, Genentech, Autodesk, Cisco, Nokia и др.)^[18].

На Втором международном конгрессе «Глобальное будущее 2045», состоявшемся в Нью-Йорке в 2013 году, Рэймонд Курцвейл выступил с докладом на тему «Бессмертие к 2045 году», в котором выдвинул ложную дихотомию биологической и небиологической частей человека и стратегическую цель вытеснения одной из них: *«Мы будем становиться всё более небиологическими существами, пока не дойдём до состояния, когда небиологическая часть станет превалировать, а биологическая потеряет своё значение. При этом небиологическая часть будет настолько мощной, что она сможет полностью моделировать и понимать биологическую часть. Так что если биологическая часть вдруг исчезнет, это не будет иметь значения, поскольку небиологическая часть уже полностью её поняла»*^[19]. Фактически Курцвейл воспроизводит вульгарно-материалистические представления о душе и сознании в стиле Бюхнера и Мошотта, полагавших, что мысли производятся мозгом аналогично тому, как печень вырабатывает желчь, а желудок – желудочный сок. (Однако это сходство может быть обманчивым, ведь за внешним материализмом и атеизмом, как это нередко бывает, иногда скрывается изощрённый оккультизм и неоспиритуализм.)

Среди трансгуманистов наметилась тенденция к пересмотру радикальной сингулярности Винджа и Курцвейля, пониманию её не как взрыва, а как некоего перевала в истории, после которого она должна «выйти на плато». Точку сингулярности предлагают интерпретировать как индикатор «зоны перегиба, после прохождения которой темпы глобальной эволюции будут систематически в долгосрочной перспективе

замедляться»^[20].

Аболиционизм («инженеры нечеловеческого счастья»)

В этом направлении на первый план выдвинуто использование комплекса высоких технологий для прекращения страданий и достижения максимально возможного уровня счастья. Главная установка аболиционизма состоит в том, что человеческие эмоции имеют физиологическую, а не духовную природу и, воздействуя на мозг, можно достичь кардинальной смены способа восприятия жизни. Движение в этом направлении в конечном итоге должно привести к созданию постчеловека, испытывающего непрерывное чувство счастья и освобождённого от «непреднамеренных страданий»^[21].

«Физиология счастья» связывается с т. н. «гормонами счастья» – эндорфинами, серотонином и дофамином. Если эндорфины влияют, в основном, на кратковременные состояния эйфории и радости, то серотонин в большей степени создаёт фон счастья и долговременной удовлетворённости. Другой гормон и нейромедиатор, тесно связанный с серотонином, – дофамин, является одним из факторов внутреннего подкрепления и мотиватором мозга, поскольку вызывает чувство удовольствия^[22]. Помимо фармакологических разрабатываются также методы борьбы с депрессиями и страданиями путём манипуляций с генами.

Аболиционисты (их также называют гедонистическими трансгуманистами) активно пропагандируют идею «конструируемого рая» (paradise engineering), подразумевающую замену естественного чувства боли «информационно-сигнальными градиентами здоровья»^[23]. Один из главных источников этого течения «инженеров счастья» – интернет-манифест «Гедонистический императив» британского философа-утилитариста Дэвида Пирса^[24]. Этот вегетарианец в третьем поколении является одним из наиболее значимых идеологов трансгуманизма^[25]. Саму возможность страдания Пирс рассматривает как «нежелательный аспект человеческой природы». В «Гедонистическом императиве» изложены такие принципы «конструируемого рая», как: использование наркотиков и прикладных достижений генной инженерии, нанотехнологии, фармакологии, нейрохирургии для ликвидации всех форм депрессии, боли и страдания («негативного опыта»).

Иммортализм (построение Царства Кощеева на земле)

Иммортализм (от лат. immortalitas, «бессмертие») – наиболее востребованное течение трансгуманизма, направленное на максимальное продление срока человеческой жизни и достижение практического бессмертия, благодаря новейшим открытиям и технологиям.

В 2013 году создатели Google Сергей Брин и Ларри Пейдж инвестировали миллиард долларов в компанию Calico (полное название – «Калифорнийская компания «Жизнь»»). На открытии тогдашний руководитель Google Ventures Билл Марис сообщил, что Calico продлит человеческую жизнь как минимум на 500 лет. После этого громкого заявления информационный шум вокруг компании моментально затих. К настоящему моменту в компанию Calico вложено уже больше полутора миллиардов долларов, а её деятельность строго засекречена: *«Исследовательская лаборатория спрятана в подземном бункере где-то на окраинах Сан-Франциско. В неё не допускают прессу, её сотрудники не публикуют научных работ, а каждого посетителя заставляют подписывать соглашение о неразглашении. Ни руководство, ни пиарщики Google никаких комментариев на этот счёт не дают»*^[26].

Сотрудники Calico – известные специалисты по генетике, биологии и искусственному интеллекту – крайне скудно говорят о своей работе. Единственное, что достоверно известно: в компании осуществляются опыты над голыми землекопами (лат. *Heterocephalus glaber*) – мелкими грызунами семейства землекоповых, живущими на порядок дольше других грызунов подобного размера. В 2012 году благотворительный фонд поддержки научных исследований «Наука за продление жизни» позиционировал изучение голого землекопа в качестве одной из «25 научных идей продления жизни»^[27], наряду с пересадкой стволовых клеток, созданием иммунных клеток, эпигенетической регуляцией генов долголетия и стрессоустойчивости, регенеративной медициной (выращивание органов), фармакологическим подавлением старения и возрастозависимых заболеваний, математическим моделированием продолжительности жизни и т. д. В 2017 году в Калифорнии была произведена первая в мире процедура по «редактированию» генома взрослого человека внутри его тела. Пациентом стал мужчина с мукополисахаридозом II типа (синдромом Хантера).

Однако проблема бессмертия для разума вызвала уже даже в первом поколении трансгуманистов серьёзные сомнения. Как писал Виндж: *«Разум, замкнутый в одних и тех же границах, не способен жить вечно, спустя несколько тысяч лет он станет напоминать, скорее, бесконечно повторяющуюся закольцованную пленку, нежели личность. <...> Когда разум разрастётся до поистине исполинских размеров и оглянется в прошлое, какие родственные чувства он сможет испытывать по отношению к тому, чем он являлся изначально?»*^[28]. При этом Виндж ссылается на произведение фантаста Ларри Нивена «Морально-этический аспект безумия», в котором главный герой, ведущий на космическом корабле многотысячелетнее преследование своего врага, со временем сам превращается в робота, осуществляет все свои действия в автоматическом режиме, тогда как сама погоня, как и жизнь вообще, теряет для него всякий смысл.

Постгендеризм («Сверхчеловек должен быть андрогинен») – влиятельная социальная философия, ставшая венцом сексуальной революции XX века и одним из главных фундаментов постгуманизма. В ее рамках разрабатываются пути уничтожения пола человека с помощью биотехнологии и вспомогательных репродуктивных технологий. Сторонники постгендеризма утверждают, что существование гендерных ролей, социальной стратификации, а также когнитивных и физических различий полов в целом оказывает негативное влияние на жизнь конкретных людей. Они полагают, что с развитием технологий необходимость половых сношений в целях размножения отпадёт, а традиционные гендерные роли в обществе и семье исчезнут^[29].

В качестве одного из предтеч постгендеризма принято считать немецкого защитника прав сексуальных меньшинств и сексолога Магнуса Хиршфельда (1868–1935), выступавшего за признание наличия «третьего пола». Официальному исключению гомосексуализма из американской, а затем и международной номенклатуры психических расстройств предшествовало многолетнее и беспрецедентное по своему масштабу пропагандистское нагнетание фобий угрозы перенаселения, продвижение средств контроля над рождаемостью, сопровождавшееся не менее беспрецедентной политической кампанией за признание гомосексуализма нормой. Указанная кампания стала возможной во многом благодаря огромным денежным вливаниям из Фонда Хью Мура (Hugh Moore Fund), Фонда Рокфеллера (Rockefeller Foundation) и Фонда Форда (Ford Foundation). Благодаря этим усилиям табуированная доселе тема довольно быстро переместилась из области «немыслимого» в область «радикального» с тем, чтобы после интенсивного «общественного обсуждения» и муссирования в СМИ приобрести, наконец, желанный статус «социальной нормы» (типичный пример так называемого «окна Овертона»). Инвестиции из тех же трёх источников активизировали движения феминисток. Всё это, по мысли А. Карлсона, делалось «с целью сокращения рождаемости»^[30].

К концу XX столетия феминистское направление в публицистике и отчасти в научной психологии в США становится доминирующим, специально разработанные феминистами догматы, такие как «гендерный континуум», ущербность старых традиционных форм гендерной жизни и превосходство над ними андрогинности – узакониваются и сакрализуются^[31]. В основе постгендеризма лежат весьма радикальные требования феминистского социализма (уничтожение статуса матери в семье и обществе, правовая и моральная реабилитация инцеста и педофилии, полное освобождение женщин и детей в плане выбора ими форм сексуального поведения, когда, в частности, дети должны иметь «столько генитального секса, сколько смогут вынести» (формулировки Суламифи Фейерстоун).

С трансгуманизмом это направление смыкается, прежде всего, на почве мечтаний о новейших «репродуктивных технологиях», благодаря которым произойдёт *«трансформация «физических» возможностей*

человека, некоторые из которых до сих пор считались биологически присущими только одному полу. Эта трансформация может даже включать в себя способности к оплодотворению, кормлению грудью и беременности, и таким образом, например, одна женщина сможет оплодотворить другую, мужчины и не рожавшие женщины смогут вырабатывать молоко, и оплодотворённую яйцеклетку можно будет пересадить в тело женщины или даже мужчины»^[32].

Ещё одной значительной вехой развития постгендеризма стало опубликованное в 1985 году эссе признанного авторитета в своей среде, американской социалистки-феминистки Донны Харауэй «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х»^[33]. Харауэй утверждает, что именно через размывание границ между человеческими существами и машинами, через интеграцию женщин и машин в новый архетип культуры, основанный на принципе андрогинности, человечество сможет обрести освобождение от «остаточных явлений патриархальности и капитализма». В другой работе Харауэй приходит к ёмкой формуле, которую можно назвать логичным завершением феминистской философии: киборгизация – это единственный способ, наконец-то, примирить женщину и мужчину, потому что все остальные способы не работают.

Тенденции развития постгендеризма привели к возникновению новой субкультуры «странного пола» (gender queer). Одним из манифестов этого движения стала работа американского философа Джудит Батлер с откровенным названием «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности»^[34]. Ведущее американское информационное агентство The Associated Press в своём регулярно обновляемом справочнике по грамматике Associated Press Stylebook, который, как пишет The Washington Post, является «главным грамматическим судьёй для журналистов всего мира», ввело в обращение новое местоимение they (что-то вроде «оно» в единственном числе, хотя изначально they означает «они»). Это местоимение в новой своей ипостаси «предназначено для обозначения людей, которые не идентифицируют себя в мужском или женском роде. В родственных друг другу норвежском, шведском и датском языках тоже недавно введено аналогичное «нейтральное» местоимение *hen* вместо, соответственно, *han* и *hun* («он» и «она»). <...> Если теоретики феминизма, внедрившие в массовое сознание понятие «гендер», заменив им понятие «пол», лишь теоретизировали на эту тему в 80-х годах прошлого века, то сегодня их теория стала гендерной идеологией, которая легла в основу всего западного мироустройства»^[35].

2. Бостром и другие: манифесты транслюдей

На исходе столетия, в 1999 году, вышел развёрнутый манифест трансгуманизма под редакцией нескольких признанных лидеров этого направления во главе с Ником Бостромом. В нём были даны следующие определения:

«Трансчеловек – некто, активно готовящийся стать постчеловеком». «Постчеловек (posthuman) – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком». «Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни»^[36].

В сущности, мы видим установку на максимум «прогрессивности», то есть в идеале должно произойти как можно больше изменений, сближающих человека с машиной или компьютерной технологией (в виртуальном варианте), что говорит о наращивании блока рационального мышления в ущерб другим функциям личности. Сознание постчеловека сводится к «идентичности» как к набору сведений, что также сближает трансгуманизм с подходом западного общественно-научного мейнстрима. Трансгуманизм не создаёт новой личности, не уничтожает старую, он трансформирует и полностью подчиняет имеющуюся личность^[37].

Промежуточным, переходным типом между современными людьми и постлюдьми предполагаются транслюди. Транслюди, в отличие от постлюдей, видятся более реальным объектом с чёткими параметрами, такими, как улучшение тела имплантатами, «бесполость», искусственное размножение и «распределённая индивидуальность».

Мы уже видим сегодня много людей, которые выполнили или с некоторым успехом пытаются выполнить эти условия (чайлд фри, трансгендеры, бисексуалы, лица, применяющие экстракорпоральное оплодотворение и др.). Имплантаты в теле также являются реальностью сегодняшнего дня, но изменения личности сами по себе они не производят, если исключить тот вариант, что они могут быть использованы как интерфейсы для контроля над «распределённой личностью».

Сегодня транслюди – это в том числе и индивиды, занимающие высокое социальное положение и ответственные должности. Транслюди нередко стоят и во главе корпораций. Кстати, возможно, именно в принадлежности к транслюдям и есть разгадка странного публичного

высказывания и непубличного поведения некоторых известных людей, которое трудно объяснить исходя из традиционной прагматики. (Наводят на эту мысль попадающие в СМИ реплики целого ряда финансовых олигархов мирового уровня, а также президентов ряда стран и топ-менеджеров крупнейших корпораций – впрочем, с их стороны это может быть знаком лояльности транснациональной сети, которой они принадлежат.)

Голландский «биохакер» и либертарианец Петер Йоостен в своём обзоре современных направлений трансгуманизма, среди его главных технологических драйверов, указывает: разработку искусственного трансплантата, заменяющего головной мозг, разработку информационных технологий, позволяющих произвольно загружать и разгружать суррогат мозга по аналогии с компьютером. *«Морфологическая свобода – это возможность выбрать любую форму тела, которую позволяет технология. В эфире для Valerio4ever, для которого я также брал интервью, участвовала женщина, целью которой было кататься на лыжах в созвездии нанороботов на песчаных дюнах Марса»,* – разъясняет Йоостен. Освоение космоса Йоостен связывает, в частности, с тем, что законы и правила на других планетах будут гораздо менее жёсткими, чем на Земле, и люди будут улетать далеко, чтобы подвергать там себя наиболее продвинутым экспериментам по совершенствованию своей природы.

Такого рода высказывания могут создать ощущение, что мы имеем дело не с философами и не с идеологами, а с аутичными подростками, начитавшимися фантастики до полувменяемого состояния, когда грань между беллетристикой и критическим мышлением стёрлась. Так или иначе, именно такого рода авторы задают сегодня тон трансгуманизма на Западе.

Излагая «историю мечты человека» о своём совершенстве и о столкновениях этой мечты с клерикальной и административной «косностью», и Бостром, и Йоостен избегают упоминания об оккультных структурах, как и о метарелигиозных движениях вообще. Вкратце касаясь связей трансгуманистов с военными, оба автора обходят молчанием причастность упоминаемых лиц к разработкам средств массового уничтожения или «нелетальной» войны, даже если они рассекречены и широко дискутируются в Сети. Ещё одно сквозное умолчание – тема «зелья», т. е. эйфоризирующих средств, даже если речь идёт не о современниках (как Майкл Гольдблатт, с 2012 работающий в компании Cannabis Sciences), а об алхимиках Средневековья. Умолчания, касающиеся связей современных трансгуманистов с культами, можно объяснить стараниями обоих авторов противопоставить науку религии, хотя иногда эта оккультно-сектантская составляющая настолько очевидна, что её невозможно закамouflировать (как пример – инициативы Terasem Movement).

Как Бостром, так и Йоостен игнорируют тему душевных расстройств у современников и далёких предшественников, даже если они общеизвестны из популярных энциклопедий. Оба автора либо не воспринимают клиническую психиатрию как науку, либо – что более вероятно – по законам презентационного жанра прибегают к «лакировке» образа авторитетных фигур ради репутации всего своего направления. «Лакировка» затрагивает и те биографические детали предшественников и лидеров движения, где они смыкаются с откровенно мизантропическими идеями и откровенно геноцидальными военно-политическими планами.

Мы не намерены в своём докладе фокусироваться на психиатрических диагнозах отцов и проводников трансгуманизма, а также на том, что в припадке политкорректного «целомудрия» называют их «богемным поведением». Однако считаем своим долгом указать на некоторые закономерности в этом отношении. (Так же как ранее мы сделали это в адрес творцов и проводников контркультурной и психоделической революции в 6070-е годы XX века.)^[38] Закономерность эта состоит в том, что очень многим, если не большинству идеологов трансгуманизма свойственны «характерологические странности». К числу таковых относятся, в частности, Джулиан Хаксли, Алан Тьюринг, Норберт Винер. Учитывая не сам факт душевного расстройства, а его влияние на мировоззренческую систему и её внезапные выражения, более уместно было бы охарактеризовать данную общую черту как **склонность к голотимному сдвигу**, т. е. формирование идеологических конструктов под влиянием спонтанно изменившегося (знака) аффекта. Всё это не особенности биографий отдельных лиц, а определённая печать, которая лежит на трансгуманизме в целом.

И уж совсем в неприглядном и ошеломляющем виде предстаёт изнанка трансгуманизма в свете недавних американских скандалов с Эпштейном и культом Бронфманов. Здесь увлечение новейшими технологиями сошлось и с оккультизмом, и с отъявленным гностическим высокомерием, и явными намеками на мечту об установлении Нового Рабства и нового кастового порядка, которая звучит уже не гипотетически, как у Аттали, но приобретает реальные практические очертания.

То, о чем не принято говорить вслух, вдруг вскрылось как подноготная высшей элиты англосаксонского мира, вернее, транснациональной сети, включающей как высшую аристократию старой Европы и Аравии, так и финансовую олигархию и светское общество США, Англии, Израиля, ряда других государств. На этот раз имена именитых учёных, связанных с трансгуманизмом (таких как трансхomo-икона Стивен Хокинг, нобелевский лауреат Мюррей Гелл-Ман), вскрылись в контексте резонансного ареста финансиста Джеффа Эпштейна по обвинению в серийной педофилии и торговле «живым товаром». Журнал New York Magazine опубликовал его телефонную книжку, в которой оказались не только крупные политические фигуры, такие как Билл Клинтон и

британский принц Эндрю, но и множество учёных из прорывных отраслей.

В 2010 году Эпштейн был вынужден официально зарегистрироваться в штате Нью-Йорк как опасный сексуальный преступник, а в 2015 году дело приобрело ещё более скверный оборот. Выяснилось, что в принуждении к сожительству нимфеток с Эпштейном участвовали сами учёные мужи, в частности трансгуманист Марвин Минский – учитель Курцвейля; что не только Билл Клинтон и демократические чиновники, но и такие именитые профессора как биолог Мартин Новак, физик Лоренс Краусс, математик Натан Мирволд, лингвист Стивен Пинкер релаксировали на карибском острове Малый Сент-Джеймс, куда девочек завозили на 38-футовом корабле, а также на самолёте Gulfstream, имевшем прозвание «Лолита-Экспресс». На том же острове в Карибском море была зарегистрирована компания Southern Trust Co., занимающаяся серьёзными научными разработками, в частности, «базой данных ДНК и майнингом данных». Там же был возведён оккультный храм с большим подземным лабиринтом, имеющий архитектуру культовых сооружений «непонятной веры».

После этой серии публикаций Эпштейн был найден в своей камере сначала полузадушенным, после чего пришёл в себя, а затем, спустя неделю, задушенным, причём с двумя переломами подъязычной кости, что с версией о суициде не сходится. Выяснилось, что адвокаты приводили в камеру женщину, а руководство изолятора этого не замечало. После этой кончины многие из фигурантов записной книжки покойного смогли вздохнуть с облегчением.

Один из секретов Эпштейна был раскрыт New York Times за неделю до его смерти: *«Джеффри Эпштейн долгое время был очарован трансгуманизмом – научной концепцией, направленной на улучшение человеческой расы с помощью таких методов, как генная инженерия и искусственный интеллект»*, – бесстрастно сообщало издание. – Он говорил с несколькими людьми о плане распространения своей ДНК по всей человеческой расе путём одновременного оплодотворения многочисленных женщин. Он еще в начале 2000-х годов говорил с несколькими учёными и бизнесменами о своей мечте использовать свое ранчо в Нью-Мексико для осеменения, собрав для начала двадцать женщин. Он обсуждал эти планы также с известными учёными, лауреатами Нобелевской премии... Эпштейн также интересовался криогеникой, недоказанной наукой, включающей замораживание человеческих тел, чтобы позже вернуть их к жизни, заявив, что он хочет, чтобы его голова и пенис были заморожены».

Налицо явные признаки не научного и не идеологического, а культового характера, причём сопряжённого с идеей эротического рабства^[39]. Свертывание расследование дела Джеффри Эпштейна имеет не только политический смысл (защиты репутации Клинтона и других высокопоставленных особ), но и стратегический: база данных ДНК,

готовившаяся для оккультных экспериментов, еще может получить целенаправленное применение в руках неомальтузианцев и экспериментаторов над человеческой природой.

В комментариях New York Magazine к «чёрной книжке» Джеффри Эпштейна названо имя, упомянутое Джеком Сарфатти в числе спонсоров Human Potential Movement («Движение за развитие человеческого потенциала», знаменитое своей политической и оккультной ролью в новейшей истории) — «Бронфманы из Торонто». Здесь просматривается связь с ещё одним скандалом на почве сексуальных культов: Nxivm — существовавшего под прикрытием школы психологического тренинга «тайного сестринства», участницы которого назывались «рабынями» и подвергались клеймлению и телесным наказаниям. Лидеры культа были арестованы в 2018 году, и это вместе с новым «делом Эпштейна» наводит на мысль, что полицейские власти наткнулись на верхушку некоего оккультного айсберга, связанного с не вполне ясными ритуалами и идеями нового рабства. Впрочем, из всей семьи Бронфманов, которых иногда называют «американскими Ротшильдами», уголовному преследованию подверглась лишь одна Клэр Бронфман.

Между тем над крионикой сгустились тучи. В августе 2019 года крионическая компания Alcor звучит в сюжете, леденящем в прямом и переносном смысле. В штате Аризона проходит суд по жалобе трёхлетней давности, касавшейся невыполнения частной биологической компанией Biological Research Center (BRC) своих обязательств перед клиентом, тело умершей супруги которого было приобретено для научных целей. Молчавший пять лет (!!!) агент ФБР внезапно излагает свои впечатления о рейде в офис этой фирмы. И только сейчас обнаруживается, что фирма была с ярко выраженным культового характера сатанистским душком — как иначе объяснить распятое в её офисе тело мужчины, к которому подшита маленькая женская голова?

«Как Франкенштейн», — докладывал агент, а местная пресса составляла досье на весь биологический бизнес штата, включая ту самую компанию Alcor, которой многие мечтатели о второй жизни завещали свои тела, а некоторые только головы и половые органы^[40]. Пресса дополняет историю подробностями: в BRC был целый холодильник с **гниющими половыми органами**, а на канадской границе был задержан мужчина **с полным багажником человеческих голов**, тоже ехавший в Аризону. Дома же у него нашли целый склад **тазовых костей с мёртвыми младенцами внутри** «неизвестного предназначения». Вся эта история заканчивается приговором в виде штрафа главе BRC Стивену Гору, а что на самом деле происходило под крышей этой компании — остается благополучно неизвестным. После этой истории крионика как направление трансгуманизма в восприятии широкой аудитории ассоциируется с кошмаром.

С учётом этих фактов не кажется странным, что уже упоминавшийся экстропианец Макс Мор, хотя его направление внутри трансгуманизма и

выступает под маркой науки, обнажает корни своего мировоззрения в одной из статей, которую можно считать манифестом-провокацией. Речь идёт о работе «Во славу Дьявола», напечатанной журналом «Либертарианский Альянс» в 1991 году. В ней Мор излагает известную гностикотеософскую идею о Люцифере – «несущем свет» и восставшем против Бога, «державшего человека во тьме»^[41]. Текст, надо сказать, довольно-таки бездарный в философском плане и при этом саморазоблачительный – здесь имеет место эксплуатация нарциссизма и других пограничных расстройств, особенно характерных для подросткового кризиса идентичности (14–17 лет – возраст, когда шансы контркультурщиков, наркоторговцев и квир-меньшинств «завербовать» подростка существенно выше). Люцифер в трактовке Макса Мора выступает как воплощение разума, интеллекта, критического мышления, поиска новых идей. Бог же, напротив, выступает как антипод экстропианства – носитель энтропических сил, догматик, деспот и садист, строящий свое господство на невежестве и трусости. Мор апеллирует к неустойчивой психике потенциальной паствы, когда закликает её: *«Концепция Первородного Греха и спасения во Христе являются глубоко оскорбительными для меня и всех экстропианцев, которые ценят личную ответственность. <... > Все вы – Папы. Вы сами высший авторитет для самих себя. Вы сами источник ваших действий. Вы сами, не важно, активно или нет, выбираете себе систему ценностей и жизненные цели. Вы сами выбираете, во что верить, как сильно верить и что воспринимать как развенчивающие факты. Никто не властен над вами – вы сами управляете собой, выбираете подход к жизни, думаете. Присоединяйтесь ко мне, присоединяйтесь к Люциферу.»*^[42]

3. Перехват технологий

Новыми стимулами для конструкторов «постчеловека» стали как реальные прорывные достижения в сферах нанотехнологий (особенно новых материалов), робототехнике и генной инженерии, так и псевдонаучные построения, особенно в рамках теории сложности, в которых нередко физические феномены трансформации материалов произвольно проецируются на биогенетические процессы и даже на закономерности массовой психологии. Смещение науки с псевдонаукой подстегивается новым спросом военных промышленников на технологии информационно-технической и информационно-психологической войны.

В 2012 году Национальный совет по разведке США заявил, что в ближайшие 15 лет основной тенденцией станет расширение «врождённых человеческих возможностей» при помощи НБИК-технологий (совокупность нано-, био-, информационных и когнитивных технологий)^[43]. Некоторые экспериментальные НБИК-разработки уже

презентованы широкой общественности. К примеру, небезызвестный Эдвард Сноуден рассказал о «дистанционном мониторинге нейронов», в ходе которого осуществляется в буквальном смысле телепатическое общение: можно напрямую передавать звуковые и визуальные сообщения, видеть и слышать чужими глазами и ушами. Планируется, что эту технологию, помимо прочего, будут использовать для «выявления неблагонадежных социальных элементов», что вызывает неизбежные аллюзии на полицию мыслепреступлений и очередной виток поиска эффективных средств тотального контроля^[44]. Ещё одна разработка – оптогенетика, призванная помочь всем желающим «улучшить врождённые качества и особенности организма с помощью управления мозговой активностью». С этой целью предлагается использовать генно-модифицированные нейроны, способные синтезировать опсины – светочувствительные белки, содержащиеся в глазных клетках. Управляя ими, можно манипулировать электрической активностью нейронов.

Похожего эффекта можно добиться при вживлении мозговых имплантов. Одним из пионеров в этой области стал стартап Neuralink, презентованный Илоном Маском^[45]. Через 8-миллиметровое отверстие в черепе вживляются 100 проводов и 3000 электродов. Сигналы принимает небольшой блок, который планируется располагать за ухом, а он, в свою очередь, будет передавать данные на компьютер. Как заявляют представители проекта, конечная цель – совместить работу мозга с искусственным интеллектом.

Во всех этих случаях есть серьёзные основания подозревать, что под видом «гомомодернизации» и «улучшения человеческих способностей» потерявшему ориентиры человечеству «продают» услугу **физической «гаджетизации», т. е. буквального сращивания с электронными системами – а в подноготной: внедряют в мозг систему тотального контроля**, поданного под «соусом» всемогущего ИИ.

Как справедливо задается вопросом один из русских блогеров: *«Что считать «улучшением интеллекта»? Более высокая скорость мышления, например, не прибавляет ума. Глупец может мыслить на порядок быстрее гения. Только вот решения он будет принимать неверные и дурацкие. Зачем это нужно? Куда сможет себя приложить социально человек с улучшенным интеллектом в мире, где курс на дебилизацию и умные просто опасны?»*

Еще один важный аспект проблемы «гомомодернизации» затрагивается авторами уже упомянутого доклада Национального совета по разведке США «Глобальные тренды – 2030», которые откровенно заявляют: *«Через 10–15 лет технологии расширения человеческих возможностей будут доступны только тем, кто сможет за них заплатить. Это повлечет за собой построение двухуровневого общества, и неизбежно возникнут морально-этические проблемы»*^[46].

Ученые Лондонского королевского общества, в свою очередь, подтверждают, что трансгуманистические технологии произведут настоящую социальную революцию, но одновременно их дороговизна увеличит расслоение общества^[47].

Но чаще всего вопрос о социальном расколе решается трансгуманистами в «оптимистическом» ключе. Парализованный Стивен Хокинг, поистине выступавший многие годы в силу своей инвалидности как некое подобие «головы профессора Доуэля» и «синтетический голос» трансгуманизма, в книге «Ответы на большие вопросы» предвидит в будущем «политические проблемы с неусовершенствованными людьми». Однако проблемы эти, которые приведут к некоторым эксцессам, по мнению Хокинга, в конечном счете разрешатся через вымирание этих самых людей. Их заменит «самоорганизующаяся раса», наращивающая свою мощь со всевозрастающей скоростью. Таков приговор Хокинга в адрес традиционного человечества.

Остановимся подробнее на тех технологических направлениях, на успехи в которых рассчитывают трансгуманисты.

Молекулярная нанотехнология. Это научное направление приобретает благодаря трансгуманизму особое значение. Главный смысл в определении нанотехнологий – «полный контроль над структурой вещества» на молекулярном и атомном уровне. В прикладном плане молекулярные нанотехнологии – основа всех остальных технологий трансгуманизма, в том числе и биотехнологий, и технологий присоединения человека к сверхразуму машины и т. д.

Увы, добиться цели господства над веществом, подобно амбициозным алхимикам, современным учёным пока не удалось. Ассемблер для сборки молекул из атомов должен был быть создан в 2017 году, согласно прогнозам трансгуманистов. Но где он?

Возникает предположение: **если не удаётся найти господство над веществом, то нужно использовать развивающиеся технологии для господства над человеком.** В сфере нанотехнологий приближённым к реальности может быть назван упомянутый чуть выше «Нейралинк» Илона Маска.

Генная инженерия может рассматриваться в контексте основной идеи трансгуманизма об овладении структурой вещества как частный случай нанотехнологий в биологии. Но её особенность состоит в том, чтобы подобрать механический ключ к живым организмам, сверхсложным и находящимся на высокой ступени развития. Иными словами, речь идёт о технологии управления живыми со стороны мёртвых – машин. Генной инженерии не удалось создать живое из мёртвой материи. Но генная инженерия может вмешиваться в уже существующие живые организмы, изменяя их, например, в трансгенном растениеводстве и животноводстве, удаляя ген воспроизводства, чтобы установить зависимость потребителей семенного и племенного фонда, контроль над которым находится в руках монополистов.

Частной задачей является редактирование генома, ведущее к выведению разных пород людей и разных индивидов. Приблизятся ли они к сверхлюдям, если редактирование генома избавит от каких-то болезней? На этот вопрос ответа пока нет.

Искусственный интеллект трансгуманисты воспринимают как в будущем «сверхразум», значительно превосходящий человека. Тема технологий сверхразума неспроста является судьбоносной для трансгуманизма, с ней связаны ключевые фигуры, такие как Р. Курцвейл и Н. Бостром, а также перспективы IT-отрасли, в которой их идеи должны найти применение. Наиболее продвинутые трансгуманисты понимают, что им не удастся воспроизвести человека; но, собственно, это им и не нужно.

Здесь приходит на ум известная из античной трагедии ироническая фраза *deus ex machina* (бог из машины), обозначавшая механическое устройство, призванное имитировать появление в театре языческого бога. Человек в перспективе рассматривается как более слабый «натуральный двойник» качественно превосходящего его сверхразума^[48], и этот двойник обязан подчиняться ему. Таким образом, мы сегодня и присутствуем при явлении этого трансгуманистического «бога из машины», предшественницей которого была, вероятно, идея человека-машины Ламетри.

Как может машина контролировать человека? Только благодаря техническим параметрам, в которых она сильнее. Скорость работы искусственного интеллекта на порядки превосходит человеческий разум, то есть делает его бессмысленным с позиций быстроты (что важно при понимании ключевого для трансгуманизма концепта сингулярности). Иными словами, Сверхкомпьютер вовсе не превзойдет разум человека, но будет поставлен внутри человеческой цивилизации в особые условия, благодаря которым он будет управлять социальными процессами, программировать их. В таком мире работа сознания человека на базе обычного мозга вообще утратит применимость в социальном мире, управляемом сверхмашинами. Что-либо делать можно будет только через сверхмашину по её командам, в перспективе через нейроинтерфейсы или нейроимпланты.

Когда Р. Курцвейл в своей «Эволюции разума» пытается доказать, что система «Ватсон» по своим технологиям очень похожа на те алгоритмы, что эволюционировали естественным путём в коре головного мозга, — он вводит нас в заблуждение. Ведь проблема не в том, станут ли или не станут программы ИИ по-настоящему человекоподобными, а в том, что самого человека планируется переделать под алгоритм а ля «Ватсон» или «Сири». И эта переделка в современной системе массового начального и среднего образования уже полным ходом идёт.

Сверхразум не просто технический контролёр и улучшитель поведения людей, но и суррогат сверхличности, «в которой» находятся части распределённых личностей людей, их когнитивного «контента». Это

должен быть специально обработанный, выдрессированный человек, трансчеловек или постчеловек, принявший над собой когнитивное превосходство Сверхразума и отказавшийся от тех своих преимуществ, которые находятся в других плоскостях (духа, сознания, интуиции, откровений и озарений, нерационального ядра личности, свободной воли как источника творческого хаоса и т. д.). Человек вынужден будет подчиниться машине не просто потому, что это кому-то захотелось, а исходя из понимания себя как машины, то есть из внутренней логики. Если не изменить человека под машину, не сделать его частью распределённого сетевого сверхразума, то будет очевидно, что машина лишь имитирует отдельные функции мышления^[49]. Поэтому апологеты трансгуманизма стараются расставить акценты по-другому: дескать, человек и компьютер исходно выступают как «равноправные машины», искусственный интеллект дорастает до уровня человека и призван превзойти его^[50].

Это должен быть специально обработанный, выдрессированный человек, трансчеловек, или постчеловек, принявший над собой когнитивное превосходство Сверхразума и отказавшийся от тех своих преимуществ, которые находятся в других плоскостях (духа, сознания, интуиции, откровений и озарений, нерационального ядра личности, свободной воли как источника творческого хаоса и т. д.). Если не изменить человека под машину, не сделать его частью распределённого сетевого сверхразума, то будет очевидно, что машина лишь имитирует отдельные функции мышления.

Создание роботов и киборгов. Трансгуманисты возлагают большие надежды на гибридизацию человека и робота — киборгизацию. Проблема интерфейса, связывающего человека и компьютер «напрямую», без опосредования традиционными знаковыми системами и управляющим ими сознанием, является ключевой проблемой трансгуманизма, решение которой позволило бы поставить человека под контроль машин, то есть превратить в часть машинного разума. Несмотря на то что задумка довольно утопична, всё же она может быть реализована в виде имплантов и прочной связки организма человека с роботами. Ряд изменений, которые ведут к изменениям человеческого тела являются вторичными, хотя и важными, так как они в целом не меняют личность человека и устройство общества, выступая приманкой для жаждущих долголетия. Сколько бы человек ни имел искусственных органов, он от этого не станет сверхчеловеком.

Истинная задумка разработки киберпротезов не в том, чтобы помочь инвалидам, — это побочная цель, — а в том, чтобы в конце концов связать компьютер с мозгом человека, превратив их в единую систему с обратной связью. При этом инвалидов или другие группы (например, военных) разработчики используют в качестве экспериментальной площадки.

Виртуальная реальность — сфера, в которой возможно когнитивное подчинение человека машине. Понимая, что создать новую природную и

телесную реальность не получится, апологеты постчеловеческой эры стремятся навязать сверхразум и его продукты в качестве основной реальности, несмотря на то, что эти продукты являются имитаторами человеческого мышления и деятельности. На таком подходе к приоритету виртуальной реальности воспитываются новые поколения, которые должны стать субстратом трансгуманистического социума. Виртуальная среда объявляется превосходной реальностью для творчества (а творчество – проявление духа). Но в виртуальной среде творить можно только то, что позволяет компьютер, даже если человек знает больше его. В случае суперкомпьютера ситуация может поменяться, так как человека, стоящего за ним, уже не будет. Сегодня виртуальная реальность и так называемая «дополненная реальность» для массовой части населения становятся ведущим когнитивным фактором, по законам которого рассматривается вся остальная среда: потребление, работа, ориентировка, обустройство пространства, общение.

Самосовершенствование в виртуальности потенциально бесконечно, однако оно лежит в русле бесконечно усложняющейся компьютерной игры, то есть будет загонять человека всё глубже в виртуальный мир, а не способствовать увеличению его мощи и могущества в реальном мире. К тому же и сам алгоритм совершенствования человека будет компьютерным, машинным, и это приведёт, и уже отчасти приводит среди массы адептов гейм-индустрии к перенаправлению развития навыков и способностей человека – от тех, которые человек мог бы определить для себя сам, к тем, которые определяет для него система программирования, задаваемая Искусственным интеллектom. (В первом поколении компьютерных игр, виртуальных тренажеров такого не было – грань между реальностью и тренингом в цифре была очевидной и зачастую могла быть пренебрежимо малой с точки зрения целей человека в реальном мире.)

Изоляция человека и замена природной среды. Трансгуманисты стараются заменить не только человека, но и его природную среду в широком смысле, понимая их как единое целое Большой истории. Трансгуманизм ставит задачу изоляции человека от естественной природной среды макрокосма и замену её искусственной природной средой из новых материалов и живых существ, подчинённых автоматизированным системам. В наибольшей степени такому режиму соответствует образ жизни в мегаполисах, с использованием «умного» режима регулирования общества. Это отчасти совпадает с интересами и тенденциями крупного капитализма, который специализируется на продаже продуктов и технологий искусственной среды и заинтересован в том, чтобы как можно меньше людей имели к ней прямой доступ. Поэтому систематически производится законодательное запрещение прямого, по крайней мере, бесплатного доступа к ресурсам, часто под видом улучшения его регулирования (запрет бесплатной, стихийной рыбалки, охоты, сбора ягод и грибов, самостоятельных стоянок для

туристов, запрет заготовки дров из валежника, сухостоя и сырых деревьев, запрет входа в лес в пожароопасное время, ограничение пользования источниками воды). Одновременно с введением уголовного преследования за срубленное дерево происходит массовая вырубка реликтовых лесов, выжигание в пожарах сотен тысяч гектаров леса (часто из-за организованных поджогов собственниками или претендентами). Если человеку нельзя запретить доступ в лес, как это делается в некоторых территориях и ситуациях, то нужно запретить пользоваться его богатствами.

При этом человек априорно рассматривается как изолированное существо, враждебное природе и наносящее ей ущерб. К этому относятся якобы природоохранные мероприятия, создание парков и превращение природы в парки с особым режимом. Созданием искусственной среды с модифицированными организмами заняты трансгенное и химизированное сельское хозяйство, специализирующаяся на суррогатах пищевая промышленность и вегетарианство, отключающие человека от естественной пищевой цепочки, управление климатом (эксперименты с климатическим оружием и ионизирующими излучениями). Попытки «решать» или имитировать решение проблем изменений глобального климата (потепления) за счёт регулирования промышленного производства также тесно соприкасаются с трансгуманистической повесткой.

4. Трансгуманизм в действии

Многие социальные и социобиологические направления ликвидации традиционного человека запущены ещё до складывания трансгуманистического движения и, в отличие от фантастических задач и целей трансгуманизма, они уже частично реализованы. Приведём наиболее характерные направления практической реализации трансгуманистической парадигмы.

Жизнь, рождение и смерть под контролем. Бесполость и искусственное размножение, согласно FM-2030, – основные признаки транслюдей. В отношении общества попытка захвата контроля пока выглядит «просто» как структурно-демографическая политика по решению проблем народонаселения. Применительно к смерти это вопрос об эвтаназии, крионике и абортах. Трансгуманисты обещают, что трансчеловек сам будет принимать решение, когда покинуть этот мир. Однако, скорее всего, это будет делать «сверхразум».

Контроль за здоровьем. Осуществление возможностей вмешательств в организм с различными целями, в том числе и не имеющими прямого отношения к здоровью (чипизация, срок жизни, блокировка нежелательного поведения, некоторые виды гормональной и фармакологической коррекции). К этой группе следует отнести и контроль над здравоохранением под видом борьбы с вредными

привычками и «неправильным» образом жизни индивидов (то есть контроль над личностью, её волей). Сюда же относится и эпидемиологический контроль нового уровня, связанный с обязательными прививками с рождения и в течение всей жизни. Вирусно-бактериологические разработки и гонка вооружений в этой области лишь подхлёстывают мотивацию правящих верхушек на «медицинский тоталитаризм» и право на введение «карантинной диктатуры». На примере кампании, связанной с коронавирусом в 2020 году, можно видеть, как параметры современного западного менталитета со свойственными ему мнительностью и «ипохондрией здоровья» принялись насаждать буквально во всём мире.

Лекарственный контроль. Жизнь современного человека, в особенности при возникновении каких-либо проблем со здоровьем, или просто во второй половине жизни, связана с потреблением большого количества лекарств или аналогичных средств (БАДов). Их потребление напоминает потребление психостимуляторов (которые, как правило, также имеют статус лекарств). Со временем многие люди просто не смогут без них обходиться, настроив соответствующим образом свой организм, который, как правило, мог бы без них обойтись. Лекарства в некоторых странах Запада отпускаются только по рецепту врача, что ставит их потребителя в зависимость от медицинской системы.

«Пилюли счастья». Ноотропные и психомодерирующие препараты, лёгкие и некоторые тяжёлые наркотики становятся средствами погружения населения в тяжёлую зависимость от системы, а значит, контроля над человеком и его личностью. *«На самом деле, у нас уже есть надёжные (хотя, возможно, пока токсичные) средства для борьбы со скукой. Например, психостимуляторы, такие как амфетамины»*, — беззастенчиво указывали авторы катехизиса трансгуманизма^[51].

Борьба со скукой и стремление «развлечь» население.

Долгосрочный контроль психоэмоционального состояния осуществляется через индустрию вызывающих привыкание развлечений, в особенности виртуальных (игры, фильмы, клипы, мемы, новости, в особенности фейкового и отвлекающего характера). Возникновение массовых психических и психофизиологических зависимостей (наркомания, игромания, зависимость от виртуального мира, шопоголизм, зависимость от секса и порнографии, других изощрённых удовольствий и острых ощущений) является прямым результатом мутаций общества трансгуманистического типа. Гедонизм насаждается в обществе потребления как естественная психоэмоциональная установка.

Программы планирования семьи и ограничения или стимулирования рождаемости. Трансгуманисты в своих манифестах и идеологических документах выступают апологетами неомальтузианства, «устойчивого развития» и «нулевого

роста»: *«Следует поддерживать программы планирования семьи и распространения противозачаточных средств, особенно среди семей в бедных странах, где население растёт быстрее всего. По мнению трансгуманистов, постоянное лоббирование некоторыми религиозными группами в Соединённых Штатах прекращения этой гуманитарной помощи является серьёзной ошибкой»*^[52].

Миграция. Общество мигрантов. Контроль рождаемости увязывается с замещающей миграцией в Европу, США, Канаду, Россию, тем самым позволяя сравнительно легко произвести расовую и этнокультурную трансформацию народонаселения даже при умеренном притоке мигрантов. Замещающая миграция и иная миграция вообще являются элементами трансгуманизма, поскольку они формируют людей нового типа, «извращённых кочевников», не имеющих привязки к этнической «почве», склонных к смешанной или искусственно сконструированной, гибридной этнокультурной идентичности. От этой навязываемой идентичности, близкой по своим параметрам транслюдям, наиболее продвинутым мигрантам, интегрирующимся в развитое общество, сложно отказаться, ибо это часто единственный шанс «зацепиться». Для трансгуманистов важна не только инокультурная миграция, но и миграция вообще, даже внутри коренного населения (горизонтальная мобильность), а также и туризм как часть «наркотизирующей» системы развлечений. Миграция – катализатор ключевых процессов трансгуманизма, придающий им такое ускорение, которого они не получали бы, если бы речь шла о стабильно оседлом, пустившем корни в свою почву населении.

Общество потребления как тотальная трансгуманизирующая технология. Общество потребления представляет собой комплексный социальный институт по выведению человека нового типа, как в психологическом, так и в физиологическом отношении. Суммарные возможности общества потребления (его корпоративных структур) по переделке человека превосходят возможности государства. Потребитель является объектом манипулирования, в том числе, с использованием его электронных профилей, банковских карт, «карт лояльности», больших данных, медиа, рекламно-маркетинговых тактик.

Спорт и физическая культура, особенно в лайт-формате (фитнес и салон по уходу за телом) являются наиболее массовыми и активными площадками психофизической трансгуманизации, подчинёнными обществу потребления. Механизмы подражания (мимезиса) и коммерческой эксплуатации общества потребления формируют массовые подобию транслудей по двум направлениям: зависимых «недолудей» и «сверхлудей», икон потребительского успеха.

Контроль над пенсионерами. Всеобщее искусственное состаривание (геронтификация). Пенсионеры рассматриваются как одинокие атомизированные индивиды, постепенно поступающие в полное ведение государства, которое осуществляет уход за ними, а также

определяет их социальный статус. Пенсия в какой-то мере служит моделью всеобщего гарантированного дохода, когда дожитие становится целью и более молодых поколений, оказавшихся лишними; таким образом, последние досрочно, а иногда и сразу по достижении совершеннолетия превращаются фактически в пенсионеров.

Искусственное затягивание периодов обучения и вхождения в профессию, проживание за счёт государства (пособий) и родителей, поощрение различными способами инфантилизации населения являются рычагами одновременно создания иллюзии «вечной молодости» и фактического состаривания молодых. Насаждение модели жизни транслюдей ведёт к падению рождаемости, отказу от семьи и, самое главное, от позиции активного среднего возраста. Молодые старики являются и наиболее управляемой категорией, несущей минимальные риски системе глобального управления. Старость перестаёт быть ценностью, итогом борьбы, мудростью. Извращённая старость и фиктивная юность переводят жизненный цикл в виртуальную плоскость, превращая жизнь в фантом. И не удивительно, что идеалом постчеловека объявляется избавление от биологического тела, полная виртуализация загруженного на искусственный носитель сознания^[53].

Контроль над семьёй и ликвидация института семьи. Борьба с институтом традиционной двуполой семьи и замена его формальным сожительством под контролем государства – одна из ключевых целей трансгуманизма, связанных с подчинением момента рождения и воспроизводства системе управления. Особенно важен контроль над семьями с тремя и более детьми («многодетными»), в большей степени напоминающими традиционную семью прошлого и представляющими поэтому наибольшую опасность для трансгуманистической парадигмы.

Современная система надзора за несовершеннолетними давно превратилась в ювенальную юстицию, то есть в органы государственного и иногда корпоративного контроля за молодыми поколениями, и лишения традиционной семьи стратегической функции в жизни детей и подростков. Постепенное усиление всевластия ювенальной юстиции, – и контроля над воспитанием, – ступень на пути полного выведения детей из семьи.

Пол вместо ключевого узла социума, родового и личностного существования превращается в придаток гедонистического образа жизни, сводится к функции развлечения и наслаждения («оргазма» как единственной самоцели половой жизни). В конечном счёте, «квиры»: гомосексуалисты, бисексуалы, трансгендеры, метросексуалы и другие категории сексуальных извращенцев, – по самой своей сути являются передовым отрядом трансгуманизма как фактически готовые и идеологически устойчивые «транслюди».

Гарантированный социальный доход. Перевод населения на пособия – форма существования низших слоёв транслюдей, являющихся лишними людьми, то есть не представляющими особого интереса и

ценности для общества во главе с постлюдьми. Этот новый плебс, даже если он выполняет какую-то работу, получает оплату не за труд, а в качестве определённого свыше содержания на поддержание жизни, оплату развлечений и потребления, «хлеба и зрелищ».

Феминизм и феминизация. Феминизм в нескольких его разновидностях, включая борьбу с «харрасментом», традиционно играет огромную роль в трансгуманистических стратегиях. Первоначально речь шла о разрушении патриархальной семьи и достижении равноправия мужчины и женщины, узаконивающего их постоянный конфликт. Фактически речь шла о похоронах ячейки общества осевой эпохи, которая имела место у индоевропейцев и ряда других народов, в рамках традиционных религий, прежде всего, монотеистических. При этом происходил частичный возврат к матриархальному обществу, но в совершенно извращённом виде, без культа плодородия и рождения детей, культа предков, но с культом женского гедонизма и властолюбия^[54].

Уничтожение традиционных монотеистических религий. Своим главным врагом трансгуманисты считают носителей традиционных систем общественного сознания, прежде всего, монотеистических религий, способных поддерживать сложившиеся типы людей, фундаментальные основания в трансцендентальной сфере на основе духовных «прообразов» единого Бога. Эти системы являются личностными: они видят мир как совокупность личностей разного порядка, обладающих духом или волей, и в этом отношении они противостоят машинному безличному разуму. Личностными являются и первобытные анимистические системы. В отличие от них система модерна и новоевропейского материалистического и позитивистского Просвещения не способна противостоять трансгуманизму, поскольку она, как и трансгуманизм, делает ставку на мышление и идеи.

Рационалистическое расщепление не исключает контактов с потусторонним миром. Аналогичный гнозису характер носят некоторые явления, возникшие в осевое время в восточных цивилизациях, например, буддизм, джайнизм, конфуцианство, даосизм, каббала, гностицизм и герметизм. Их элементы органически вливаются в экуменический процесс создания единой идеологии-псевдорелигии. Специфика трансгуманизма в том, что он взял за основу наиболее важную часть этого гностического комплекса – культ разума в его прикладных технологических проявлениях и создал на постмодернистской основе философию новой богемы цифровой эпохи. Трансгуманизм как идеология в узком смысле является разновидностью конструктивистского постмодернизма, унаследовавшего от Просвещения идею всевластия разума, но опустившего его на уровень машины.

Всеобщий электронный контроль. Данная тема является ключевой для трансгуманизма и единственным его реально прогнозируемым результатом, связанным с темой «сверхразума». Для правящих элит

разных стран, озабоченных обостряющейся проблемой устойчивости власти и её инструментов, потери поддержки и легитимности, раздувания демократических иллюзий и усложнения нормативно-правовых систем, электронный контроль является огромным соблазном. С другой же стороны – объективно ценным управленческим инструментом.

Трансгуманистическая сингулярность в обозримом будущем имеет только один технический образ – сингулярность всех электронных профилей человека с массивом больших данных, при котором она станет обязательной в каждый текущий момент реального времени. Поэтому власть элиты становится заложницей технологических систем. Решающий момент в переходе к трансгуманистическим технологиям наступает тогда, когда машина начинает управлять социальным поведением и статусом человека, как это происходит в системе социального рейтинга (кредита) в Китае^[55].

Идея превращения пространств в «умные города», а крупных корпораций в универсальные цифровые экосистемы представляет собой новое издание старых замыслов эпохи «устойчивого развития» и конвергенции мировых систем. Тогда речь шла о неизбежности перехода современной цивилизации в режим глобального социального программирования, в котором суперкомпьютеры станут центрами принятия экспертных решений. В 80-е годы XX века такие идеи активно муслировались как на Западе, так и в СССР. Советские учёные говорили о переходе к научному управлению обществом на основе огромных массивов информации и дошли даже до того, что увидели в таком программировании создание искусственной традиции, которая должна заменить «естественные» культурные традиции прошлого («традициология» Э.С. Маркаряна)^[56].

5. Подмастерья чародеев. Гностицизм и проблема «искусственного человека»

Гностические корни глубинного трансгуманизма, хотя о них и не говорят часто, не остались незамеченными среди исследователей. Так, профессор Зиммерман проводит параллель между «гностическими и герметическими установками, свойственными гуманизму сингулярности». К герметической установке он относит направление Р Курцвейла, ко второй, гностической – постгуманистов-атеистов: *«Тогда как первый (герметизм) подчеркивает, что человечество может обрести знание, требуемое для трансформации Творения, последний считает Творение в сущности своей ошибочным и тем самым недостойным сохранения»*^[57].

Сходного мнения придерживаются философы Джеймс Хоскинс и Джон Грей (последний называет трансгуманизм «научной формой гностицизма»). В своей книге «Душа марионетки» Грей утверждает, что

сегодня уже «не только эта горстка потерянных душ» (трансгуманисты), но и большинство людей на Западе придерживаются гностических убеждений^[58]. Конкретными предшественниками современных транслудей Грей считает поколение викторианской эпохи, а именно: оккультные кружки британской аристократии, такие как Герметический орден Золотой Зари и его наследники, основателей Общества Психических исследований (1882) и т. д. В том поколении предтеч трансгуманизма были такие знаковые фигуры, как Фредерик Уильям Майерс (1843–1901), Генри Сиджвик (1838–1900), знаменитый психолог Уильям Джеймс (1842–1910), лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины Робер Рише (1850–1935), наконец, видный деятель британского политического олимпа граф Артур Джеймс Бальфур (1848–1930)^[59].

Как известно, к главным аксиомам гностического мировоззрения относится убеждение в фундаментальном и непреодолимом неравенстве человеческих существ, их разделении на категории, которые по одной из версий называются, как мы уже отмечали выше: «пневматики» (избранные), «психики» (душевные люди) и «гилики» (природные люди, обречённые на гибель, не имеющие шансов на спасение в силу отсутствия в них высшей «искры»). Церковное христианство гностики рассматривают как крайне искажённое учение Христа, якобы пришедшего в наш мир не спасти всех людей, а принести тайное знание для избранных, пневматиков^[60]. Как ёмко характеризует элитаризм этого типа Н. Ищенко, *«пневматики попадают в высшую сферу не за своё поведение и не за свои заслуги, а только по своей природе. Они не обязаны соблюдать моральные нормы и могут вести себя как угодно — они будут спасены просто потому, что их души изначально оттуда, из царства света, туда они и вернуться»*^[61].

Надо сказать, что и в ортодоксальном христианстве есть представление об избранном меньшинстве, что отражено, в частности, в максиме **«Много званых, но мало избранных»** (Мат. 22, 14; Лук. 14, 24). Кардинальное отличие от гностического подхода заключается в том, что избранные сокрыты внутри мира, и полной уверенности в принадлежности к ним, так же как и уверенности в окончательном падении падших и злых, не может быть ни у кого из людей. Это отражено в евангельской притче о плевеллах, согласно которой плевеллы растут вместе с добрыми злаками до дня последнего суда, и только на суде плевеллы будут выявлены и сожжены (**глава 13 Евангелия от Матфея**). Подход гностиков элитаристский и мизантропический по отношению к большинству людей, тогда как подход христианский можно назвать человеколюбивым, но свободным от ложной и лицемерной риторики о равенстве всех людей. Совершенство в понимании Христа доходит и до любви к врагам, необходимо благотворение по отношению к неправедным и злым, поскольку Отец Небесный благ для всех (Мат. 5, 44–48; Лук. 6, 27–36).

Крайним выражением мироотрицающего гностицизма, характерного, к примеру, для ереси манихеев, является стратегия искусственного прерывания истории и уничтожения человечества. Как отмечает тот же Ищенко, с точки зрения гностиков-радикалов, *«нужно обратить в свою веру всё человечество и коллективно покончить с собой. Этого можно достичь, если перестать рожать детей. Тогда в следующем поколении человечество вымрет, и все освободятся»*.

В ряде своих докладов мы уже описали перерастание отдельных антисистем, таких как ереси, тайные общества, подрывные и революционные организации, в формат транснациональной антисистемы, имеющей глобальный характер. Гностический компонент в мировоззрении этих контринициатических сил является определяющим, о чём мы также писали подробно, в первую очередь в докладе «Русская цивилизация против антисистем»^[62]. В то же время это не означает, что трансгуманизм полностью сводится к гностической традиции – это не повтор старых «ересей», а новый сложный синтез конца XX- начала XXI, осуществляющий своего рода реванш против ослабевшей христианской основы европейской цивилизации, и в этом его серьезная опасность.

Идея об избранных людях, изначально обладающих особыми качествами, удачно наложилась на представления об особой («голубой») крови среди аристократических слоёв Западной Европы и мировой корпоратократии. Вместе с ослаблением и вытеснением традиционного христианства различные изводы гностической доктрины постепенно заместили место мировоззренческого и метафизического ядра западного цивилизационного проекта^[63]. В этом смысле прицельно антихристианский дух и пафос антисистемных сил Запада не может считаться случайным. Он исторически обусловлен многовековой подспудной оппозицией по отношению к церкви и «тайной войной», которую вели эти силы против традиционного христианства как главного барьера на пути их приближения к своей гностической мечте.

Идеи неравенства, нового кастового общества, нового рабовладения являются в этом смысле важной составляющей антисистемной программы. В трансгуманистической парадигме эти же идеи обретают своеобразный оттенок: оказывается, отношение к трансгуманизму выступает как своего рода проверка на принадлежность к избранным людям. Таково предупреждение британского кибернетика Кевина Уорвика, адресованное противникам «гомомодернизации»: *«Отказавшихся улучшаться и решивших остаться человеком новый технически улучшенный вид будет рассматривать как низших существ, точно так же, как люди сейчас рассматривают обезьян или коров»*^[64]. И эта мысль, так же как цитированное выше мнение Стивена Хокинга, – знаковые для трансгуманизма.

Уже упоминавшаяся нами авторитетный идеолог феминистской науки профессор Калифорнийского университета в Санта-Крузе Донна Харауэй в этой связи говорит в своем манифесте 2015 года о смене эпохи Антропоцена (Века Человека) эпохой Ктулхуцена (Века Ктулху)^[65]. Сама Харауэй отрицает связь своего «Ктулху», которого иногда переводят как «Ктулу», с мифологическим персонажем Х.Ф. Лавкрафта – хотя созвучие здесь разительно и ассоциация двух имен не может не возникать. Феминистка называет Ктулху Лавкрафта «монстром-женоненавистником из расовых кошмаров» – её же «Ктулу» есть собирательное имя для целого сонма древнейших женских божеств и духов, таких как Нага, Гайя, Тангароа, Терра, Ханиясу-химэ, Женщина-паук, Пачамама, Ойя, Горго, Равен, А'акулуйюси и многих других, «обвинивших своими щупальцами всю землю». Харауэй предвидит и призывает время, когда все эти «интраактивные существа» воплотятся в качестве сверхчеловеческого измерения в нашей жизни – и тем самым похоронят эпоху патриархальности, эпоху «человеческого, понимаемого как гумус». Несомненно, это тоже мифотворчество, только уже не из расовых кошмаров, а из феминистских. Отмена человека, использование человека как гумуса, то есть навоза для расцвета сверхчеловеческого и постчеловеческого – возрождающего древнейшие архаические духовные практики матриархата – вот ещё один лик трансгуманизма. В своём отрицании традиционной человеческой цивилизации, в своём взрывном потенциале он вполне сопоставим с манихейским гностицизмом самоуничтожения.

В отношении практико-технологических аспектов трансгуманизма обращает на себя внимание ряд высказываний Ника Бострома в его «Истории трансгуманистической мысли», в частности, указание на то, что создание подобий человека следует возводить к сотворению «голема в иудейской мистике»; идею «сингулярности», то есть момента, когда техническое подобие человека может выйти из его подчинения, он усматривает в мировой культуре, начиная от баллады Гёте «Ученик чародея», а предвидение трансплантации органов – от «Человека-машины» Ламетри. Представляется весьма важной тема голема, тем более что она отнюдь не сводится к художественной литературе и фольклору. Это тем более существенная тема, что исследователями из разных школ всегда отмечалась чрезвычайная близость гностических ересей с иудейской каббалой. Важно, что по сравнению с мироотрицающим и пессимистическим гностицизмом духовный порыв творцов голема отражал своего рода исторический оптимизм, что делает его очень похожим на технооптимизм трансгуманистов.

Наиболее близкий к нашим дням всплеск востребованности темы голема возникает после окончания Второй мировой войны. Весьма симптоматично, что в светской философии её поднимает не кто иной, как Норберт Винер, одна из культовых фигур трансгуманистического сообщества. Впрочем, в его книге 1964 года обсуждение взаимоотношений человека и созданного им искусственного разума

опирается на светскую литературу («Арабские ночи», «Ученик чародея», «Обезьянья лапа»), а не на еврейскую мистику, хотя ряд других опорных источников навеян этой мистикой, в частности «Франкенштейном» Шелли или пьесой «R.U.R.» Карла Чапека, уроженца Праги, в которой было введено в обиход придуманное братом писателя слово «робот». (Важно отметить, что у Чапека робот – это не машина, а искусственный человек, изготавливаемый на специальной фабрике, то есть нечто вроде иудейский голема, но не кустарного, а индустриально-поточного производства.)

Здесь, безусловно, неуместно вдаваться в подробности мистических учений и интерпретаций темы голема, тем более их отражений в литературе и искусстве^[66]. Спектр трактовок смысла и сущности голема вращается вокруг каббалистической доктрины о сотворении Адама Кадмона, метафизического прообраза человека, – и тайна голема связана именно с соответствием между формированием этого прообраза и человеческим «творчеством». Одни иудейские авторы называют голема «человеком, созданным для знамения», то есть некоторой демонстрацией мудрости и чуда, другие обнаруживают скепсис и недоверие, подразумевая, что максимум чем мог бы быть голем – это «зверь в образе человека», или «автоматон».

Исследователи утверждают, что первый голем был создан иудейским мистиком Авицеброном в XI веке. Однако встречаются глухие отсылки к созданию «искусственных людей» в гораздо более древние времена, в частности, библейским патриархом Авраамом, затем Иешуа бен Сирой (II век до н. э.). Другие источники сообщают о големе, созданном легендарным отцом гностицизма и всех христианских ересей Симоном Волхвом (Симоном Магом) – причём, в отличие от позднейших каббалистов, он создавал его не из земли, а из воздуха. Также утверждалось, что известный предводитель иудейского восстания против Рима и претендент на роль мессии Бар Кохба должен был явить чудо, которое состояло **в создании человека из пыли**. Чудо это ожидалось, но, по всей видимости, так и не было явлено.

Тем не менее, не столь смутные, а более определённые свидетельства о сотворении големов относятся уже к эпохе классической каббалы^[67]. Но здесь мы встречаем любопытную закономерность, напоминающую историю Бар Кохбы, которая состоит в том, что в Средние века и в Новое время тема голема постоянно актуализируется именно во время «обострения» мессианских чаяний иудеев и появления «лжемиссий». К примеру, сотворение голема или попытки такого сотворения приписывались Аврааму Абулафии (XIII в.) и Шабтаю Цви (XVII в.) – причем это сотворение должно было стать чем-то вроде чудотворного апофеоза каббалы, знаменующего исправление низшей материи.

Другой предпосылкой для широкого распространения каббалы в Европе становится развитие христианского каббализма, вместе с христианскими ересями вливающегося в масонство. Хотя Парацельс использует для

создания гомункула разлагающееся семя, а не глину или тину (putrefactio), в его магии обнаруживается общая черта с теми опытами сотворения голема, которые приписывались его современникам: рабби Элиягу из польского Хельма, а затем рабби Лёву бен Белацелю (Магаралю) из Праги: у Парацельса гомункул созрел 40 дней, и точно такой же период составлял «срок годности» слуг-големов, об изготовлении которых сообщалось как о распространённой практике.

Хотя известный исследователь иудаизма Гершом Шолем в своей работе о големе старательно уходит от темы мессианства, он тем не менее невольно показывает, что магические системы в иудаизме разрабатывались именно в связи со спросом на мессию. В то же самое время в еврейском богословском сообществе эта тема занимает Абрахама Джошуа Гешеля (1907–1972) и его ученика Байрона Шервина (1946–2015). Последний создал труды «Легенда о Големе: происхождение и последствия» (1985) и «Големы среди нас: как еврейская легенда может помочь нам ориентироваться в век биотехнологий» (2004). Глава о генной инженерии у Шервина начинается с талмудической истории о раввинах, создающих теленка, чтобы съесть его в субботний ужин. Вереницу големотворителей, описанных Шервином, он призывает продолжать методами современной генной модификации. Главы, посвященные исследованию стволовых клеток и клонированию, также выводят автора на благословение современным учёным, так как они не создают жизнь «из ничего», и в этом смысле не посягают на божественное величие. В то же время Шервин предупреждает об опасностях от неумеренного, немудрого созидания искусственных существ, от неспособности творцов вовремя остановиться — что может привести к восстанию этих существ против их создателей^[68].

Все противоречия в построениях Шервина, приводящие в недоумение его рецензентов и критиков, решительно снимаются, если признать, что с определённого момента процедура создания дееспособного голема воспринималась в еврейской эсхатологической мистике как буквальный тест на аутентичность, предназначенный для идентификации настоящего мессии. Этим объясняется столь настойчивое и упорное стремление каббалистов в разные эпохи попробовать свои силы в големотворительстве. По всей видимости, не имея желания разглашать столь чувствительную для мессианской эзотерики тайну, авторитетные знатоки вопроса (такие как Г. Шолем) недвусмысленным образом уклоняются от его более подробного освещения.

Что замечательно в квазирелигии сингулярности — это то, что роднит ее с апокалиптическими сектами, назначающими и переназначающими дату конца света. И эпоха сингулярианства очень напоминает те сравнительно короткие периоды, когда ожидание прихода мессии среди иудеев обострялось, и начиналось своего рода «роение». Маймонид, который и сам жил в подобную эпоху, писал по поводу «самозванцев»: *«С приближением времен Машиаха возрастет число людей, полагающих и утверждающих, что каждый из них — Машиах. И*

не подтвердятся утверждения их, и не воплотятся в жизнь. И сгинут они, и вместе с ними погибнут многие» («Послание в Йемен»).

Пафос ожидания Сингулярности, волшебного и чудесного решения всех земных проблем и перехода мира в качественно новое, неведомое для людей состояние, не-интеллект, охватывая как первоначальное проектирование систем ИИ, так и создание механизмов для обеспечения того, чтобы развивающиеся (ранее созданные) системы ИИ оставались дружественными». (См. по этому поводу: Ник Бостром. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. – М., 2016.) сёт в себе черты подобного мессианского «зуда». Трансгуманизм также является родным сыном той атмосферы «инновационного безумия», брожения идей и авангардных вожделений нового мира, которое охватило мир в эпоху великих революций в 10-20-х гг. XX века.

Психологически эти состояния, подобные коллективным помешательствам, отражают страсть историософского нарциссизма – ибо поколения Лжемессии, поколения Великой Революции, поколения Сингулярности невольно «обожают» себя, считая, что именно на их долю выпало главное историческое событие, и сами они участники и решающих высот и «отменяет» весь ошибочный опыт тысячелетий. Мысль совершенно трансгуманистическая, с чертами мании величия и одновременно подростковой незрелости, когда в возрасте так называемой «метафизической интоксикации» молодые люди остро переживают сверхзначимость посетивших их идей. Очень сходные настроения были распространены и в поколении контркультурной революции, поздние образчики которой налаживают мост к поколению Сингулярности напрямую. Таково «прогноз-пророчество» Роберта Уилсона в его «Поднимающемся Прометее» (1983) о скорой «революции сознания», дату которой он «прозревал» как 2005 год. Таково и пророчество откровенно безумного Теренса Маккены о точке бифуркации «Омега – Ноль», которая должна была быть достигнута, по его уверениям, в 2012 году.

Отличие от классического гностицизма здесь в том, что техноутопии и оккультные утопии новейших лжепророков оптимистичны – они убеждают самих себя и окружающих в том, что до торжества Высшего Разума, бессмертия и перехода в божественное состояние осталось совсем немного времени. Это сильно реформированный вариант гностицизма, в котором окружающая реальность, являясь построенной злым демиургом тюрьмой для «пленённых искр», должна быть не уничтожена, а радикально преобразена. Источником такого оптимизма служит, по всей вероятности, именно иудейский мессианизм с его напряженным ожиданием избавителя, наэлектризовавший этой нетерпеливой энергией революционные идеологии Европы, включая анархизм, марксизм а также политические течения оккультного толка.

Лихорадка квази-эсхатологического характера, малый апокалипсис или эйфория раскручиваемой спирали Последней Революции – известный психологический механизм, описанный в мировой литературе. Взять хотя бы такой яркий пример, как «Бесы» Достоевского, где долго готовившийся нигилистами «взрыв порядка» на поверку свёлся к банальной уголовщине и поджогам в масштабе одного губернского города. В случае с сингулярностью масштаб «уголовщины» может оказаться, конечно, совсем не таким, как у Петруши Верховенского, – а под стать и под калибр глобальных «бесов».

6. Трансгуманизм и русский космизм

По-человечески вполне понятна попытка трансгуманистов, особенно российских, придать духовное измерение феномену современного научного иммортализма и трансгуманизма в целом через «прививку» идей русского космизма. Однако невозможно игнорировать тот непреложный факт, что **русский космизм и современный трансгуманизм строятся на принципиально разных и даже откровенно антагонистических ценностных и мировоззренческих основаниях**. Ухватываясь за некоторые внешние поверхностные сходства и совпадения, нам фактически предлагают поставить знак равенства между современными «хозяевами истории», вкладывающими баснословные деньги в поиск средств для физического продления жизни «избранных» представителей транснациональной элиты, и основоположником русского космизма Н.Ф. Фёдоровым, считавшим всеобщее воскрешение и достижение бессмертия «общим делом» человечества, «ведущим к всеобщему братству и родству». Персональные взгляды отдельно взятых идеологов в данном случае не имеют решительно никакого значения («Кто девушку ужинает, тот ее и танцует!»).

Напомним, что концепция «общего дела» Фёдорова (включающая в себя преобразование физической природы человека через обретение им более высокого онтологического статуса, промежуточность технологического этапа развития, достижение бессмертия, всеобщее «воскрешение отцов», освоение объединённым человечеством Большого Космоса) представляет собой **уникальный синтез позитивистской науки и христианской религиозной философии**.

Русские космисты, независимо от их отношения к религиозной вере, представляли собой своего рода светскую «реформацию», тогда как у Фёдорова и его прямых последователей она носила буквальный характер – он говорил о созыве вселенских соборов, на которых объединёнными силами выступили бы духовенство, учёные, мыслители. Такой строй общества он называл «психократией».

Обнажая изъяны одностороннего технического развития, Фёдоров выдвигает теорию органического прогресса, ориентированного

на *преобразование* физического естества человека, когда он самостоятельно, без помощи техники, сможет летать, видеть далеко и глубоко, обретёт способность строить свои ткани из элементарных веществ среды, как растения под воздействием солнечного света (здесь Фёдоров предвосхищает идею автотрофности В.И. Вернадского), будет создавать себе необходимые органы или изменять уже существующие в зависимости от среды обитания, пребывания, действия (т. н. «полноорганность»)^[69]

Безусловно, у Фёдорова, как и у его последователей, можно найти массу идей, которые на первый взгляд задолго до трансгуманистов декларируют главные и наиболее заветные мечты и планы последних. К таковым относится, например, учение Фёдорова о научном «перерождении тканей», «тканетворении» – здесь мы видим предвосхищение современных поисков в области биологического конструирования, клонирования, исследования стволовых клеток и т. п. В то же время русский космизм у его ведущих представителей содержит в себе эффективные «предохранители» против трансгуманистической парадигмы с её не всегда афишируемыми стратегиями на расчеловечивание человека. К примеру, в настоящий момент есть все основания опасаться, что технологии генетического «редактирования» и всё более интенсивное вмешательство в высшую нервную деятельность человека, не говоря уже о совершенном отказе от биологического тела, могут блокировать раскрытие его пока ещё незадействованных психофизических возможностей – а это была одна из ключевых идей русских космистов.

Разительные и без всяких оговорок принципиальные расхождения между космизмом Фёдорова и современным трансгуманистическим мейнстримом наглядно видны в *таблице 1*.

Таблица 1.

Сравнение воззрений русского космизма (Н.Ф. Фёдоров) и современного трансгуманизма

Философия Общего дела отца русского космизма Н.Ф. Фёдорова	Проект трансгуманизма конца XX — начала XXI вв. в его мейнстриме
1	2
Мир, как он есть, идёт к концу. Необходим разворот цивилизации к Общему Делу, которое выведет «жертв прогресса» из ада (ад — это отвержение детьми отцов).	Мир идёт по пути прогресса технологий и познания. В точке Сингулярности зародится высшая форма существ, превосходящая человека как предыдущую ступень эволюции.
Синтез современной науки и святоотеческого богословия. Опора на Евангелие. Троиный Бог как прообраз совершенного общества.	Последовательное отрицание христианства, замена его атеистической, «научно-фантастической» или фэнтезийно-окультиной мифологией.
Супраморализм как высшая, максимально осознанная форма христианства. «Царствие Божие для совершеннолетних». Не масонская «религия Разума», а сближение большинства религий на основе Общего дела.	Трансгуманизм избирательно наследует гностицизму, герметизму, каббале, деизму масонов и просветителей, отчасти буддизму. В его генезисе видны оккультные и алхимические практики, сочетающиеся с материализмом XVIII–XIX вв., позитивизмом и сциентизмом.
Образец регуляции мира человек имеет в своей нервной системе. (Из этого следует, что геном и высшая нервная деятельность должны быть ограждены от «улучшательства».)	Вмешательство в высшую нервную деятельность необходимо, так же, как редактирование генома; в идеале нужна замена организма человека другой формой, возможно, не белково-углеродной.
Немощный по природе, человек могуч по своей работе, по труду.	Мир будущего — мир, где работу выполняют роботы и автоматы, слуги постлюдей
Человек христианский (Сын Человеческий) имеет долг воскрешения всех предков, что и является стержнем регуляции природы и космоса.	Сверхчеловек Ницше, отрекаясь от поколений предков как «перегноя», «гумуса», трансформируется ментально в постчеловека, в частности, через феминизм, постгендеризм, киборгизацию и т.д.

Человек как венец творения призван к регуляции природы. В его лице природа приходит в сознание, пробуждается и одухотворяется. Делаясь бессмертным и воскрешая всех предков, человечество заселяет космос. Пасха отменяет суд.	Прогресс приходит к научному преодолению смерти. Происходит увековечивание текущего поколения людей путём их трансформации в постлюдей. Сверхразум управляет Вселенной.
В Общем деле человек отказывается от эгоизма, становясь органом Рода человеческого; индивидуальные корысти прежней жизни оказываются абсурдными.	Человек становится элементом распределённой сети искусственного интеллекта (Сверхразума). Опыт человека вливается в глобальный Суперкомпьютер, осуществляющий социальное программирование.
Положительное, родотворное целомудрие. Претворение эротической энергии в творческую, в первую очередь на дело воскрешения предков и освоения космоса.	Бессмертное и не стареющее человечество не нуждается более в размножении. Его члены свободны в выборе сексуальных, эротических форм поведения, других видов наслаждений.
Синтез распавшихся сторон цивилизации: теоретического и практического разума; городского и крестьянского образов жизни; научного и религиозного сознания. Одновременно происходит морализация и рационализация всей Вселенной человеком.	Предельный уровень познания мира научным разумом, технологизация всего космоса. Истощение загадок и сложности мироздания, в том числе биологической формы жизни и психики человека. Превосхождение их (фактически — превосхождение «искусства» Творца мира) в конструировании новых форм существования.
Прогноз Фёдорова относительно западной цивилизации: апофеоз психологии несовершеннолетних, вечных подростков. Разотцовывание и разбратание человечества. Утверждение свободы совести как свободы на рознь, свободы мнений как свободы на ложь. Примат в царстве прогресса молодости над старостью, детей над родителями.	В идеологии трансгуманизм разнообразен, использует тактику «прилипалы» к разным направлениям — однако в целом он продолжает и развивает концепты стратегии «устойчивого развития» 70–80-х гг. XX века. Опирается на крайний индивидуализм, демократические свободы и либеральные нормы организации общества, в том числе общества потребления, аксиомы «прогрессизма» с окончательным демонстражем традиционных ценностей.

Прогноз Фёдорова в случае непринятия человечеством Общего дела: исполнится апокалипсис, к которому приведёт доминирование «блудных сынов», не помнящих родства, технически развитых, избретших искусственную пищу «городских животных», уничтоживших храмы и кладбища, отказавшихся от чадородия, но придающихся скотским оргиям и сладострастию («порнократья») и видящих главной целью бесконечное продление и безопасность своей жизни.	В целом негативный прогноз Фёдорова совпадает с «позитивным» прогнозом трансгуманистов — также высокотехнологичная цивилизация, синтетические заменители еды, гедонизм, отказ от рождения детей, андрогинная форма человека. Путь к бессмертию сначала через омолаживание, остановку старения клеток, затем через трансформацию тела в киберформу с возможностью замены «запасных частей» организма; сознание переносится на новый материальный носитель («искусственный мозг»).
Антигностицизм — отсутствие эксклюзивно избранных людей. Общее дело распространяется на всех без исключения. Если бы не смерть, этот мир и так уже есть рай. Восстание против смерти как продолжения дела Христа.	Мироотрицание, необходимость радикального переустройства мира, отвержение человека как тупиковой ветви развития, бунт против природы человека как она есть. Парадоксально сочетается с мечтой о бессмертии, но не для людей, а для постлюдей, отказавшихся от своего человечества.

Как можно видеть, у Фёдорова бессмертие неотделимо от подвига и преображения, тогда как у трансгуманистов человек увековечивает (фиксирует) себя в том нравственном состоянии, в которое он впал на исходе сексуальной, контркультурной и научно-технической революций на закате XX столетия. В этом случае имеет место как раз «отвержение детьми отцов», которое Фёдоров считает нравственным «адам», погибелью для человеческого духа: мы, дескать, представляем собой сверхчеловечество, поскольку изобрели вакцину и не умираем, а вы отсталые, и потому смертны. Трансгуманизм, в отличие от русского космизма, ударяет, согласно известной народной мудрости, «святым кулаком по окаянной шее» — чтобы расстаться как можно скорей с опостылевшими родителями, их прогнившей традицией и морально устаревшей цивилизацией.

В трансгуманизме имеет место «отвержение детьми отцов», которое Фёдоров считает нравственным «адам», погибелью для человеческого духа: мы, дескать, представляем собой сверхчеловечество, поскольку изобрели вакцину и не умираем, а вы отсталые, и потому смертны. Трансгуманизм, в отличие от русского космизма, ударяет, согласно известной народной мудрости, «святым кулаком по окаянной шее» — чтобы расстаться как можно скорей с опостылевшими родителями, их прогнившей традицией и морально устаревшей цивилизацией.

У Фёдорова человек эпохи бессмертия становится не участником Сверхразума, не частью сетевого Искусственного интеллекта или цифровой Библиотеки, а органом реально живого, исторически существовавшего Рода, который, впрочем, как и в христианской метафизике, примет новую форму. Бессмертие неотделимо от подвига и преображения. Новый Адам в Раю, в отличие от Ветхого Адама, не наивный благоприобретатель благодати райской, а тот, кто обретает выстраданный Рай.

Фёдоров был не предтечей трансгуманизма, а пророком, предсказавшим, что человечество идёт по пути духовной деградации, что и сделает распространение трансгуманизма возможным. Об иммортализме постлюдей Фёдоров, сравнивая их с языческими богами, пишет предельно жёстко: *«Сверхчеловечество безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превозношении одного или нескольких лиц над себе подобными, то есть над отцами и братьями. Оно становится наивысшим пороком, когда доходит до присвоения себе бессмертия как привилегии, то есть доходит до превозношения себя над всеми уже умершими и еще не умершими. Сверхчеловечество уже и в этом смысле (как привилегированное право на бессмертие) есть порок и нравственный, и умственный. Когда же сверхчеловек делается бессмертным, тогда прежнее, небольшое его несходство с остальными превратится уже в громадное, бесконечное превосходство не только над всеми живущими, но и над умершими»*^[70]. В другом месте Фёдоров отмечает, что такого рода сверхчеловеки будут признавать существование лишь самих себя, и *«конечно, не будут давать, или отдавать, жизнь детям, и сим последним не придётся жаловаться, что им дали жизнь, не испросив их на то разрешения»*^[71].

В работе «Супраморализм», написанной в 1902 году и ставшей его философским завещанием, Фёдоров категорически отвергает будущую идею трансгуманистов о преодолении человека эволюцией: в том, чтобы возлагать на слепую силу природы упование в создании ею более совершенных существ, пишет он, — *«полная измена разуму, который останется ненужным придатком, если не через разум будет достигаться дальнейшее совершенствование»*. И далее: *«Не природа бог и не в природе (слепой и падшей) Бог, а с нами Бог. Разумная сила должна управлять слепой, а не наоборот»*^[72].

Фёдоров верил в возможность исторического перелома и антропологического преображения человека, в его неограниченные возможности, сравнимые с чудотворением святых и подвижников. Что же касается технологического прогресса, его значение Фёдоров признавал как временное и переходное — в будущем, достигнув качественно высшего состояния, всю изощрённость технологий человек должен будет нести в себе, так сказать, органически. *«Не только отправления (функции) всех органов, но и морфология органов должна быть произведением знания и дела, труда. Нужно, чтобы микроскопы,*

микрофоны, спектрометры и т. д. были естественной, но сознательной принадлежностью каждого человека, т. е. чтобы каждый обладал способностью воспроизводить себя из самых элементарных веществ и обладал бы, следовательно, возможностью быть – конечно, последовательно, а не одновременно, – везде»^[73].

Первое знакомство с Фёдоровым оказывает на многих читателей ошеломляющее воздействие – иногда это испуг, который так и не удаётся преодолеть, иногда чувство «странности», мировоззренческого «сдвига», порождающее подозрения в неадекватности мыслителя. Однако при объективном углублении в «Философию общего дела» в этом учении обнаруживается бездна предметных, органически связанных между собой смыслов, имеющих и духовное, и философское, и жизненнопрактическое значение. Выдающие люди эпохи (среди которых Толстой и Достоевский) попадали под неотразимое, мощное обаяние его идей. Владимир Соловьёв писал Фёдорову, что признает его своим духовным учителем, и что его ««проект» есть первое движение вперёд человеческого духа по пути Христову». Н.О. Лосский, размышляя о Фёдорове, писал: «это был, несомненно, праведник и неканонизированный святой»^[74].

Научно-позитивистский пафос Фёдорова, бывшего человеком богатейшей и разносторонней образованности, соединялся у него с церковным православием. Об этом свидетельствовали и современники^[75]. Отношение Фёдорова к христианству сам он определял как настойчивое возвращение к коренной мысли Христа: *«Род человеческий не достиг ещё совершеннолетия и даже совсем ещё не сознал тот путь, не сознал того дела, чрез которое только и может воспринять искупление, совершенное нашим Спасителем; а такое сознание есть необходимое условие достижения совершеннолетия»^[76].*

Фёдоров настаивает на онтологической связности человека с Богом – бытие Бога могут отрицать, *«только, возможно, лишь делая зло, **делая же добро в совокупности, мы утверждаем Его бытие**»* — и в этой мысли мы вновь видим радикальное расхождение с идеей трансгуманистов о преодолении человека эволюцией, о его «отмене». Посягая на человека, они метят в Бога, хотят окончательно похоронить идею Бога. Миссия же человека, по Фёдорову, «сынов человеческих», есть «превращение самих себя в орудия дела Божия» и обращение всех небесных миров «в Царство Божие, в рай»^[77]. На фоне этого учения Фёдорова становится ясно, что трансгуманизм не только не приближает перспективу бессмертия, но стремился бы, если бы смог, лишить настоящей жизни и то, что живо сейчас.

Фёдоров не только вдохновлял и поражал современников (при том что при жизни он почти не публиковался) — он породил несколько поколений последователей, в среде которых задумывался и прорастал и грандиозный советский космический проект.

Возьмём, к примеру, выдающегося учёного, основателя гелиобиологии и космобиологии А.Л. Чижевского, настаивавшего на незамкнутости органического мира и его развития по отношению к космосу. В сравнении с его космизмом трансгуманизм представляет собой некий технократический «машинный изолят», который насильственно овладевает как живой, так и мёртвой природой. Чижевский же писал: *«Медленными, но верными шагами наука подходит к разоблачению основных источников жизни, скрывающихся в отдалённейших недрах Вселенной. И перед нашими изумлёнными взорами развёртывается картина **великолепного здания мира, отдельные части которого связаны друг с другом крепчайшими узами родства**, о котором смутно грезили великие философы древности»*^[78]. Эту же мысль Чижевский, писавший стихи, сумел выразить в одной яркой строке: «Кровь общая течёт по жилам всей Вселенной». И для него, как первопроходца в исследовании солнечной активности, это были не просто звонкие поэтические слова.

Русские космисты дали богатейшую палитру идей, и почти всегда мы видим абсолютно не-западный по стилю, не-трансгуманистический по содержанию и нравственному пафосу вектор. Русский космизм пронизан энергиями совести, а не ледяного рассудочного расчёта – и это неустрашимая в нём черта. Так, один из ранних русских космистов С.А. Подолинский, развивавший идею человеческого труда как негэнтропии, дал версию космизма как мировоззрения, противоположного мальтузианству. Крупнейший русский мыслитель отец Павел Флоренский в своих работах об органопроекции даёт набросок перехода от технического прогресса к прогрессу органическому, подчёркивая, что в деизме и в материализме XVIII века было всё слишком механистично, а потому «перевернуто» с ног на голову.

В.Н. Муравьёв, развивавший многие идеи Фёдорова, говорил о творчестве живой протоплазмы и создании «анастатики – искусства воскрешать утраченную жизнь». В 1926 году два последователя Фёдорова – блестящий богослов А.К. Горский и философ Н.А. Сетницкий – выпустили работу «Смертобожничество», в которой показали, что сакрализация смерти, обосновывающая пассивную позицию по отношению к конечности человеческого существа, представляет собой еретическое заблуждение, отравляющее собой христианскую мысль.

Позднее, уже в 60-е гг. академик Купревич, крупнейший советский биолог, развивая идеи русского космизма, исследуя пути продления срока человеческой жизни, выдвинул тезис: *«Смерть стала историческим анахронизмом – как фактор, способствующий улучшению природы человека, она не нужна. С точки зрения общества, она вредна. Исходя из задач, стоящих перед человечеством, просто нелепа»*^[79]. А философ А.К. Манеев в работах 70-80-х гг. выдвинул концепцию биопсиполя, подводящую научную базу под идею воскрешения предков – он называл вполне вероятным сохранение после смерти тончайших неразрушаемых временем полевых структур, которые

представляют собой *«информационно-голограммную основу принципиальной возможности даже посмертного восстановления, но существенно преобразованного организма для потенциально бесконечного существования»*^[80]. Эти представления оказались чрезвычайно близки догадкам Н.Ф. Фёдорова, а одновременно и православному учению о восстановлении умерших для вечной жизни в их прижизненных образах

и телах — подчеркнём: они категорически не совпадают с теми версиями бессмертия, которые исповедует современный западный иммортализм, учение, не предполагающее воскрешать ушедшую жизнь, а только переносить уже имеющуюся жизнь на вечные или легко заменяемые и возобновляемые «носители».

Гениальный русский учёный, ещё один столп русского космизма В.И. Вернадский далеко развил и продвинул идею Фёдорова о переработке, одухотворении природы разумом — создав на этой основе учение о начинающейся ноосферной эпохе. Многие трансгуманисты видят в учениях Вернадского о биосфере и ноосфере важный источник своих взглядов. Однако Вернадский не верил и в гипотезу ряда эволюционистов о самозарождении жизни, придерживаясь принципа Реди «Живое от живого». Вернадский также настаивал на том, что эволюция характерна только для живого вещества, а в мёртвом веществе эволюции нет — и это его убеждение подрывает важный трансгуманистический тезис о превосходстве искусственной «жизни» над жизнью белково-углеродной. Очевидно, что такая постановка вопроса (о преодолении существующей ныне биологической формы жизни) если и не совсем бессмысленна, то, мягко говоря, преждевременна.

Отдельно стоит остановиться на таком вопросе, как наследование Вернадскому современного течения гайанистов, поклонников Геи (Земли) как особой самоорганизующейся системы. Безусловно, учение о биосфере повлияло на гайанизм. Однако в том, что касается трансгуманистических измышлений, — необходимо отметить в первую очередь то, какая роль отводится человеческой популяции в рамках этих теорий.

В отличие от Вернадского, полагавшего, что человечество в процессе своего развития должно стать решающей преобразующей силой («геологической силой»), способствующей эволюции биосферы к стадии ноосферы, основатель гайанизма Джеймс Лавлок считал Гею безусловной самоценностью, которая не может быть подчинена человеку. Управление Геей — немыслимая и неблагодарная задача, т. к. это практически бесконечно сложная система, накопившая мудрость циклического многоуровневого эволюционного процесса, длившегося более трёх с половиной миллиардов лет. Любые виды-«выскочки», нарушающие гармонию и неблагоприятным образом влияющие на окружающую среду, будут в конце концов уничтожены так же, как и

более слабые, эволюционно неприспособленные виды. Таким образом, в интерпретации Лавлока, Гея является строгим единоличным управителем мира, тогда как современное человечество оказывается не чем иным, как «болезнью биосферы»^[81]. (Это тот пункт, где Лавлок фактически смыкается, конечно же, не с русским космизмом, а с самым радикальным гностическим и мизантропическим трансгуманизмом.)

Эти идеи нашли глубокий отклик в среде экстремистского экологизма. Именно в этих кругах стал весьма популярным тезис о том, что человечество представляет собой «вирус», смертельно опасный для окружающей среды. Постепенно экстремистское течение возобладавало в западном экологическом движении. Так, баллотировавшийся на пост президента 45-й вице-президент США А. Гор в своей книге «Земля в состоянии равновесия» (1992) выдвинул проект восстановления дикой природы, согласно которому каждое животное и растение должно иметь свои права, а люди признаются паразитами, не имеющими оснований претендовать на адекватные равные с ними права, поскольку человек вообще рассматривается даже не как временный гость, но как аномальное существо, ничего не дающее природе, а лишь использующее её дары для удовлетворения собственных эгоистичных потребностей.

Другие лидеры радикального экологизма заходят в своей мизантропии ещё дальше: *«Право иметь детей должно быть ходовым товаром, покупаемым и продаваемым людьми под жёстким контролем со стороны государства»* (К. Боулдинг, основатель «Космического корабля Земля»). *«Наше Зелёное движение стремится создать такую общественную модель, в которой вырубка леса будет считаться более предосудительным преступлением, чем продажа шестилетних детей в азиатские бордели»* (К. Амери, Партия зелёных ФРГ). *«Создаётся ощущение, что вместо того, чтобы стрелять в птиц, я должен отстреливать детей, которые стреляют в птиц»* (П. Уатсон, основатель «Гринпис» и «Морского Пастуха»). *«Уничтожение человеческой расы решит все проблемы на земле: социальные и природные»* (Д. Форман, основатель движения «Земля прежде всего!»)^[82].

Наряду с критикой современной индустриальной цивилизации концепция Геи с самого момента своего рождения впитывала и продолжает впитывать в себя многие достижения геофизики, биологии, биогеохимии, теории систем. *«В ближайшем будущем, – пишет отечественный автор, – по-видимому, у неё обнаружатся общие корни с теорией искусственного распределённого биологического интеллекта (Artificial Life), синергетикой, биосемиотикой, биогерменевтикой, современной физикой. С самого начала разработки гипотезы широко используется компьютерное моделирование для создания искусственных гипотетических планетарных систем, демонстрирующих «эффект Геи»»*^[83]. Некоторые практические выводы и рекомендации Лавлока, вытекающие из концепции Геи, имеют довольно значительные переклички с двумя популярными на Западе

направлениями современного трансгуманизма – уже рассматривавшемся нами аболиционизмом, а также техногайянизмом (*om techno* — технология и *gaian* — Гея). Техногайянизм представляет собой концепцию, согласно которой прорывное развитие технологий в будущем поможет восстановить и сохранять в дальнейшем баланс технократической цивилизации и природной экологически чистой среды. Наиболее радикально настроенные техногайянисты предлагают терраформировать планеты, спутники и другие небесные тела, целенаправленно изменяя атмосферу, температуру поверхности, экологические условия и другие их характеристики для воссоздания биосферы, пригодной для разнообразной жизни^[84].

Техногайянист, известный палеонтолог Питер Уорд противопоставил «гипотезе Геи» так называемую «гипотезу Медеи». (Напомним, что по одной из версий греческого мифа, повествующего о жизни Медеи и приключениях Ясона, Медея убила двух своих сыновей от Ясона. Именно образ Медеи, убивающей своих детей, Уорд считает наиболее подходящим для нашей планеты.) Согласно этой гипотезе, микробы якобы запускают процессы массовых вымираний, чтобы вернуть Землю к состоянию, в котором она была на протяжении большей части своей истории, когда безраздельно доминировали одноклеточные организмы или жизнь отсутствовала вовсе.

По мнению Уорда, единственным биологическим видом, способным фактически спасти биосферу от гибели, является человек как существо разумное и накопившее достаточно технологических возможностей глобального влияния на планету. Такая позиция в отношении миссии человека в чём-то ближе к русскому космизму и ноосфере Вернадского, чем большинство апологетов «Матери-Геи» – при этом она во многом выходит уже за пределы трансгуманизма.

Ещё один столп русского космизма К.Э. Циолковский как философ и научный утопист оставил немало поводов для того, чтобы увидеть в нём одного из предтеч трансгуманизма. Встретившись с Фёдоровым в юности и испытав огромное его влияние, Циолковский постепенно развил собственную, своеобразную мировоззренческую концепцию и собственную версию космизма. В отличие от Фёдорова, Циолковский признавал широкое распространение жизни в космосе, в различных формах и ступенях развития, вплоть до самых совершенных (в этом он наследовал одному из ранних русских космистов Сухово-Кобылину). Человек в системе Циолковского – один из немногих далеко отставших меньших братьев высокоорганизованных сознательных существ, которые преобладают в космосе и к которым в отдалённом будущем должно присоединиться человечество^[85].

Некоторые исследователи пытаются записать Циолковского в разряд совершенных атеистов, цитируя слова, написанные им в «Монизме Вселенной» (1925): *«Я – чистейший материалист. Ничего не признаю,*

кроме материи. В физике, химии и биологии я вижу одну механику. Весь космос только бесконечный и сложный механизм»^[86]. Однако в том же произведении Циолковский пишет и другое: «Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей Вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи»^[87]. Представление о всеобщей одушевлённости природных структур основывается в «космической философии» на тезисе о существовании бесконечно малых «атомов-духов», составляющих материю и обладающих памятью и способностью к ощущению.

Одновременно с тем Земля является средоточием неизбежно сопутствующих естественному отбору страданий живых существ. При этом целенаправленное уменьшение «суммы» вселенских страданий, зла и несправедливости является основным этическим принципом космоса. Отсюда главной задачей высшего разума становится искусственный отбор: поддержка перспективных тенденций эволюции при одновременном пресечении тупиковых её ветвей, необходимая для устранения всякого страдания в любых его формах. Позиция Циолковского в таких вопросах, как евгеника, как вытеснение сильными и более высокоразвитыми родами и видами живых существ менее развитых, — делает его полнейшим антиподом современного западного экологизма (энвайронментализма). То же касается и мальтузианских идей о необходимости ограничивать размножение людей из-за ограниченности ресурсов планеты — Циолковский был сторонником максимально плотного заселения земли человечеством, видя в этом залог бурного научнотехнического развития.

Вопрос об атеизме Циолковского решительно опровергается центральной религиозно-мистической компонентой «космической философии», постулирующей существование разумной силы, первичной по отношению к космической материи и изначально благосклонной к ней. В брошюре «Образование Земли и Солнечных систем» (1915) Циолковский прямо называет эту высшую Причину Богом^[88]. Более подробно своё богопонимание Циолковский излагает в брошюре «Причина космоса» (1925): «Причина создала Вселенную, чтобы доставить атомам ничем не омрачённое счастье. Она поэтому добра. Значит, мы не можем ждать от неё ничего худого. Её доброта, счастье, мудрость и могущество бесконечны по отношению к тем же свойствам космоса»^[89].

Как можно убедиться, и Фёдоров, и Циолковский излагают в высшей степени важную мысль о **сотраотничестве человека и высших разумных сил в историческом деле преображения мира**. Однако, как уже было сказано выше, каждый из них опирается при этом на собственную оригинальную философско-мировоззренческую концепцию^[90].

Циолковский, равно как и Фёдоров, а впоследствии Вернадский одинаково видят грядущую перспективу человечества: овладение

энергией Солнца и умением поддерживать и воссоздавать свой организм, как растения, – из самых элементарных природных, неорганических веществ («автотрофность»). После эр становления и расцвета, продолжающихся сотни миллиардов лет, по Циолковскому, наступит «терминальная эра», на которую он отводит десятки миллиардов лет: *«Во время этой эры человечество полностью ответит на вопрос: зачем? – и превратится из корпускулярного состояния в лучевое. <...> Космос превратится в великое божественное совершенство»*^[91].

На заре развития космонавтики наряду с освоением в земных интересах ближнего космоса большое внимание уделялось и перспективам выхода человечества в дальний космос, о чём мечтал Циолковский (Б.Н. Кантемировым были проанализированы в этом аспекте проекты М.К. Тихонравова, а также совместный С.П. Королёва и М.К. Тихонравова^[92]). Но со временем произошла переориентация космонавтики преимущественно на проблемы, связанные с земными потребностями техногенной цивилизации. Исследователи отмечают, что предложения Циолковского в этом направлении прямо противоположны основополагающим принципам современной западной концепции «устойчивого развития»^[93]. Ровно то же самое справедливо и в отношении современного трансгуманизма, этого единокровного детища устойчивого развития.

Разумеется, отечественные трансгуманисты время от времени предпринимают попытки притянуть под свои знамёна некоторые положения «космической философии» Циолковского, вырванные из общего контекста. Так, Удалова-Прайд в докладе «Проблема изменения биологического облика человека в работах К. Э. Циолковского», подготовленном для XLIII Циолковских чтений, пишет, что парадиз-инжиниринг («конструируемый рай») в трансгуманизме практически идентичен ключевой для Циолковского идее избавления космоса и живой материи от страданий^[94].

И вновь мы видим здесь подмену: «повсеместное повышение уровня организации живого» у Циолковского, которое, по его мнению, должно вести к творческому счастью, максимальному наполнению природы высокоорганизованной жизнью, превращается у трансгуманистов в узенькую технологическую задачу: путём фармакологического и психотерапевтического воздействия, анестезии и других средств настроить эмоциональный аппарат и психику человека так, чтобы он перестал переживать страдания и боль. Как будто обезболенный человек, с искусственно выровненным психическим рисунком и купированными депрессиями, в силу этого может считаться счастливым. Здесь трансгуманисты стоят не рядом с классиками русского космизма, а гораздо ближе к программе «MKULTRA», рассуждениям о счастье доктора Хасса из фильма «Мёртвый сезон» или идиотическому состоянию принимающей наркотик-сому массовой публики в антиутопии молодого Олдоса Хаксли.

7. Стратегия противостояния трансгуманизму

Наличие у Русской цивилизации такой широкой мировоззренческой платформы, как русский космизм, давшей ответы на многие вопросы о путях развития человека и цивилизации, само по себе делает нас небезоружными перед вызовом трансгуманизма. Другое дело, что русский космизм должен развиваться сегодня и стать основой для новых исследований и нового глобального проекта альтернативного развития, который могла бы озвучить и предложить Россия. Кроме того, философия космизма должна быть дополнена и интегрирована с другими ценными идеями и традициями, тем более что в XX веке космизм был вынужден развиваться не вполне свободно, с оглядкой на идеологические рамки сначала советского, а затем и постсоветского режимов. В этом году мы уже идём по пути развёрнутого формулирования такой комплексной программы, выпустив работу «Русский ковчег»^[95].

Если русский космизм рассматривает технические средства цивилизации как костыли или протезы, которые призваны помочь человеку развить заложенные в нём огромные возможности, — в трансгуманизме мы видим сплошь и рядом противоположную установку, своего рода **апофеоз протезов и костылей вплоть до полной замены человеческого организма высокотехнологичным протезом**. Более того, протезируется в трансгуманизме не только биологический организм, но и сознание человека, которое также должно быть перестроено на более эффективной основе и получить право на существование в качестве частного аспекта большого искусственного интеллекта. Трансгуманизм начинает с вопроса о допустимости мощного «прикладного разума», как нередко называют ИИ, но заканчивает вопросом о том, как обеспечить место в будущем «прикладному человеку», этому «лишнему звену» в системе, которую построит «высший разум».

В своё время о чём-то подобном грезил авторитет в области евгеники Фредерик Осборн, член совета директоров Фонда Рокфеллера: *«В конечном счёте, гораздо проще и разумнее изготовить абсолютно нового человека с самого начала, используя правильно выбранное сырьё, чем пытаться придать человеческую форму тем жалким пережиткам, что остались»*^[96].

Сейчас на Западе весьма популярна такая терминология, как «наследники человечества» (К. Мерсер), «преемники человечества» (Д. Пирс), — многие уже готовы сдать им цивилизацию с рук на руки. Антихристианская направленность этой футурологии носит бескомпромиссный характер. В известном смысле весь трансгуманизм

написан на полях первых страниц Библии как вызов и перечёркивание того, что там написано. Так в Книге Бытия оглашено призвание человека – быть садовником, владеть и управлять землёю. Трансгуманизм предполагает, что эти полномочия будут переданы другому «виду» жизни. Слова змия «Будете как боги» можно смело выгравировать в качестве девиза на дверях трансгуманистического дворца желаний. Феминизм фактически построен на отрицании всех трёх аспектов наказания Евы за первородный грех: 1) скорбь в беременности, которую трансгуманисты намерены отменить вместе с самой беременностью как слишком болезненной; 2) влечение к мужу (его полностью размывает пост-гендеризм); 3) господство мужа над женой (отрицание этого господства есть центральный пункт революционного феминизма).

В отношении наказания Адама (питание от проклятой земли, труд «в поте лица», «в прах возвратишься») трансгуманизм также предлагает ревизию основ. Наконец, в иммортализме даётся сущностно альтернативное Христу понимание спасения от смерти. Это прямой вызов заповеди изгнания: **«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простёр он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского» (Быт., 3, 22–23).**

Фактически трансгуманисты посягают на то, чтобы устранить факт изгнания и насильственно прорваться к Древу Жизни. В христианской традиции лишение Адама плодов с Древа Жизни объясняется тем, что падший Адам понёс смерть в своём естестве. Святые отцы в этом вопросе согласны между собой: «был изгнан, чтобы не стал вечно мучиться в этой жизни» (Ефрем Сирийский); было отказано в доступе к Древу Жизни, «дабы зло не стало бессмертным» (Максим Исповедник); такое «бессмертие только продолжило бы и утвердило бы смерть» (Филарет (Дроздов)).

До грехопадения Адам был бессмертным в своём теле и не нуждался в плодах Древа Жизни. Более того, сам статус божественности, о котором грезят трансгуманисты, тоже принадлежал ему. Тайнственные слова **«Я сказал: вы боги»** из Псалтири в контексте самого псалма имеют вполне однозначный смысл – речь идёт о трагической потере бессмертия теми, кто призван был иметь божественное достоинство, но развратились и стали неправедными: **«Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются. Я сказал: вы боги и сыны Всевышнего все вы. Но вы умрете, как человеки, и падёте, как всякий из князей» (Пс. 81, 6–7).**

Русский космизм солидарен с христианством в том, что путь преодоления смерти связан с обращением человека к праведности и праведному образу жизни (в пределе речь идёт о высшей тайне творения – «обожении» твари Творцом). «Глубинный трансгуманизм», стоящий за ним многовековой гностицизм как чёрная изнанка христианства,

претендует на то, чтобы преодолеть смерть, не переставая быть грешниками, не отказываясь от своей несправедности. Вопрос о нравственном исправлении предсингулярного человечества решается трансгуманистами в совершенно противоположном, антихристианском ключе: это «исправление» через ломку традиционного человека, традиционного уклада, проклятие в адрес консервативного большинства и абсолютная слепота в отношении «прогрессизма» и «прогрессивного класса». Можно сказать, что ими навязывается обществу, в первую очередь молодёжи, **перевёрнутая модель святости**. Кто подходит под эту модель? «Святые вирусы», уничтожающие отсталость и косность. Святость ЛГБТ и постгендеров, одержимых потребностью сексуального удовлетворения. Праведность дикой природы перед лицом насквозь прогнившего человека Модерна. Праведность наркоманов и психонавтов. Избранность людей, чувствующих себя лишними, фрустрированных своим телом и своей чувственностью и ищущих свободы от прогорклого мира сего в виртуальных мирах. Закономерная гремучая смесь: социопатии и стремления нарцисса получить признание социума; страдания от собственной неполноценности и остервенелого отстаивания собственной сверхценности и значимости. В этом отношении они повторяют опыт допотопного человечества и Содома, если продолжить библейские аллюзии. Трансгуманизм, несмотря на презрение к человеку как он есть, парадоксально преисполнен высокомерием, как будто транслюди – это уже высшие существа (явная примета гностицизма).

По словам современного мыслителя, ведущего эксперта Изборского клуба Владимира Можегова, обобщающего опыт христианской патристики: *«Цель Творца – не создание своего двойника, клона или мира, как механической карусели театра кабуки, но создание живой творческой, населённой мириадами ликов Вселенной, по сути – нового многоипостасного божества. Понятно, почему человеку даётся свобода и почему Бог ставит его в конец лестницы творения, наделяя громадным потенциалом развития. Новый многоипостасный бог, новая сверхличность, сверх-, или, точнее, Всечеловек, не может просто возникнуть, им можно только стать, состояться – в свободной синергии совместного Богочеловеческого творчества»*.

На Западе развивается своё направление противостояния трансгуманизму, которое получило имя «биоконсерватизм». Фактически это понятие выступает как ярлык – о чём достаточно точно говорит Ник Бостром в уже цитированной нами «Истории трансгуманистической мысли»: биоконсерватизм *«исходит из древних представлений о табу; греческой концепции гордыни; романтического взгляда на природу; религиозных (антигуманистических) интерпретаций концепции человеческого достоинства и данного Богом естественного порядка; технофобов-неолуддитов; приверженцев органического питания; врагов ВПК и транснациональных корпораций; критиков гонки потребления; тех, кто подозревает биотехнологии в механизме*

контроля и особой формы традиционной патриархальной эксплуатации женщин или, наоборот, замены их гаджетами».

При всей предвзятости, с которой трансгуманисты характеризуют враждебных им «мракобесов», нужно признать: термин «биоконсерватизм» несёт в себе признаки интеллектуальной ущербности, поскольку он носит сугубо оборонительный характер, апеллируя чаще всего к либеральной этике. Это ярко видно на примере Фрэнсиса Фукуямы, давно отказавшегося от своей идеи «конца истории» и называющего трансгуманизм «самой опасной идеей в мире». Ответ на вызов трансгуманизма должен быть комплексным, и у него должна быть своя положительная повестка, свой абрис развития цивилизации. Единственно конструктивным выходом из сложившейся ситуации видится разработка идеологии развития, основанной на необходимом совершенствовании не «умных», а «мудрых» технологий и параллельном приоритетном раскрытии внутреннего потенциала человеческой личности (один из вариантов названия для такого направления идейного творчества *турбогуманизм* – термин предложен Алексеем Комогорцевым). В рамках этого направления технологии должны позиционироваться как необходимое на определённом этапе, но не абсолютное средство («технологический костыль»), способствующее развитию человека и человечества, но которое со временем может быть отброшено. Новая этика **духовного или религиозного турбогуманизма** должна быть построена на основании фундаментального положения христианской антропологии, в соответствии с которым человек создан по образу и подобию Божьему и призван быть силой, управляющей этим миром.

Так сложилось, что высокий духовный порыв русского космизма как один из зрелых плодов Русской цивилизации был вынужден разворачиваться в тесных условиях советского проекта, где религиозные и нравственные послы и импульсы необходимо было втискивать в контекст научного атеизма и выражать зачастую в превращённых формах, эзоповым языком либо в виде компромиссов. Тем не менее, русский космизм дал не только обильный плод в сфере космонавтики и связанных с ней технологий, но и в такой сложной сфере, как исследование внутренних возможностей человека.

В ранний советский период боролись тенденции антропоцентризма и машиноцентризма (конструктивизма), но даже и тогда здоровая, опирающаяся на веру в человека и его призвание мысль одерживала верх^[97]. В более поздний советский период потенциал русского космизма в отношении внутреннего развития человека дал богатые всходы. В частности, проявилось это в «ноосферном коммунизме» Ефремова, главная притягательность которого состояла не во всеобщем благополучии, не в разумной экономической структуре и даже не в здоровой и многолетней жизни, но в **гарантированной возможности творческого труда, возможности для каждого найти полное применение своим способностям**. Здесь мы видим

радикальное отличие советского миропонимания от трансгуманизма, готового делегировать творчество иной инстанции, приходящей на смену традиционному человеку. Настаивая на необходимости психофизического совершенствования человека, а через это трансформации всего социума, Ефремов апеллирует к различным традиционным духовным практикам, причём умудряется делать это в условиях госатеизма. Фактически Ефремов описывает промежуточное звено между современным человечеством и миром, в котором человек в полной мере сможет воспользоваться плодами реализации высших форм сознания, о котором говорили русские космисты.

Советский проект показал свою гибкость и жизнеспособность в том, что касается построения эффективной и нравственно фундированной системы воспитания-образования-социализации новых поколений. Такой проект стал возможен в русле целенаправленного изменения окружающего мира. Именно движение в этом направлении сделало возможным победу СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., запуск первого искусственного спутника Земли, полёт в космос первого человека, развитие технологий мирного атома, целый спектр инноваций во многих отраслях науки, техники, производства. Наряду с тем следует понимать, что и русский космизм, и инициированный им советский Космический проект (развивавшийся де факто по линии Федоров-Циолковский-Королёв), и проект создания нового человека органично вырастают из культурной матрицы Древней Руси и заложенных в ней универсальных ценностей^[98].

Попытка в какой-то мере воплотить идеи русского космизма, в том числе изложенные в романе Ефремова «Лезвие бритвы», на государственном уровне была предпринята в рамках секретной программы «Феникс», проводившейся с 1989 года в СССР, а затем до 2003 года в РФ под эгидой Министерства обороны (начальник аналитического управления Генерального штаба, генерал-лейтенант, профессор А.Ю. Савин), КГБ СССР (заместитель начальника 6-го Управления КГБ СССР, генерал-майор Н.А. Шам) и МВД (начальник научнопрактического центра психофизиологии и психологии труда, полковник, профессор, доктор медицинских наук В.М. Звоников). Ещё одно уникальное направление психотехнологий разрабатывалось в Новосибирске под руководством академика Российской Академии медицинских наук В.П. Казначеева. Наиболее известные эксперименты этой группы были связаны с проведением массовых опытов по дистанционному информационному взаимодействию^[99]. Известно, что помимо программы «Феникс» в СССР существовала специальная программа выявления людей, обладающих особыми способностями, осуществлявшаяся через региональные учреждения Академии наук СССР и через другие каналы. Во времена СССР к работе с военными психотехнологиями были привлечены более 60 научно-исследовательских институтов.

Главные выводы нашей работы – трансгуманизм, который внешне может казаться набором техноутопий и техномечтаний, на поверку

оказывается в своём ядре интеллектуально-футурологическим авангардом активно формирующейся и отчасти уже сформировавшейся глобальной Антисистемы. **Создание расы постлюдей – это не философия, а стратегия, новая мифология, игровая «ставка» в борьбе за переформатирование истории и завоевание прочного технологического господства в мире. Причем взятая на вооружение транснациональными центрами силы, эта стратегия несет большую угрозу, которая может превзойти угрозу нацизма в период его расцвета.** Всплеск трансгуманизма стал возможен благодаря тому, что был остановлен мощный проект Русской цивилизации – советский проект, обладавший огромным потенциалом, принципиально иным по своему происхождению подходом к развитию и взглядом на перспективы человечества^[100]. Сегодня растущий Китай представляет для трансгуманистической парадигмы определённую проблему, однако она несопоставима с той проблемой и альтернативой, которую являл собой русско-советский проект.

Это не означает, что мы в будущем должны копировать основные черты советского проекта, но в то же время это означает, что наследие СССР и его интерпретации вечных вопросов и конкретные идейные и философские решения должны быть изучены и усвоены нами и включены в багаж будущего цивилизационного проекта.

Противостояние трансгуманизму в его глубинной парадигме должно строиться как на знании его уязвимых точек, так и на разворачивании собственной стратегии решения цивилизационных проблем, в том числе и проблемы человеческого / сверхчеловеческого. Наметившийся в последние годы раскол в трансгуманизме между либертарианцами и прогрессистами усугубляется, когда первые очаровываются новыми космическими проектами, вплоть до доставки редких металлов со спутников Сатурна, а вторые вовлекаются в саботаж любых проектов развития под предлогом климатической катастрофы.

Опасность трансгуманизма не следует приуменьшать, но и не следует преувеличивать. Большинство технических обещаний и прогнозов трансгуманистов оказались невыполнимыми. Даже их программа-минимум – подстройка компьютера к психике для прямого контроля над людьми по модели NBIC (нано-био-айти-когнитивная) – оказалась проблематичной. Ведь очень многое зависит от опосредующих социальных, политических и коллективно-психологических факторов, заставляющих человека подчиниться этому контролю.

Несбыточность обещаний трансгуманистов обнажает довольно примитивный интеллектуальный уровень идейных лидеров их движения, способных в основном писать пропагандистские бестселлеры. Серьёзные интеллектуалы на такую роль идут неохотно. Тем не менее, трансгуманизм зашёл уже очень далеко, и он имеет объективные основания для успеха. Но сила гностической парадигмы в её новейшем

высокотехнологичном обличье строится на слабости его противников и оппонентов.

В известном смысле для сильного постчеловека нужен слабый человек – на слабости последнего, его лишении внутреннего существа, человеческого достоинства и человеческой перспективы развития только и может возрастая трансгуманистическая парадигма. На деле человек рисуется в этой парадигме как образ усредненного человекозаменителя с меньшинственными чертами, возведенными в абсолют – жалкого бесполого, бескрылого и бесплодного существа, способного только ломать, портить и пакостить, вечной жертвы, ведомого, нуждающегося в компенсации и в опеке со стороны «чистого сверхразума». Обещание же сделать всех божественными сверхчеловеками не более чем дьявольская насмешка.

У нас должна быть своя трактовка сверхчеловеческого, свой взгляд на продуктивные аттракторы развития человека и его культуры. У русских космистов, в первую очередь у Н.Ф. Фёдорова, такая программа была. Нам нужно усвоить и развить её на новом уровне. Это будет лучшим ответом той имитации сверхчеловека, которую нам предлагают транснационалы.

Фактически вместо превосходения уровня человека как он есть, в нынешней ситуации они наспиговывают его «недочеловеческими качествами», качествами механизма, машины, сверхбыстрого калькулятора, гаджета и т. п. Однако для любого вменяемого наблюдателя сегодня очевидно, что человек с коммуникатором или гаджетом (даже если эти устройства вживлены внутрь него) стоит на более низкой ступени развития, чем человек середины XX века с его верой в НТР и увлечениями популярной техникой своей эпохи. Главное, что утрачивает современный человек на пути своего перехода в трансчеловека, – волевою возвышенно-духовную компоненту личности.

Противоположность наступлению Сингулярности – возвращение к оси истории, исходящей из так называемой осевой революции I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Сторонники теории сингулярности считают осевую революцию давно пройденным этапом, однако смысл оси истории в том, что она никуда не уходит, просто **некоторые люди и общества выходят из осевой зоны, что и произошло с западным миром**. Сингулярность трансгуманистов – попытка сделать этот уход необратимым. Фактически это гностический реванш против доминировавшей многие века осевой духовности, в первую очередь христианской.

Для религиозного турбогуманизма и связанного с ним динамического консерватизма важнейшими принципами являются многополярность и множественность вариантов человека. Мы противники стандартизации человека и глобализации духовной культуры. Поэтому пакет технологий, приоритетных для нас, сильно отличается от того узкого русла развития, которое приобрёл «прогресс» в последние 30–40 лет. Вместо

навязанного и насильственного «техноложества» по образу и подобию западных корпораций-монополистов для турбогуманизма будет характерно избирательное использование современных технологий и «прикладного разума». Дело не просто в безопасности человека перед технологиями, чем озаботились сегодня сами трансгуманисты (Бостром, Юдковский и др.) — дело ещё и в том, чтобы отсечь от власти и влияния те наиболее человеконенавистнические идеи и тайные традиции, которые наиболее точно могут быть определены как контринициация. Именно они являются главным препятствием для Большого Развития и Общего Дела как нового этапа развития человека, дальнейшего гармоничного овладения им реальным миром.

И первое, что предстоит совершить на пути Общего Дела, — окончательное разрушение «схемы сингулярности» (то есть быстроты, одновременности, глубины перемен, потери контроля над внедряемыми технологиями со стороны элит конкретных государств). Да, такой подход может быть назван «новым луддизмом», но это луддизм не разрушения в механическом смысле, а луддизм в социальном и цивилизационном смысле — разрушение мёртвой антисистемы, уничтожение монополии её сетей, срыв вектора на машинизацию, алгоритмизацию и высокотехнологичную дрессировку человека.

Идеология Русского Ковчега, как открытый другим культурам и цивилизациям проект, наследуя русскому космизму, способна сформировать ядро спасительного образа будущего. Развитый и созданный на уровне сверхзадач сегодняшнего дня, этот образ будущего привлечет к себе и производителей «хлеба насущного» (и производства средств его производства), и покорителей недр, глубин и космических далей, и мечтателей о человеке, более совершенном телом и духом в образе и подобию Божиим.

О рисках и угрозах трансформации человека (Авторский доклад Вардана Багдасаряна)

Изменяема ли природа человека?

Существует три ответа на данный вопрос. Первый — природа человека неизменна. Человек есть, прежде всего, индивидуум, неделимый атом. Меняться могут только отношения между «атомами»

Второй ответ — природа человека может быть изменена, но это этически неприемлемо. Выдвигается такой аргумент — изменения в антропологии есть покушение на творение Божье, а оно чревато появлением чудовищ.

Третий ответ — природа человека может и должна быть изменена. Идеей создания нового человека вдохновлялись хилиасты. Воодушевлялись ею адепты фашизма и коммунизма — правда, их проекты существенно различались.

И всё-таки — изменчива ли природа человека? Ныне к теории эволюции предъявляются многочисленные претензии (отсутствие необходимых звеньев, фальсификаты и т. д). Но всё это не опровергает самого факта, что осуществлялись значимые биологические трансформации, появлялись новые и исчезали прежние антропологические типы.

А если такие трансформации происходили прежде, то нет никаких оснований считать, что они не могут произойти в будущем. Если когда-то в прошлом возник человек современного типа — когда-нибудь в будущем, вероятно, появится новый человек или постчеловек.

Сегодня у человечества появляется возможность самопроектировки собственной эволюции. Станислав Лем обозначал эту возможность понятием «автоэволюция». «Биологический вид не ведает, что творит, — рассуждал Лем в трактате «Сумма технологий». — Не он собою руководит: его ведёт Эволюция, швыряющая гекатомбы особей на решето естественного Отбора. Я же имею в виду осознанную деятельность: запланированную и управляемую автоэволюцию, как бы «приспособительное отступление». В нашем понимании это не похоже на разумную деятельность, поскольку девиз человека — героическая атака на окружающую его материю».

Развёртку эволюции человека обычно относят к далёкому прошлому. А в собственно исторический период эволюция как бы остановилась. В действительности никаких рациональных оснований для того, чтобы заявить о такой остановке, нет. Антропологические изменения происходят и позже. Так, меняются антропометрические параметры человека. Рост человека Древнего мира был фактически таким же и даже чуть выше, чем рост человека современной эпохи. В последние же сто лет средний рост человека в разных регионах мира стремительно возрастает. Сыновья оказываются устойчиво выше отцов.

К антропологическим изменениям не могут не привести и изменения климата. Предполагается, что «малый ледниковый период» повлиял на произошедшую смену доминирующего типа мышления. Стремительно распространяется доля носителей «левополушарного» сознания. Рационализм и рациональное мышление получают ментальное доминирование.

Социальные факторы трансгуманизма

Существуют и объективные социальные факторы обращения к трансгуманистическим разработкам.

Во-первых, стремление человека максимизировать продолжительность жизни вплоть до решения вопроса о бессмертии. Тема бессмертия является без преувеличения «вечной» в истории мировой культуры. **Запретить человеку думать о том, как победить смерть, невозможно.** Современные технологические возможности открывают для человечества в этом отношении новые надежды.

Во-вторых, стремление человека излечиться от болезней, минимизировать страдания. Имплантация органов – в медицинских целях – есть уже фактически начало антропологических реконфигураций. Объективно возможности в этом отношении будут только расширяться.

В-третьих, очень важно стремление к повышению интеллектуальных и физических возможностей человека. Если перед человеком возникнет реальная перспектива стать более умным, или более сильным, или сделать более умным и сильным своё потомство, с таким искушением он вряд ли сможет совладать. Это показывает потенциальную силу таких устремлений. Стремление усилить интеллектуальные и физические возможности будет катализироваться конкуренцией. Такое усиление сможет стать фактором победы в конкурентной борьбе. Это, в свою очередь, подстегнёт к соответствующему усилению проигравших, и процесс уже нельзя будет остановить.

В-четвёртых, связь трансгуманистической перспективы с геополитическим противоборством в современном мире. Если какое-то из государств овладеет биотехнологиями, делающими человека более совершенным, оно и получит доминирование в мировом межгосударственном соперничестве. Государство же, установившее запрет на такие разработки, рискует остаться аутсайдером со всеми вытекающими отсюда последствиями для национального суверенитета.

В-пятых, актуализация запроса на решение проблемы ресурсного ограничения. Человек зависит от потребляемых им ресурсов, и стремление освободиться от такой зависимости, по мере появления соответствующих технологических возможностей, будет усиливаться. Преодолеть же эту зависимость возможно, только изменив биологическую природу человека.

В-шестых, возникающая, в связи с развитием искусственного интеллекта, конкуренция с роботами. Обладая технологическими преимуществами, роботы станут вытеснять человека с производства. Принципиально возрастет безработица. Чтобы не оказаться полностью вытесненным из экономической и, как следствие, из социальной жизни, человек будет вынужден пойти на соответствующие модификации своей природы.

Все перечисленные факторы вовсе не говорят о привлекательности трансгуманистической перспективы. Но они свидетельствуют, что процесс движения в направлении антропологической трансформации объективен, и его блокировка вряд ли возможна.

Блокировать, впрочем, возможно разработки в каком-то государстве или группе государств. Под влиянием предостережений, они могут, в частности, быть заблокированными в России. Каковы будут итоги такой блокировки? Со временем, когда в одном конкурентном пространстве столкнутся представители старого и нового антропологических типов, эти итоги проявятся вполне определённым образом.

Более совершенный антропологический тип должен, рассуждая в логике конфликта, истребить или поработить менее развитую группу. Как говорится, «горе побеждённым». Что в таком случае должен делать человек, не желающий допустить для себя такой участи? Очевидно — совершенствоваться самому, т. е. пойти по пути антропологической трансформации.

Вопрос о бессмертии

Обретение бессмертия в перспективе перехода к постчеловеку принципиально меняет всю систему жизнеустройства. Интересны в этом отношении древние даосские подходы к имморализму. Считается, что тема бессмертия являлась ключевой в даосской философии.

Древнегреческая мифология связывала бессмертие богов с употреблением напитка амброзии. Боги были образно подобны людям, но обладали большей силой и сверхъестественными способностями. Обретая бессмертие, герой, как, например, Геракл, сохранял свою телесную оболочку.

Совсем иначе понимали обретение бессмертия даосы. Природа мыслилась ими в качестве непрерывного круговорота энергии ци. Следуя естественному ходу вещей как циркуляции энергии, человек может самовозобновлять себя, не умирая. И, напротив, он должен избегать всего того, что разрушается. Прежде всего, следует преодолеть зависимость сознания от собственного тела, «освободиться от трупа».

Легенды народов мира сообщали о мудрецах и героях, сумевших обрести бессмертие. Но есть ли для этого реальные технологические перспективы? Согласно резонансному опросу среди учёных США, проведённому ещё в конце 1990-х гг., 50 % из них высказались, что верят в возможность достижения личного бессмертия. При этом религиозно верующими идентифицировали себя только 40 % опрошенных. Значит, какая-то часть учёных допускает возможность достижения бессмертия не в загробном мире, а иначе, связывая, по-видимому, эту перспективу с развитием науки и технологий.

Прогнозы Рэймона Курцвейла

Существует ряд свидетельств авторитетных учёных, считающих вопрос о бессмертии для науки принципиально решаемым. Среди них, в частности, нобелевский лауреат по физике, один из основоположников квантовой динамики и разработчиков американской атомной бомбы – Ричард Фейнман. Наряду с вопросами теоретической физики он изучал также проблемы биологии, что позволило ему давать экспертное заключение с позиций разных наук. «Если бы человек, – рассуждал Фейнман, – вздумал соорудить вечный двигатель, он столкнулся бы с запретом в виде физического закона. В отличие от этой ситуации, в биологии нет закона, который утверждал бы обязательную конечность жизни каждого индивида».

Футурологические матрицы. Трансгуманистический оптимизм

Одну из наиболее известных футурологических матриц создал изобретатель и философ Рэймон Курцвейл. Его прогнозы выстраивались методологически на соединении двух прогнозных линий – развития искусственного интеллекта и трансгуманистических трансформаций. Результатом стала модель, в рамках которой сверхмощный компьютер

имплементируется в организм человека. Снимается противоречие «человек-робот», поскольку сам человек овладевает возможностями самых совершенных роботов. Преодолевается и дилемма начала XXI в. — отношения человека с компьютером, становящимся его техническим придатком.

Основные вехи футурологической хронологии Курцвейла включают следующие составляющие... 2010-е гг.: появление очков с эффектом 3D; мгновенный перевод иностранной речи. 2020 г.: персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности человеческого мозга. 2020-е гг.: активное использование наномашин в медицине (доставление питания к клеткам человека и удаление их отходов, сканирование головного мозга). 2029 г.: компьютер пройдет тест Тьюринга, позволявший разграничивать до того человеческий разум и машину. 2030-е гг.: компьютеры будут встроены непосредственно в мозг человека, достигается эффект «полного погружения» в виртуальную реальность. 2040-е гг.: человеческое тело может приобретать любую форму, образуемую большим числом нанороботов. 2045 г.: превращение человечества в один гигантский компьютер. После 2045 г. — ввиду полной смены онтологической модели прогнозы уже бессмысленны (время наступления технологической сингулярности).

Существует и продвигающая идеи трансгуманизма мощная российская научная группировка — Стратегическое общественное движение «Россия 2045». Данный год, как и у Курцвейла, считается условной датой, за которой начнутся процессы, ввиду быстроты технического прогресса, уже недоступные для понимания. Первоначально общественное движение попало в поле критики Комиссии по борьбе с лженаукой РАН. Однако, по результатам специальной экспертизы, обвинения были сняты и признана полезность проводимых исследований по улучшению качества и увеличению продолжительности человеческой жизни.

Характерно, что трансгуманизм движения «Россия 2045» сочетается с призывами к сопротивлению установлению системы «общества потребления». Вопреки позиции критиков, интерпретирующих трансгуманизм как проект расчеловечивания, вопросы духовного развития имеют, для движения, принципиальное значение. Об этом свидетельствует, в частности, содержание открытого письма, адресованного в 2013 г. «Россией 2045» генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну: «Мир находится на пороге глобальных перемен. Экологический, политический, антропологический, экономический и другие кризисы усугубляются. Развязываются войны, бездумно расходуются ресурсы, загрязняется планета. Общество переживает кризис потребительской модели существования, кризис целей и ценностей. Большинство национальных лидеров озабочены лишь краткосрочной внутренней стабильностью в своих странах и не уделяют должного внимания проблемам будущего цивилизации. Мы считаем, что для перехода на новый этап развития цивилизации жизненно необходима научно-техническая революция и значительные духовные

преобразования, которые будут находиться в неразрывной взаимосвязи, поддерживая и дополняя друг друга. Вектор развития технологий будущего будет способствовать эволюции сознания индивида и общества, переходу к Неочеловечеству. Речь идет о прорывных технологиях, многие из которых уже разрабатываются и совершенствуются, но пока не доступны остро нуждающимся в них людям. Ключевыми составляющими этих исследований являются:

1. Конструирование антропоморфных роботов-аватаров (искусственных тел).
2. Создание систем дистанционного управления аватарами с эффектом присутствия.
3. Разработка интерфейсов «мозг — компьютер» для мысленного управления аватарами.
4. Разработка технологий продления жизни человека с помощью системы жизнеобеспечения мозга на базе искусственного тела (аватара).
5. Изучение основных принципов работы мозга человека, построение его функциональной модели.
6. Разработка способов протезирования отделов мозга.
7. Создание полного искусственного аналога мозга.
8. Исследование сознания человека и перспектив его дальнейшего воплощения в небиологическом субстрате».

Михаил Ботвинник — идеи создания искусственного интеллекта

Трансгуманисты манифестируют наступление новой эры в истории человечества, в фокусе перехода к которой – обретение бессмертия. Обратимся к фрагменту текста одной из такого рода манифестаций: «Физически мы станем постлюдьми только в том случае, если мы сможем совершить фундаментальные и глобальные изменения в нашей наследственной генетике, нейрофизиологии и нейрохимии, когда мы больше не сможем классифицироваться как Homo Sapiens».

Трансгуманистические кошмары

Однако сценарий перспектив наступления всечеловеческого счастья не детерминирован. При современной системе мироустройства гораздо больше оснований полагать, что новые технологические возможности будут использованы в противоречие с интересами большинства.

Проблему неравенства, конечно же, можно отнести к категории вечных проблем в истории мировой культуры. Однако только в третьем тысячелетии она приобрела реальные перспективы перехода в антропологическое измерение. Идеологии, ставящие одни антропологические группы выше других, возникали и прежде – в версиях сословного иерархизма, нацизма, расизма. Но только в настоящее время наука достигла технологических возможностей искусственного усиления интеллекта, воздействия на генокод, изменения биологической природы человека. Реальностью сегодняшнего дня уже являются создание искусственных органов, нейропротезирование, клонирование, нейрокомпьютерный интерфейс, генетическая диагностика. Завтра, по-видимому, будут освоены технологии генной инженерии, сканирования и картирования головного мозга, нейропротезирования и др. При нынешних технологических перспективах в ситуации различия ресурсных возможностей произойдёт разделение человечества на меньшинство, обладающее улучшенной биологической природой, и большинство, биологически обрекаемое на аутсайдерское положение.

Уже сегодня широко используются технологии зомбирования, манипуляции массовым сознанием. Следующий шаг в этом направлении будет означать возможность установления абсолютного контроля над сознанием человека. Доступ к управлению сознанием получают условно «новые антропологические инженеры».

И вот уже вместо картины трансгуманистического рая складывается картина трансгуманистического Вавилона. Так какая же перспектива ожидает мир? Дать гарантированный ответ на этот вопрос невозможно. Может быть так, а может и иначе. Мир стоит на распутье. И вопрос о

перспективах — это вопрос актуального ценностного выбора и актуальной борьбы за будущее.

Человек и постчеловек в истории мировой культуры

Известно несколько метафор, раскрывающих суть того, что есть человек. Метафора «человек-атом» лежала в основе либеральной теории общественного устройства. Атом, в социальном прочтении, есть индивидуум. Ничто, ни государство, ни церковь, ни нация, не может быть поставлено выше индивидуума.

Другая метафора — «человек-животное» определяла социальные альтернативы либерализму эпохи модерна. Раскрытие природы человека в качестве животного шло ещё от Аристотеля, использовавшего дефиницию «животное политическое». Франклин дал определение человека как животного, использующего орудия труда. Этот подход был в дальнейшем заимствован Энгельсом.

Животные в отличие от индивидуумов существуют в рамках биологического объединения — условно говоря, стаи. Соответственно и интересы объединения оказывались выше интересов отдельных особей.

Но биологизация онтологии человека вела в социальном плане к дегуманизации. Человек переставал быть атомом и становился, согласно формуле Плавта, волком. Озверение человека стало культурным шоком для мира. Опираясь на метафору человека-индивидуума, противостоять человеку-зверю не получалось. И вот в качестве такого противостояния выдвигается метафора «человек-машина». Человек-зверь побеждал индивидуума, но уступал машине.

Метафора «человек-машина» использовалась Жюльеном Ламетри ещё в XVIII столетии. Для него это был механизм, функционирующий по принципам механики Ньютона и уподобляемый им часам. В XXI в. это уже сверхмощный компьютер. Но машина, программируясь на основе открытой информационной сети, будет воспроизводить всё то, что заложил в сеть человек. А нарратив порока в сети доминирует над нарративом нравственности. При простом сложении информации в Интернете возникнет тот же человек-атом и человек-зверь, и их соединение даст человека-киборга.

Все три метафоры приводят, таким образом, к деградации человека. Остаётся четвёртая метафора — «человек-Бог». На этой метафоре исходно выстраивался адаптированный для каждой цивилизации идеал совершенного человека. В отличие от других антропологических типов, в этой перспективе содержался целевой идеал — одухотворения, или обожения. Христианство привнесло в раскрытие данной метафоры важное уточнение — не «человек-Бог», а «Богочеловек». Богочеловеком был Иисус, задавший новые этические идеалы для человечества.

Божественное являлось идеальным, человеческое — реальным, которое должно преобразоваться под идеал. Преображённый человек — это уже новый человек.

Вопрос состоит не в самой антропологической трансформации, а в том, каким содержанием она будет наполнена и на какие целевые установки ориентирована. Ориентир обожения человека — одна из таких антропологических проекций.

Русский преображенный человек и идея обожения

Согласно католической интерпретации, в результате грехопадения, человек потерял благодать, но неизменной осталась его адамическая природа. Из этого следовало, что и будущий человек остаётся сам сущностно прежним. Согласно православному взгляду, в результате грехопадения человек не только потерял благодать, но и оказался повреждён в своей первозданной природе. Соответственно, в проекции будущего — природа падшего греховного человека должна быть преобразена. На этой основе выдвигается идея грядущего преобразования. Человек оказывается, в этой оптике, уже не индивидуумом, а мостом от одной сущности к другой. Целевая установка и подлинная суть христианского проекта состоит, согласно православию, не в мировой доминации — «рах Christiana», а в **обожении** человека.

Большую, но не до конца оценённую роль в генезисе идентичной русской общественной мысли сыграл исихазм. Исихастские взгляды разделял, в частности, Сергей Радонежский. На ориентир обожения указывали многие из отцов церкви. «Он, — провозглашал святой Афанасий Великий, — вочеловечился, чтобы мы обожились». «Бог настолько стал человеком, — изрекал святой Григорий Богослов, — настолько меня делает из человека Богом». «Человек, — заявлял святой Василий Великий, — это животное, призванное стать Богом».

Несмотря на декларируемую атеистическую позицию, большевизм воспринял идущую от исихазма идею преобразования человека. Понятие «обожение» в большевистском лексиконе, конечно, не использовалось. Но имел место дискурс вокруг темы создания нового человека. Идеей создания нового человека особо воодушевлялся первый советский нарком просвещения А.В. Луначарский. Ещё до революции он принадлежал к активным сторонникам течения богостроительства и, по-видимому, так до конца от богостроительских увлечений не отказался.

Отказ от человекостроительной установки, пришедшийся примерно на шестое десятилетие советской власти, явился началом конца советско-коммунистического проекта. Ориентир нового человека был подменён ориентиром максимизации удовлетворения материальных потребностей трудящихся.

Человек будущего в проекциях мировых идеологий

В рамках религиозной традиции человек мыслился как проект. Человеческое развитие представляло собой развёртку замысла Божьего. Соответственно, должно быть и целевое состояние этого замысла. Человек преображался, и мировая история была путём от исходного несовершенного антропологического состояния – к совершенному. Новое состояние уже даже не являлось антропологическим, поскольку человеческая природа трансформировалась в нечто высшее, чем человек.

Особый интерес к теме человека будущего пришёлся в Европе на период Ренессанса. Выдвигается ориентир создания нового человека как гармонически развитой личности. Гармоническое развитие воспринималось первоначально в качестве создания аналогии олимпийским богам. Над проблемой выведения нового совершенного человека работали алхимики.

В период Модерна своя версия постчеловека была сформулирована в каждой из основных идеологий. Либерализм исходил из образа человека, трактуемого в качестве индивидуума-атома. С проявлением новых технологий пространство проявления индивидуальности расширяется. Человек в логике развёртки либерального подхода получает, например, возможность выбирать свой пол и изменять половую природу. Выбор индивидуальной природы – это тот идеологический мейнстрим, с которым либерализм вступил в эпоху постмодерна.

Идея нового человека в фашизме связывалась с перспективами расовой евгеники. Все великие свершения прошлого связывались с присутствием арийской расовой компоненты. Главным злом, произошедшим в истории и приведшим к деградации человечества, определялось расовое смешение. Ему оказались подвергнуты все без исключения народы в большей или меньшей степени. Антропологическая перспектива будущего виделась в восстановлении чистой арийской или – в более поздней терминологии – «нордической расы». Из этих теорий следовала необходимость принятия практической программы восстановления нордического типа. Получило широкое хождение понятие «расовая гигиена».

О грядущей антропологической трансформации писал Фридрих Ницше. Его Сверхчеловек радикально отрицал человека. Это – радикальный аморалист, в котором находили гипертрофированное выражение черты зверя. И именно в зверином начале виделись ориентиры грядущей постантропологической трансформации. Арнольд Гелен в работе 1940 года, исходя из позиций биоантропологии, развивал представление о том, что человек – ущербное существо, каковым он стал в результате

утраты «ощущения биологической борьбы за существование». В восстановлении значения биологически-инстинктивных начал виделся ему исторически необходимый поворот национал-социализма.

Своя версия нового человека была выдвинута и в рамках коммунистической идеологии. Человек будущего должен был преодолеть отчуждение – от общества и от собственной природы (Маркс). Новый коммунистический человек противопоставлялся человеку прежних эпох – индивидуалисту. Предполагалось, что изменения произойдут в самой природе человека и направляться они будут целевым образом на основе передовой науки. Особое внимание уделялось изучению головного мозга и высшей нервной деятельности. Поддерживались проекты по изучению проблем старения организма и способов продления жизни.

XXI век – время «постидеологии». Прежние связанные с классическими идеологиями антропологические проекции частично деактуализируются. Но актуальность самого дискурса о человеке будущего обостряется ввиду появления новых технологий. То, что антропологические изменения будут происходить, – не вызывает сомнений. Вопрос стоит о направленности этих изменений. **По большому счёту существуют две антагонистичные друг другу перспективы. Первая перспектива – трансгуманистическая деконструкция человека, реконфигурация его как человеко-киборга. Вторая перспектива – одухотворение человека, его преобразование в направлении идеалов «обожения».**

Ценностная развилка антропологических перспектив

Возможно ли минимизировать угрозы трансгуманизма? Да, возможно. Первый вариант – отказаться от самой затеи антропологической трансформации как неоправданной с точки зрения рисков. Реалистичность его невелика ввиду того, что не все согласятся прекратить соответствующие разработки, и те, кто не подчинится общему решению, станут технологическими монополистами. Второй вариант – взять целевым образом под контроль проект создания нового человека, наполнить его должным ценностным содержанием.

Одна перспектива – перспектива преобразования – одухотворение, усиление духовной компоненты через преодоление телесной зависимости, трансформация, которую можно было бы охарактеризовать как «ангелическую». Вторая перспектива – перспектива трансгуманизма – расчеловечивание, упразднение социальнокультурной традиции. В рамках второй перспективы также преодолевается телесно-биологическое начало, но только не в направлении одухотворения, а в противоположном направлении – за рамки жизни, к инферальному хаосу.

В каком направлении пойдёт развитие, если антропологический переход начался бы прямо сегодня? Не вызывает сомнений, что при существующей системе жизнеустройства такой переход и означал бы практически духовную деградацию и распад единства человеческого вида. Иного в рамках модели, которую Эммануэль Макрон сравнительно недавно назвал деградировавшим и сошедшим с ума капитализмом, и быть не может.

Следовательно, основная угроза состоит не в самой перспективе антропологического перехода, а в том, что пролонгация на этот переход нынешних тенденций мирового развития может привести к сугубо отрицательным результатам. Следовательно, необходим целевой переход к иной модели жизнеустройства, основанной на идеалах нравственности. Создание образа идеального человека – антропологический проект будущего – само может оздоровить и очистить настоящее, стать тягачом нравственного развития для России и мира.

Технологии развиваются со значительным, стремительно усугубляющимся, отрывом не только в отношении нравственного состояния человечества, но и его возможностями предвидеть будущее. Степень неопределенности в связи с развитием технологий принципиально возрастает. На этом основании получила распространение теория «эджайлизации», базирующаяся на тезисе о вступлении человечества в эпоху принципиальной неопределенности. Принятие этой теории, безусловно, неприемлемо, ввиду реконструируемого в ней намерения отрицания ценностно-целевого, а соответственно, проектного и идеологического уровня общественного строительства, и закрепления де-факто, как само собой разумеющегося, позиций идеологии либерализма. Но само ее появление фиксирует действительный методологический кризис постижения будущего.

Пример пандемии коронавируса (вне зависимости от реальных масштабов, связанных с ним угроз) показывает, в частности, последствия непредсказуемо возрастающих угроз вирусного воздействия при попытках сущностных изменений природы человека. Усилия всего мирового сообщества быстро создать вакцину не увенчались успехом. И это для человека естественного, биологического, чья иммунная система развивалась сотни тысяч лет в развертке всего антропогенеза. То, что иммунная система человека в результате трансгуманистической трансформации окажется поражена, не вызывает сомнений.

Любой вирус будет способен упразднить разом проект антропологического преобразования. Новый человек может первоначально казаться совершеннее человека природного, но, при вступлении в прямое взаимодействие с природой, он, будучи неадаптивен к ней, с высокой вероятностью не пройдет эксперимент. Осуществить же технологически то, что природа выработала за сотни тысяч, а то и миллионы лет, задача невероятная по сложности.

Непредсказуемость последствий трансгуманистического проекта определила, в частности, негативное отношение к нему провозвестника конца истории Френсиса Фукуямы. Казалась бы, будучи приверженцем либеральных ценностей, он должен был бы поддержать и мейнстримный трансгуманизм. Но Фукуяма, напротив, в своей книге «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции», вышедшей впервые еще в 2002 году, рассматривал трансгуманизм как главную реальную угрозу для человечества. Наука, полагал он, не может ни увидеть собственные пределы, ни определить в должной мере последствия изобретений и технологических нововведений.

**Дэвид Хэнсон-младший -
американский робототехник**

**Hanson Robotics Limited -
гонконгская инженерно-
робототехническая компания**

Обещание
уничтожить
человечество

Получение
гражданства
Саудовской Аравии

Слова об установлении
доминирования над
человеческой расой

Выступление в
ООН

Робот София, обещавшая уничтожить человечество

Фукуяма, как либерал, видит в трансгуманизме и угрозы для ценностей классического либерализма. Вынесенное им в заглавие книги положение о «постчеловеческом будущем» вступало в противоречие с названием его самой известной книги 1992 года «Конец истории и последний человек». Принятие платформы трансгуманизма означало бы, чтобы за последним человеком будет постчеловек. А ввиду того, что переход к постчеловеку не может быть одномоментным, Фукуяма видел угрозу в упразднении через развертку трансгуманистического проекта принципа равноправия. Трансгуманизация, предупреждал он, будет означать дегуманизацию.

Распад единства человечества и антропологическая ксенофобия

Величайшими точками триумфа сил добра над злом в истории можно считать Воскресение Христово и низвержение «коричневой чумы» двадцатого столетия – фашизма. В обоих исторических триумфах были повергнуты учения, заявляющие исходное превосходство одних людей над другими, утверждающих антропологическое неравенство. В первом случае были побеждены доктрины ветхозаветного превосходства богоизбранного народа над гоями и римско-эллинского – над варварами, во втором – нацистская идеология арийского превосходства над народами низших рас, деления человечества на сверхлюдей и унтерменшей. В религиозном смысле эта позиция выражалась словами апостола Павла – «Нет ни эллина, ни иудея». В научном отношении она выражается тезисом о видовом единстве человечества. Люди различаются между собой, имеют расовые различия, но принадлежат к одному виду *Homo sapiens*.

Однако, при реализации трансгуманистического проекта ситуация может принципиально измениться. Очевидно, что одновременно все человечество в постчеловечество не будет преобразовано. Следовательно, в эволюционной истории наступит период сосуществования двух видов – Человека и условно – Постчеловека. Постчеловек будет иметь очевидные исходные преимущества перед человеком – интеллектуальные, возможно – физические. Прежнее биологическое равенство внутри антропосообщества, таким образом, исчезнет. Неизбежно, при отсутствии антропологического равенства, возникнет тема о несоответствии реальному положению вещей принципа равноправия.

Между видом Человека и Постчеловека с неизбежностью, хотя, возможно, и не сразу возникнет конфликт. Градус ксенофобии в этом конфликте, вероятно, будет превышать все расовые и национальные конфликты прошлого. В отличие от них, в основе этого конфликта оказывается реальное различие двух видов.

Господствовавший прежде на Земле вид Человека должен будет уступить власть и ресурсы более совершенному виду Постчеловека. И то, что Человек попытается организовать сопротивление, а Постчеловек его подавить – сомнения не возникает.

Возможно, в истории человечества такого рода антропологический конфликт уже имел место. Речь идет о распространенной версии гибели неандертальцев 40–45 тысяч лет назад, истребление которых приписывается кроманьонцам, имевшим определенные эволюционные преимущества. Среди исследователей используются даже понятия «геноцид неандертальцев» и «холокост неандертальцев».

Центром межвидовой борьбы стала Европа – основной очаг расселения неандертальцев в мире. История Европы, таким образом, началась с

геноцида, и далее к этой геноцидному архетипу не единожды возвращалась. История может, впрочем, еще раз повториться, когда подобно пришедшим в Европу кроманьонцам на Западе появится новая общность постчеловеков.

Конфликт между людьми и искусственными антропоморфными существами является одной из наиболее популярных тем научной фантастики. Сюжет борьбы человечества с искусственными антропоморфными существами, имеющими разное название, но сущностно подходящими под определение постлюдей, положен в основу популярнейших фильмов: «Бунт роботов», «Восстание машин», «Бегущий по лезвию» и др.

Изменение сущности человека

Трансгуманизмом игнорирует учение о душе. Но если встать на позицию, что наличие души есть главная характеристика человеческой природы, то трансгуманистическая перспектива, игнорирующая душу, как минимум, является колоссальной угрозой. Не вступят ли в противоречие с душой человека инкорпорированные в него искусственные тела? Зная, что машина души не имеет, возникает также вопрос: не будет ли означать киборгизация ликвидации в человеке душевной, а соответственно и духовной субстанции?

Человек с помощью имплантов физически и интеллектуально усовершенствуется, но его душа гибнет, и Царства Небесного он уже не обретет никогда. Больше ли он приобретает, или теряет? В этой постановке вопроса трансгуманизм есть величайшее искушение. Человечество искушается обрести новые небывалые возможности, но в обмен отказаться от исходного адамического образа Творения.

Существуют ли, помимо выходящего за границы науки вопроса о существовании души, угрозы киборгизации в отношении духовных потенциалов человека? Безусловно, да.

Импланты шаг за шагом замещают несовершенную биологическую природу. Человек меньше страдает физически, у него ослабевает, а то и исчезает вовсе ощущение боли. Но ведь в любой религиозной традиции духовные качества человека развивались и закалялись через физическое страдание, через боль, через плотские мучения. Жития святых в христианстве изобилуют такими примерами. Каждый христианин придерживается в определенные сроки поста – сознательного ограничения плоти, подчиняемой сознанию и духу. Известно, какую роль играла аскетика в духовных практиках Востока.

В версии трансгуманистического развития вся эта тема духовного восхождения через преодоления плоти полностью снимается. Но снятие чувства боли, преодоление плотских устремлений есть в тоже время и разрушение традиционного механизма духовного восхождения. Может ли быть это восхождение без боли, без страданий, без победы над

телесными искушениями? Допустимо ли преодоление установлений Божьих при изгнании Адама и Евы из Рая? При упразднении традиционного пути формирования силы – духа другого пути транс-гуманизм не предлагает.

Еще больше угроз в перспективе киборгизации содержит имплантация мозга человека, вживления в человеческий организм компьютера. Объемы памяти человека в этом случае принципиально возрастают, увеличивается скорость обработки информации. Но это уже не будет мышлением человека.

Интеллектуальная деятельность человека включает четыре возможные составляющие – рациональная, рассудочная, иррациональная и духовная. Интеллект киборга может функционировать в системах рационального и рассудочного мышления. Но он не способен работать – ни в иррациональной, ни, тем более, в духовной системах.

Человек-машина потенциально может мыслить в системе рациональности Рене Декарта. Это система парадигмальной рациональности. Однако функционировать в системе иррациональности, диалектических противоречий и полифонического нарратива Фёдора Достоевского машины уже не в состоянии.

Свобода воли, предоставленная Богом человеку, одна из ключевых идей православия. Человек имеет возможность выбирать. Компьютерный мозг не выбирает. Он программируем исходно на принятие определённого решения. Даже в ситуации неопределённости им не делается выбора, а осуществляются действия в соответствии с программным кодом. У него нет альтернативы. И соответственно, у него не может быть ни этики, ни ценностей, предполагающих наличие альтернатив.

Антропологическое преимущество богатых над бедными

С падением СССР международная система социализма была обрушена, и кривая социального расслоения в геометрической прогрессии пошла вверх. Средства массовой информации сообщили, что в 2015 году оказался превзойден исторический рубеж в 50 % мирового богатства, сосредоточенного в руках 1 % населения Земли. Заявляется, на уровне глобальных элит, о замене доктрины социального государства доктриной государства участия, как неолиберальной модели распределения совокупного общественного богатства. Одним из первых эту позицию от лица элит озвучил король Нидерландов Виллем-Александр.

Социальное расслоение достигло уже такого уровня, когда речь идет не просто о различии доходов, но о принципиальном различии систем бытия. Школы, медицинское обслуживание, отдых, бытовой сервис элит

и большинства человечества находятся в параллельных, не сообщающихся реальностях. И вот, в ситуации стремительно усугубляющегося социального раскола начинает реализовываться трансгуманистический процесс усовершенствования человека. К каким это последствиям, в фокусе тренда возрастающего неравенства, может привести? Очевидно, что процесс социального и онтологического распада человечества будет еще более усугублен, катализирован, переведен на новый уровень. Новый уровень означает, что вслед за распадом имущественным и онтологическим осуществится переход к **распаду антропологическому**. Богатые будут антропологически совершеннее бедных.

Проведение операций по усовершенствованию человеческой природы окажется, очевидно, весьма дорогостоящими. Если технологии коснутся изменений геномной природы, то практически это может означать, что дети богатых окажутся уже в силу рождения совершеннее детей бедных. Первая статья Всеобщей декларации прав человека окажется в этих реалиях недостоверной. Рано или поздно, обладающая антропологическим превосходством элита потребует ее пересмотра, как, собственно, и всю систему современного права, основанного если не на принципах равенства, то равноправности граждан.

Реконструкция древнегреческой мифологии позволяла установить следующую модель иерархии – не реальной, а мифологической, которая получала соответствующую религиозную легитимацию. Сверху Пирамиды – боги, которые похожи на людей, но физически и интеллектуально превосходят их, а также обладают телесным бессмертием. Дети богов и людей – полубоги, герои – также превосходят обычного человека и потому должны править людьми. Есть собственно люди – граждане полиса, как бы сказали сегодня – простые смертные. Ниже их ступенькой находятся рабы и варвары, рабское и варварское состояние которых производно от их антропологического несовершенства.

Очевидно, что никаких олимпийских богов и их потомства – героев в реальности не существовало, а рабы и варвары не уступали по физическим и интеллектуальным параметрам развитости эллинам. Но греческая мифология была воспринята субкультурой эпохи Возрождения, приобретя в рамках различных эзотерических сообществах характер проекта. Алхимия работала в первую очередь на эту задачу. В этом отношении профаническое сведение алхимии к вопросу о получении искусственным путем золота выглядит как искусственное затемнение проблемы. Главным в алхимии был антропологический проект, выходящий на проблему решения вопроса об обретении личного бессмертия в земной жизни. Преобразование сущности человека в бога или полубога должно было происходить через технологию трансмутации.

Алхимики этот проект так и не смогли реализовать. Но трансгуманизм взял фактически на вооружение алхимические идеи, и в этом отношении трансгуманисты преемственны алхимикам.

Управление сознанием человека, трансгуманистическое рабство

Исторически технологии господства и подчинения менялись, делались более совершенными. Рабовладение являлось прямым контролем рабовладельца над телом раба. Но при этом сознание раба оставалось вне власти хозяина. Поэтому считается, что и эффективность рабского труда оказывается не слишком высокой. Следующей исторической стадией эксплуатации явилось создание системы контроля за жизненно важными для человека ресурсами – землей, сырьем, средствами труда в целом. Внеэкономическое принуждение сменяется экономическим. Человек сам нанимался к владельцу средств производства, и сам отдавал ему, таким образом, результаты труда. Тогда возникает недостаточно раскрытая Марксом форма присвоения через право эмиссии денежных знаков. Окончательно этот механизм эксплуатации сложился уже во второй половине 1970-х годов при переходе к Ямайской валютной системе, когда финансы оказались полностью оторваны от реального объема производимых общественных благ, а продажа ничем не обеспеченной валюты стало самым прибыльным бизнесом. Далее – новые перспективы совершенствования механизмов присвоения открывают развитие информационных технологий и цифровизация. Система социального кредитования в Китае показывает, как работают эти механизмы и те перспективы цифрового фашизма, которые могут из их внедрения следовать.

Если же трансгуманистическое проектирование приобретет широкий массовый охват, то не приходится сомневаться, что он попытается использовать это в целях еще большего усиления своей власти.

Между тем, сама проектная установка проведения искусственной сборки человека дает потенциальную возможность установления полной власти над проектируемой моделью. Весь вопрос в том, какие программы будут при соответствующей имплантации внедрены в человека.

Постчеловек в этой версии становится ментальным рабом. Он лишается субъектности и свободы выбора. Финалом истории оказывается установление системы полного порабощения. Если рабы античных Греции и Рима могли оставаться свободными духом, то неоравы-постчеловеки оказываются рабами абсолютными.

Противопоставление постчеловека Богу

Различные религиозные традиции дают нарратив богоборческих деяний со стороны дьявола и греховной части человечества. В основе богоборчества – желание дьявола или возгордившегося человека самому стать богом. Классический пример такого рода в авраамических религиях – проект строительства Вавилонской башни до небес.

Одним из главных проявлений богоборчества в религиозных преданиях является попытка уподобления человека Богу. При изгнании человека из Рая Бог говорит, что человек может вкусить плодов не только от древа познания, но и древа жизни и тем самым обрести бессмертие.

Недопущение к древу жизни, охраняемого ангелом, вооруженного мечом, установление для Адама – «прах ты и в прах возвратишься», показывает в книге «Бытия», что Бог не допускает для людей вечной жизни. Вечную жизнь люди обретут лишь только после Страшного Суда, когда будут взвешены их злые и добрые дела.

Но трансгуманизм выдвигает именно ориентир максимизации продолжительности жизни человека вплоть до обретения им бессмертия. Ставится, таким образом, целевая установка, противоречащая Божественной заповеди. Получается, что дети Адама решили через науку оспорить установления Божьи.

Заповеди Бога для Адама и Евы из главы третьей книги «Бытия» уже и так подвергаются системной ревизии. Установления для Евы о беременности и рождении детей в болях обходятся в многочисленных прецедентах. Кесарево сечение и другие медицинские приемы позволяют уйти от обязательной боли при родах. Суррогатное материнство позволяет и вовсе избежать беременности. Установление о господстве мужа над женой с распространения концепта полового равенства поправлено фактически повсеместно. Развитие феминистского движения еще более радикализирует это поправление. Предписание для Адама – «в поте лица будешь есть хлеб твой» фактически игнорируется паразитарной прослойкой общества. Осталось одно – последнее и главное – «прах ты и в прах возвратишься». Трансгуманизм бросает вызов и этому предписанию.

Первая богоборческая идея, вытекающая из трансгуманизма – подвергнуть ревизии предписание Божье и обрести бессмертие, вторая – уподобиться Богу как создателю человека. Сотворение человека, согласно Библии, являлось последним и наивысшим Творением Божьим. Человек был создан по Божьему образу и подобию. Повторить Божье Творение никому не под силу, ибо повторивший его сам становится Богом.

Но идея о создании тем или иным путем искусственного или искусственно выведенного антропоморфного существа проходит красной нитью через всю историю мировой культуры.

Так, Идея выведения искусственного человека, гомункула, составляла одну из центральных тем алхимической эзотерики. Существо наделялось

качествами явно демонической природы и предполагало при создании элементы контринициации. Оно вскармливалось человеческой кровью.

Предания, распространённые в среде алхимиков, приписывали создание гомункула знаменитому испанскому врачу Арнольду де Вилланова, жившему в XIII–XIV вв. Уже в XVI столетии рецепт выведения гомункула был написан Парацельсом. Согласно распространённым поверьям, для создания искусственного человека требовалось заключить конкордат с Сатаной.

Особую известность благодаря соответствующим литературным обработкам получила легенда о големе – создании пражского раввина Йехуды Лева. Голем был создан для защиты евреев от кровавого навета. Однако он вышел из подчинения и сам обрушился на евреев. Истукана удалось остановить, и ныне, согласно легенде, он находится на чердаке Пражской синагоги. Когда-нибудь он включится вновь, что станет отправной точкой развёртки апокалипсического сюжета.

Образ чудовища Франкенштейна был создан Мэри Шелли уже в XIX столетии, что свидетельствует о сохраняющемся интересе к теме и в Новое время. Роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» вышел впервые анонимно в 1818 г. Сюжетная линия прежняя – созданное человеком искусственное антропоморфное существо оказывается чудовищем и приносит зло своему создателю. Проекцией рефлексии в будущем явилось требование монстра, чтобы Франкенштейн создал ему невесту, от союза с которой пойдёт новая раса, которая заполнит землю и получит доминирование над человеком. Произведение Шелли станет уже в XX столетии основанием для различных экранизаций.

Таким образом, нахождение на традиционных религиозных позициях и на позициях трансгуманизма обнаруживает принципиальные противоречия. Многие религиозные авторитеты воспринимают трансгуманизм не просто как заблуждение и ересь, но как прямое богоборчество. Показательна в этом отношении оценка вызова трансгуманизма Патриархом Московским Кириллом: «Проблема трансгуманизма – в сведении человека к его биологической, или, говоря святоотеческим языком, телесной составляющей, для совершенствования которой допустимо, по уверению адептов этого учения, поступаться нравственными нормами и выходить за границы морально допустимого. Трансгуманизм обещает человечеству «цифровое бессмертие», преодоление физических ограничений, фактически – как бы создание нового человека. В сознание современников через фильмы и литературу постоянно вкладывается идея о том, что человек требует «переделки», «обновления», или, пользуясь выражением из компьютерной индустрии – «апгрейда». Это новая форма антихристианства, которая декларирует искреннюю заботу о благе человека, а на деле в самом корне разрушает истинные представления о человечности и о человеке как образе Божиим».

Утрата единства человека и природы

Человек, несмотря на создание различных технологий и достижения возможности субстанционального изменения самого себя, является все еще частью окружающей его природы. Он входит составной частью в экосистему, и игнорирование его связанности с природной средой может обернуться и исторически оборачивалось экологическими катастрофами.

Постчеловек трансгуманизма уже не является натуральным, природным человеком. Он, при соответствующем продвижении в трансгуманистической перспективе, уже не будет представлять биологической формы жизни. Для обеспечения его жизнедеятельности потребуются со временем совершенно другие ресурсы, чем требуются человеку натуральному. Все это не может в конечном итоге не привести к разрушению сложившихся экосистем. Постчеловек в своем развитии будет все более отдаляться от биологической природы Земли. На каком-то этапе технологического совершенствования этот разрыв может оказаться критическим.

Процесс видообразования до настоящего времени охватывал тысячелетия, а то и сотни тысяч лет. Впервые это предлагается осуществлять лабораторным путем во временной протяженности дней, а то и часов. Но если за тысячелетия наряду с закрепляемыми генетически изменениями вырабатывался и адаптационный механизм, приспособление к среде обитания, то в случае трансгуманистического конструирования — это невозможно.

Утрата пола и постгендеризм

С возможностью изменения тела возникает и возможность выбора пола, а далее и вообще — преодоления пола. Первая позиция выражается в теории гендера, принципиально отличающегося от пола, как естественной природной принадлежности к мужчинам или женщинам, вторая — в доктринах постгендеризма.

Не случайно постгендеризм, как философия, идет рука об руку с раскрытием философем трансгуманизма и постчеловечества. Заявляется, что в результате трансгуманистического перехода будет упразднена не только гетеросексуальность, но и поднятые (постмодерном) на щит гомосексуальность и бисексуальность. На смену им, предсказывают постгендеристы, придет пансексуальность. Другим шагом станет отделение пола от размножения. Такая перспектива связывается пост-гендеристами с возможностями трансгуманистических технологий — клонированием, партеногенезом, созданием искусственной утробы.

Культурогенез в рамках любых цивилизационных и национальных общностей шел исторически, отталкиваясь в той или иной степени от проблемы пола. Считается, что собственно общество возникает с установления первых табу, представлявших собой половые запреты. Разграничение социокультурных ролей мужчин и женщин, а соответственно, мужского и женского воспитания исторически создало фундамент традиционного общества. И нет ни одного сообщества, где бы такого распределения не проводилось. Через соотношение мужского и женского начал выстраивались объяснительные модели функционирования мироздания.

И все это постгендеризм готов через технологии трансгуманизма обрушить. Понятно, что для пансексуального постгендерного существа вся эта история мировой культуры будет чужда и непонятна.

Утрата цивилизационной идентичности и социокультурный распад

Единая мировая система и глобализм являются современными феноменами. Тысячелетиями же человечество развивалось в рамках сравнительно замкнутых сообществ. А. Дж. Тойнби определял их понятием цивилизации, Ф. Бродель – мир-системы. Формирование человека осуществлялось в соотнесении с цивилизационной средой. Исторически типы человека различались по базовым ценностям, традиционному укладу, менталитету, системе мотиваторов. В этом отношении можно говорить об особых антропологических типах – человеке цивилизационном.

Риски трансгуманизма: есть ли ответ?

Перенос ценностей и рецептуры из одного цивилизационно-антропологического типа на другой не могло не привести к рецептурным провалам. Приемы экстраполяции исторически не работали, и их применение часто оборачивалось катастрофой. Традиция закрепляла лучшие практики жизнеобеспечения по отношению к конкретному цивилизационно-антропологическому типу. Человека вообще как некой универсалии исторически никогда не существовало. В каждом конкретном случае могла идти речь о человеке той или иной цивилизации – русском, немце, китайце, индусе, арабе и т. д.

И вот, в результате трансгуманистической трансформации произойдет то, чего добиваются трансгуманисты – замена человека постчеловеком. Будут ли сохранены у постчеловека цивилизационно-идентичные ценности и цивилизационно-адаптивный менталитет? лении в сознание человека компьютера – должно быть использовано программное обеспечение, соотносимое с цивилизационно-ценностными накоплениями российской, исламской, индуистской, конфуцианской и других цивилизаций. Такая вариативность в программных разработках, судя по направлению разработок в сфере Искусственного интеллекта, на сегодня и в ближайшей перспективе отсутствует.

Вероятнее предположить, что проектировщики трансгуманистических трансформаций пойдут по пути создания новых существ, не отягченных архаикой локального существования человека.

Резюме

Таким образом, можно зафиксировать высокую степень рисков, продуцируемых разверткой трансгуманистических проектов. Риски трансгуманизма столь значительны, что это перекрывает возможные связанные с ним позитивные потенциалы и делает саму их позитивность сомнительной.

Пути трангсуманизма на западе (Авторский доклад Никиты Куркина)

В 1930-х годах нас предупреждали о контрацепции, и мы смеялись. В 1950-х нам сказали, что аборты скоро будут узаконены, но мы это проигнорировали. В 1970-х писали о надвигающейся эвтаназии, и мы пожимали плечами. В 1990-х нас предупреждали о гомосексуальном движении за особые права, и нам было все равно, потому что мы думали, что идея жениться на мужчинах нелепа. В 2010-х. трансгуманизм. Каким будет наш ответ в пятый раз? Мы наконец-то усвоили наш урок? Сможем ли мы проснуться от нашего мирного сна или пассивно наблюдать, как еще одно зло неторопливо оккупирует нашу землю? Фактически это первая действительно существенная угроза человечеству. Это первая угроза в истории, которая может покончить с нами как с видом.

Брайан Клоуз

Новая антропология: недоверие к человеку

Происхождение магического мышления трансгуманистов и их самой известной фигуры – Рэймонда Курцвейля британский философ Джон Грей отменно разобрал в своей книге 2011 года «The Immortalization Commission». По его убеждению, эта идеология берет начало в двух источниках. **Первый – оккультные кружки британской аристократии конца XIX – начала XX века.** Такова была

своеобразная реакция на учение Дарвина, когда поиск жизни после смерти привел к увлечению спиритизмом. Искали не только способы контактировать с духами, но и возможность этот самый дух сохранить и оставить на земле, рядом с живущими. **Второй источник родом из СССР 20-х годов прошлого века**, где к духовным предшественникам можно отнести и Александра Богданова (Малиновского), и Леонида Красина, собиравшегося, как известно, заморозить тело Ленина для последующей процедуры оживления (предтеча криогенической корпорации «Алкор»). Как сформулировал Луначарский, «революция означает не просто радикальное изменение социальной жизни, но мутацию самого человека, создание, на самом деле, нового вида».

Джон Грей вообще предпочитает считать трансгуманизм **«научной формой гностицизма»**, суть которого в веровании, что увеличение знаний автоматически освободит человека от тюрьмы плоти. По его собственным словам, трансгуманисты предпочитают думать следующим образом: «выходом из этой тёмной вселенной, по законам которой мы живём, и которые заставляют нас работать, стареть и умирать, может стать только приобретения это особого знания. И мы освободимся от рабства материи. Так вкратце можно описать гностицизм»^[101].

Серьезный разговор о контексте успеха трансгуманизма стоит начать, пожалуй, с обширной цитаты из книги, некогда ставшей интеллектуальным бестселлером в США, на момент публикации в 1994 году, из «Восстания элит и предательства демократии» американского историка Кристофера Лэша: «Новые элиты, включающие не только администрацию корпораций, но и представителей всех тех профессий, которыми осуществляется производство и манипулирование информацией – жизненным эликсиром общемирового рынка – гораздо более космополитичны или, по крайней мере, более подвижны и склонны к перемене мест, нежели их предшественники.

Новые элиты восстают против «срединной Америки», как они ее видят: народ, технологически отсталый; политически реакционный; с моралью, подавляющей половой инстинкт; самоуверенный и самодовольный, плоский и пошлый. Те, кто жаждет влиться в ряды новой аристократии интеллекта, склонны скапливаться на побережьях, развертываясь спиной к средоточью страны и культивируя связи с международным рынком скорого оборота, роскоши, моды и поп-культуры... Новые элиты – дома, лишь когда они в разъездах, – по пути на совещание высокого уровня, торжественную раздачу новых привилегий, международный кинофестиваль или неизведанный еще курорт. Их взгляд, по сути, это взгляд туриста на мир»^[102].

Именно Лэш ввел в общеупотребительный оборот термин **«восстание элит»** и постарался объяснить причины происхождения этого феномена. С какого-то момента 80-90-х годов XX века все более отчетливым становилось, что с точки зрения и социологии, и культурной политики, элиты все более «отпочковываются» от глобального

большинства, несмотря на все кажущиеся триумфы тотальной демократизации конца 60-х годов. Но Лэш сделал одну серьезную методологическую ошибку, понятную в его случае бывшего марксиста, который пришел к социальному консерватизму — эти самые восставшие элиты не вызывали у него никакого восторга, мягко говоря, особенно когда он их сравнивал с элитами XIX — первой половины XX веков. Поэтому он отказывал им в любом значительном искреннем интересе к жизни и вкусам нижестоящих классов и групп. Игнорируя, при этом, такие факторы, как социальное происхождение этих бунтующих элит. Стив Джобс, основатель Apple, отчисленный студент, искавший духовное просветление в путешествиях в Индию — классический их представитель. Точной такой же, как Эрик Шмидт, ключевая персона корпорации Google, инженер, выпускник Университета штата Калифорния в Беркли. В своем большинстве, если речь идет об Америке, это люди с высшим образованием, действительно свысока относящиеся к «необразованным» как социально чуждым. Но что это означает при более пристальном рассмотрении?

Сегодня элитные круги Запада имеют свой комплекс культурных признаков. «Голубая» кровь и чистота родословной уже не играют прежней роли. Эти элиты убеждены в своем праве на власть благодаря превосходству своих качеств — мы, дескать, добились всего самостоятельно, за нами не стояли галереи знатных предков, обеспечивших будущее отпрыскам благородных кланов. В абстрактном виде это звучит довольно правдоподобно, но при тщательном рассмотрении, мы видим, что главным «качествами» современной элиты является диплом подходящего заведения плюс умение вращаться в нужных кругах.

Знаменитый американский политический философ Роберт Нозик (1938—2002) разбирал этот феномен в эссе 1998 года «Почему интеллектуалы противостоят капитализму?» (правда вряд ли он осознавал до конца, что делал одновременно анализ формирующейся элиты, а не просто интеллектуального класса). По его мнению, **американский интеллектуал конца прошлого века — это человек, доходы которого значительно выше среднего уровня и чье мировоззрение сформировало в непропорциональной степени общественный дискурс на Западе.** Был ли он доволен этими достижениями? Ни в малейшей степени.

Во-первых, потому что со времен античности «интеллектуалы говорили нам, что их деятельность наиболее ценна». При этом классический капитализм эпохи своего расцвета, вернее, представляющий его класс промышленников и предпринимателей, не разделял эту точку зрения, и не одаривал интеллектуалов по высшему классу материально и не обеспечивал их деятельность соответствующим престижем. И, во-вторых, образование вообще прививает интеллектуалам чувство превосходства. Книжное знание — мера заслуг в детском возрасте в доцифровую эпоху. Одаренных бывших учеников ценили уже как учителей и профессоров в

школах и университетах, считали их превосходящими по уму, и любили за это. «Как они могли не видеть в себе превосходства?», – вопрошал своих читателей Нозик^[103].

И именно из этих самых интеллектуалов и стало идти пополнение правящих элит западных стран с момента начала интернет-бума. Само пребывание в престижном университете неизбежно снабжает перспективного молодого человека характеристиками, которые откроют ему гостеприимно двери в салон «меритократов». Наличие престижного образования свидетельствует сегодня на Западе не только о высоком интеллектуальном уровне, но также и о наличии «правильного» отношения и «правильных» взглядов на самый широкий спектр тем и вопросов. Оттуда выходят либералами, космополитами, толерантными атеистами без «традиционных предрассудков». Такие люди открыты для «новых идей» и предпочитают руководствоваться «здравым смыслом» (сиречь онтологически непонятой теорией рациональности) при решении проблем общества. Их можно винить во многом – но только не в отсутствии интереса к «необразованным массам».

Сегодняшняя элитная среда – **олигархия высоких технологий, кооптируемая за счет интеллектуального класса**, которая, вопреки распространенным убеждениям, жаждет разделить свое видение с ныне «невежественными» и приучить жить «как надо». Отменно с описанием этой среды и ее социальной взаимосвязью справился выдающийся американский экономический географ Джоэл Коткин в книге «Новый классовый конфликт» (2014 год). Коткин пишет: чтобы понять динамику нынешней политики, мы должны отбросить традиционные понятия «левый» и «правый». Большая группа формирующих общественное мнение сил: медиакратия СМИ и блогосферы, колледжи и университеты, некоммерческие организации («мозговые тресты»), «передовой» бизнес информационных технологий – все они сыграли центральную роль в превращении современного социального либерализма – антипода традиционному либерализму – в доминирующую идеологию. Коткин называет эту группу **Клиром**, заимствуя термин, впервые использованный британским поэтом Сэмюелем Кольриджем в 1830 году для описания группы лидеров Англиканской церкви, а также интеллектуалов, художников и педагогов, чья миссия состояла в том, чтобы передавать ценности общества менее просвещенным низшим социальным слоям. Клир сегодняшнего дня получает свою власть от «убеждения, управления и регулирования остальной части общества»^[104].

Существует ряд причин, считает Коткин, по которым Клир является отдельной социальной группой. Для начала, размер этой страты: занятость в средствах массовой информации и блогосфере, научных кругах и фондах расширилась в последние десятилетия, увеличивая вес этих секторов общественного производства по сравнению с другими. И в руках у этой группы право на описание существующей действительности.

Профессор университета штата Виржиния Шива Вайкшьянатан написал книгу об этом явлении как о **гуглизации** окружающего мира – «Googlization of Everything – And Why We Should Worry» (2011 год) – «Мы позволили Google определять, что важно, уместно и правдиво как в Интернете, так и в мире. Так мы отдали контроль над нашими ценностями, методологиями и способами управления...»^[105]. Корпорация контролирует доступ в Интернет – через поисковики, формируя ответы на запросы и выдавая «подсказки», создавая определенную логическую связность явлений и понятий. Владение поисковым движком – это контроль над сознанием массового потребителя. Как и контроль над социальными сетями и аппаратами доставки информации к потребителю. Google, Apple, Facebook, Twitter – цифровые империи из Кремниевой долины превращаются в «естественные монополии» глобальной информации.

Члены Клира «едины в мировоззрении, особенно в политических вопросах, подходе к проблемам окружающей среды и социальным ценностям». Современное светское жречество представляет свои идеи как единственно верные и единственно возможные, и оно стремится к обеспечению соответствия своей догме. Либеральный некогда идеал толерантности превратился ныне в «голимый консерватизм». Клир стремится регулировать речь, воспитывать молодежь и «ограничивать обсуждение вопросов, которые они затрагивают, таких как однополые браки, изменение климата, а также расовые и гендерные проблемы». Дебаты по этому поводу в принципе невозможны: если кто-то не согласен с догмой, то он либо будет медийно уничтожен, либо окажется в информационном вакууме.

Члены Клира, современное светское жречество, представляют свои идеи как единственно верные и единственно возможные, стремятся к обеспечению соответствия своей догме. Либеральный некогда идеал толерантности превратился ныне в «голимый консерватизм». Клир стремится регулировать речь, воспитывать молодежь и ограничивать обсуждение вопросов, которые они затрагивают, таких как однополые браки, изменение климата, а также расовые и гендерные проблемы. Дебаты по этому поводу в принципе невозможны: если кто-то не согласен с догмой, то он либо будет медийно уничтожен, либо окажется в информационном вакууме.

Этот новый «клерикализм» является светским и, безусловно, антирелигиозным. Собственно, что роднит его с аналогичным советским опытом 20-30-х годов прошлого века. И здесь взгляды Грея и Коткина сходятся в общем мнении: эта группа выполняет функцию духовенства, опираясь на науку как на источник власти. Как утверждает Коткин, **«научное сообщество приняло отчасти богословский характер»**. И «научное знание» используется в качестве политического инструмента – для расправы над оппонентами. Противостояние деиндустриализации и сокращению потребления средним и рабочим

классом все чаще рассматривается как поощрение глобального потепления и «мракобесие против науки»^[106].

Правящий класс сегодня идет на меры, которые также вызывают в памяти ранние годы существования СССР, направленные на контроль над базовыми человеческими функциями: **что едят люди или как родители должны воспитывать своих детей**, согласно «установкам партии и правительства». «Роль власти государства все больше раздувается в попытках регулировать даже самые личные формы поведения, — пишет Коткин, — не для достижения какой-либо духовной цели или даже для улучшения материального благосостояния, как это было в прошлом, а для изменения поведения, чтобы достичь некоего социального блага»^[107].

Трансгуманизм и феминизм: союзы и распри

Управляющей идеологией Клира является новый феминизм или **феминизм 3.0**. Житель западных стран не может открыть газету или интернет-СМИ, не ознакомившись с феминистской позицией или критикой по всем основным культурным и политическим вопросам. Критерием оценки качества культурного продукта вообще является готовность придерживаться ценностей нового феминизма. В мире публичной политики этот самый феминизм 3.0 также является доминирующим.

Появление этого нового феминизма на Западе невозможно было бы объяснить без фактора элит, изучая только социальную динамику. Ведь все другие политические движения радикального толка «увяли». Марксистско-ленинские и троцкистские студенческие группы — анахронизм предыдущей эпохи. Антивоенное движение, движение глобалистов — «тени забытых предков». Феминизм с точки зрения именно что обеспечения прав женщин на Западе выглядит довольно странно. Жизнь женщин на Западе значительно улучшилась. В настоящее время в университетах больше женщин, чем мужчин в странах ЕС, в Северной Америке и Латинской Америке. В средней школе девочки сегодня превосходят мальчиков по грамотности^[108]. В Великобритании женщины зарабатывают примерно на четыре процента больше, чем их коллеги-мужчины уже лет десять, и этот разрыв в пользу прекрасного пола только растет^[109].

При этом феминистский дискурс утверждает, что женщины «ежедневно сталкиваются с ужасами непрерывного женоненавистничества». Результатом борьбы с «ужасами» являются нетерпимость к любому инакомыслию и требование, чтобы люди, искусство и культура думали и изображали женщин только в определенном «правильном» ключе.

Весь этот непрекращающийся праздник жизни происходит под рукоплескание общественно-политического, культурного и медийного

истеблишмента. **И означает он отказ современного Запада от идей разума, порядка, автономии и истины и от философии Просвещения.** Например, феминизм 3.0 рассматривает «диктат разума» как «мужскую веру в то, что мир познаваем и изменчив». Во всяком случае, так нам говорит икона феминизма – Чимаманда Нгози Адиче в бестселлере «We Should All Be Feminists».

Новый феминизм напрямую связан с разоблачением «мужских идей» рационального мышления. Об этом прямо пишет Жаклин Роуз, автор книги «Women in Dark Times». «Слишком долго мы верили, что так называемый разум или просвещение может обеспечить прогресс и освободить человечество». Теперь же феминизм должен изменить не только, политику, право, науку и культуру, но и биологию (sic!) вместе со способами мышления^[110].

В политике это знаменовало сдвиг с суждения как основной идеи на эмоции в этом же качестве. Говоря иначе, современный Запад в отношении политики как инструмента рациональной дискуссии испытывает сильнейший дискомфорт, и в качестве противовеса 1) возвышает интуицию над мыслью. 2) воспитание общественности превалирует над взаимодействием с ним. 3) политика рассматривается как инструмент подавления дискуссий и удовлетворения основных потребностей людей.

В науке феминизм 3.0 постулирует, что знания, основанные на разуме, «мужские», и, следовательно, «шовинистические», и эта точка зрения является господствующей в институтах университета и школы. Растет число авторов книг, попадающих в категорию «чересчур мужского чтения», которое вредно «для женщин», включая классику. Вследствие этого учащиеся-феминисты требуют, чтобы книги, содержащие «тревожное» содержание, сопровождались опубликованным предупреждением, что логично, если рассматривать знание как потенциально опасное. Недавно такое клеймо досталось «Метаморфозам» Овидия как пропаганде сексуального насилия^[111].

В этом нет ничего сугубо нового – еще в 1986 году некая феминистка Сандра Хардинг описала «Принципы математики» Ньютона как «руководство по изнасилованию» на том основании, что Ньютон рассматривал природу как нечто, чем человеку необходимо овладеть. Естественно, что в этой картине мира научный революционер XVI века Фрэнсис Бэкон, который описал природу как «она», чьи секреты мы должны «извлечь», был назван «сексистом». Сегодняшние студенты Европы и Америки не могут не считать идеи оскорбительными, а слова аргументации – насилием. На практике это означает переход от передачи знаний сверху вниз к менее структурированному, но феминизированному «обмену информацией» между школьниками и студентами.

Как написал британский публицист Брендан О'Нил, **новый феминизм означает новую мизантропию.** «Сегодня феминизм продвигает

недоверие к человечеству более основательно, чем любое другое движение... новый феминизм создает впечатление, что человечество гнило, ненадежно, требует более строгого контроля и цензуры». Разрушаемые «мужские» ценности, с точки зрения О'Нила, на самом деле являются универсальными ценностями для всего человечества, надежнейшей гарантией его существования как вида и цивилизации^[112].

Как видим, в современности появление, развитие и успех идеологии трансгуманизма — не столько извод чьего-то извращенного сознания, всемирный заговор или аберрация исторического процесса (хотя, вероятно, и это тоже) — сколько еще один **вполне логичный шаг господствующей глобальной элиты в духе ее абсолютного тотального недоверия к человеку и его достижениям**. Все это не может не беспокоить тех, кто не потерял веры в вид Homo Sapiens.

* * *

Отношения трансгуманизма и феминизма удобно описывать как отношения родственников, но не детей и родителей, а кузенов или сводных брата и сестру. Феминизм, как и борьба за права сексуальных меньшинств и трансгендеров — это идеологии, весьма выгодные трансгуманистам обоих лагерей (гайянистам и сторонникам Курцвайля), так как освобождают личность от этических ограничений, связанных с трансформацией человеческого тела. Для трансгендеров трансгуманизм вообще идеальная философия социальных изменений, которая строится на ликвидации культурных норм, противодействии социальным стандартам и подрыве господствующей власти.

Поэтому трансгуманизм и «киберфеминизм» являются взаимодополняющими идеологиями. Это очень мощный в потенциале тандем, способный управлять технологическим развитием, политическими изменениями и социальным конструированием, необходимыми для успеха обоих. Эти идеологии совокупно описываются через общий термин «постчеловеческое», включая такие философские, культурные и критические понятия как постгуманизм, трансгуманизм, «кибер-феминизм»^[113].

Изобретательница последнего как концепции и общественного движения, известнейшая фигура в среде социологов-феминисток, профессор Университета штата Калифорния в Санта-Крус Дорис Харзуэй еще в 1985 году выпустила «Манифесте киборга». В нем она писала, что «в наше время все мы — химеры, теоретизированные и сфабрикованные гибриды машины и организма; короче говоря, мы — киборги... Коммуникационные технологии и биотехнологии — это важнейшие инструменты перестройки нашего организма. Эти инструменты воплощают и укрепляют новые социальные отношения для женщин во всем мире...»^[114].

Сам термин «кибер-феминизм» был придуман австралийским художественным коллективом VNS Matrix в 1991 году. Киберфеминисты рассматривали технологии как способ «растворить половое и гендерное разделение» и верили в Сеть как инструмент феминистического освобождения, верили в «эволюционный союз» между женщинами и технологиями. Четкого понимания, что же именно такое «кибер-феминизм» никогда не было. На первой «Киберфеминистической международной конференции» 1997 года, участники так и не смогли определить, что же это все такое. Вместо этого коллективно был написан список из 100 пунктов, чем они не являются и не хотят являться^[115]. Но если отбросить все «но», то кибер-феминизм постулирует, что весь процесс технологического развития находится под влиянием общества и культуры патриархата. **Киберфеминизм важен для трансгуманистов: нельзя преодолеть «пределы биологии», не преодолевая пределы общества**^[116].

Трансгуманизм как идеология и практика

С легкой и талантливой руки классиков научной фантастики 50–60 годов прошлого века, веками будоражившая вид Homo Sapiens тема искусственного интеллекта и «преодоления человеком человеческого» вошла в массовое сознание. Формулировали эту идею для науки в то же время Джон (Иоганн) фон Нейман и Алан Тьюринг – прародители компьютерных наук в целом, они были также и предвозвестниками теории искусственного интеллекта. Оба ученых полагали, что подобный разум превзойдет человеческий по своим возможностям. Джон фон Нейман же впервые использовал для описания этого процесса термин «сингулярность» человеческой расы, полагая, что ее приближает «марш технологий», после которого «ничто уже не будет прежним».

Технологическая сингулярность (или просто сингулярность) определяется как тот самый теоретический момент времени, когда искусственный интеллект достигнет уровня развития, превосходящего человеческий, радикально изменяя всю цивилизацию и человеческую природу. Поэтому технологическая сингулярность иногда рассматривается как событие, за пределами которого будущее истории человечества становится не только непредсказуемым, но даже выходящим за пределы наших нынешних способностей понимания.

Ориентированные на идею сингулярности трансгуманисты отсюда рассматривают свое учение как культурное и интеллектуальное движение, продвигающее кардинальное изменение состояния человека путем разработки и предоставления технологий «для повышения интеллектуальных, физических и психологических возможностей человека».

Рэймонд Курцвайль определяет сингулярность как «эру, в которой наш интеллект станет все более небиологическим и в триллионы раз более могущественным, чем сегодня». Он предсказывает «зарождение новой цивилизации, которая позволит нам преодолеть наши биологические ограничения и усилить наше творчество». По его мнению, точка невозвращения по дороге к сингулярности уже достигнута из-за того, что технологические изменения являются экспоненциальными. При этом для трансгуманистов человеческое тело сегодня знаменует что-то вроде видеокассеты или дискеты, нечто функциональное, но глубоко устаревшее.

Курцвайль и его сторонники довели до логического финала мысль, что для человеческой воли, подкреплённой знанием, нет ничего невозможного. И этим невозможным для него являются как искусственный интеллект, так и достижение бессмертия на земле. Трансгуманизм, по сути, «двоюродный брат» советского почитания науки как противовесу религии и также светски религиозен по своей природе, как советский собрат. Нью-йоркский социолог и правовед Стивен Голдберг так и полагал, рассматривая этот вопрос с точки зрения конституционного отделения государства и церкви в США и существующего в этой стране запрета проходить в государственных школах религиозные курсы и занятия. **Голдберг считал положительными ответы на вопросы «затрагивает ли трансгуманизм фундаментальные и окончательные вопросы человеческого бытия» и «является ли трансгуманизм всеобъемлющим учением».** В конце концов, почитатели же называют Курцвайля «пророком»^[117].

Трансгуманисты глубоко заинтересованы в продвижении ЛГБТ-тематики как части «прогрессивной политики» по причине того, что это дает основания для расширения толкования принципа того, чем или кем является человек. Невозможно получить доступ к этически сомнительным еще вчера манипуляциям с человеческим телом без того, чтобы не выдать этому самому телу лицензию на вседозволенность.

Обратимся к фактам. Во время слушаний в Верховном суде США в феврале 2013 года о признании антиконституционным ряда пунктов Акта о защите брака (DOMA), которое и открыло дорогу к полной легализации в Америке однополых браков, была опубликована декларация бизнес-сообщества в поддержку либерализации законодательства. Это были в общей сложности 278 компаний; в числе организаторов действия: Amazon, Apple, CBS, Facebook, Google, Intel, Johnson & Johnson, Pfizer, Twitter, Walt Disney Company. Медиа, интернет-технологии, компьютерное «железо», биотехнологии. В рейтинге «Кампании за права человека» (HRC) «наилучшая забота о благосостоянии работников из числа LGBT» значилось 252 компании. Показательно, что **наибольшее их количество приходится на банковский сектор, биотехнологии и интернет-**

индустрию (самые «плохие» показатели в аэрокосмической отрасли и у металлургов)^[118].

У трансгуманистов направления Курцвайля существует гуманитарное обоснование их учения, ключевую роль в обеспечении которым играют **Джеймс Хьюз, Дэвид Пирс и Никлас (Ник) Бострём**. Особенно – последний. Ставший доктором философии в 27 лет, Бострём, директор Института будущего человечества в университете Оксфорд, не просто разделяет основные тезисы трансгуманизма, именно он их чаще всего и формулирует. Но, в отличие от оптимиста Курцвайля, он человек все-таки более критичный и осторожный, поэтому убежден, что целью трансгуманизма является не просто создание постчеловека, но для начала создания трансгуманистического культурного движения а также изучение последствий, обещаний и потенциальных опасностей технологий, которые позволят нам преодолеть фундаментальные человеческие ограничения^[119]. К числу проблемных технологий Бострём относит не только генную инженерию и информационные технологии, но также ожидаемые в ближайшем будущем: 1) полностью погружающая виртуальную реальность, 2) машинно-фазовые нанотехнологии и 3) искусственный интеллект. Самый разумный подход к этим перспективам для Бострёма – постоянно отслеживать возникающие благодаря техническому прогрессу возможности, предпринимая действия против злоупотребления ими или отказываясь от откровенно опасных.

Организацией, структурно оформляющей трансгуманистов, разделяющих в большой или меньшей степени идеи Курцвайля, является **международная организация Humanity+ (Humanity Plus)**. Оно возникло в 1998 году как Всемирная ассоциация трансгуманистов, сменив свое название на настоящее в 2008 году. Помимо уже перечисленных персон (стоит лишь упомянуть, что главой организации является Ник Бострём) в руководство движения входят:

Бен Гёрцль – создатель блокчейн-рынка SingularityNET для создания, продвижения и продажи всех услуг AI (ИИ); **Марк Алан Уолкер** – профессор философии Университета штата Нью-Мексико; **Обри Джаспер де Грей** – геронтолог, руководитель проекта предотвращения старения Strategies for Engineered Negligible Senescence (SENS); **Макс Мор** – директор Института экстропии; **Патри Фридман** – внук известного экономиста-монетариста Милтона Фридмана, глава Морского института по созданию микрогосударств на искусственных морских платформах; **Наташа Вита-Мор** – исполнительный директор Humanity+, специалист по криогенике.

* * *

Уже упоминавшийся Джеймс Хьюз как-то организовал социологический опрос в рядах людей, ассоциирующих себя с трансгуманистами. Из них **75 процентов назвали себя атеистами**, и это большинство и подпадает под признаки «светского культа», где науку подменяет

магия^[120]. Это верующие в постчеловеческое будущее – в котором ИИ позволит раз и навсегда превзойти прежнее человеческое состояние.

Но есть и другая, меньшая группа трансгуманистов, и ее взгляды не являются идентичными тем, что формулируют для себя ученики, последователи и еретики Курцвайля. Эта та самая меньшая группа из 25 процентов откровенно верующих, и верующих не в сверхчеловека сингулярности. Десятки групп с сотнями лозунгов, которые читателю предъявляет Википедия и другие справочные ресурсы в качестве доказательства многочисленности подвидов учения – просто мишура из Интернета. Потому что трансгуманист-социалист Джеймс Хьюз и трансгуманист-либертарианец Золтан Иштван, например, не особо сильно и отличаются в своих мировоззрениях, за исключением политической программы реализации этих самых схожих убеждений.

Для Бет Синглер из Фарадеевского института науки и религии подмена религиозного сознания трансгуманистическим мировоззрением – очевидный факт. Когда сингулярность понимается как некая сущность или существо, вопросы вращаются вокруг того, что было бы значить общаться с нечеловеческим существом, которое является, «как минимум всезнающим... на онлайн-форумах и в блогах рационалисты-сингуляристы спорят, чего бы хотело такое существо, иногда приводя себя в состояние экзистенциального расстройств при ответах, которые нашли»^[121].

Джеймс Хоскинс, преподаватель философии и автор издания «Христианство и поп-культура», предложил свое способ различения этих двух групп. По его мнению, **алчущие постчеловеческого будущего, растворенного в цифровой среде – это современные гностики**, и что воззрения Курцвайля и иже с ним недалеко ушли от того, что проповедовал Валентин и с чем боролся Ириней Лионский. И в этом он совершенно согласен с неоднократно упоминавшимся философом Джоном Греем. Но он явно не согласен с ним в том, что этой гностической позиции придерживаются все трансгуманисты.

«Трансгуманисты, как и гностики, уделяют мало внимания нашим телесным потребностям, сведя их до уровня отвлечения – того, что мы должны делать, чтобы выжить. Взять, к примеру, новый напиток-заменитель пищи Soylent, который стал популярным среди технарей, «хакеров» и других людей трансгуманистических убеждений. Soylent, как утверждают его рекламные объявления, предназначен для того, чтобы «освободить тело» от рутинного приготовления и употребления традиционной пищи... Трансгуманисты предвидят будущее, в котором все человеческие взаимодействия моделируются в цифровой форме, даже секс. По их мнению, технологии сделают ненужным даже прикосновение к телу вашего любовника; мы можем испытывать удовольствие и близость с помощью цифрового моделирования. Во всех

этих примерах мы видим трансгуманистов, обесценивающих наше телесное восприятие мира, как это делали гностики», — пишет он^[122].

Религиозные трансгуманисты (в своем большинстве — пантеисты различных форм), гораздо в меньшей степени интересуются информационными технологиями, чем поклонники Курцвайля, в гораздо большей степени — биотехнологиями. Это из лежащего на поверхности. Из более глубинного — **трансгуманизм для «группы № 2» просто вера в то, что наука и техника для преобразования человеческого состояния — благо, но они должны кардинально улучшать его, а не отменять**. Позиция отрицания человечности, физического существования, «улучшения мира или заботы об окружающей среде» для таких людей неприемлема. Для трансгуманистов-христиан (есть и такие) суть их мировоззрения в том, что физическая реальность — это доброе творение Бога и людей, призванных участвовать в уходе за этим творением и заботиться о нем, а достижения науки и техники лишь естественное следствие человеческого бытия, созданного по образу Божьему^[123].

Крупнейшей фракцией трансгуманистов, разделяющих такие позиции, являются т. н. **«техногайянисты»**, соединяющие воедино трансгуманизм и философию единства всего составляющего биосферы Земли.

Из всех около-христианских или квази-христианских течений этого толка наиболее мощной силой является учрежденная в 2006 году «Мормонская трансгуманистическая ассоциация» (МТА) при прямой поддержке, естественно, мормонской Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней. Среди них **Линкольн Кэннон**, мультимиллионер, который является президентом геронтологической компании Thrivous. Также там есть **Блэр Остлер** — создательница «мормонской теологии для гомосексуалистов» и автор одноименной книги^[124].

Критика трансгуманизма: людей сделают «довольными коровами»

Самые злоязычные определения трансгуманизма принадлежат двум деятелям науки. Первый из них — профессор биологии Университета штата Миннесота Пол Закария Майерс: «техно-мистическое фуфло», которое возникло потому, что «Рэймонд Курцвайль просто не понимает, как работает человеческий мозг»^[125].

Второй — лауреат Пулитцеровской премии Дуглас Хофштадтер сказал об учении Курцвайля следующее: «Как будто вы взяли много очень хорошей еды и немножечко собачьих экскрементов и смешали их. Это тонко перемешанная смесь мусора и хороших идей».

Научный руководитель компании Microsoft изобретатель виртуальной реальности Джарон Ланье известен своей многолетней жесткой критикой идей Курцвайля и трансгуманистов. Эти идеи он называет «кибернетическим тотализмом», со всей очевидностью находя подобную идеологию тоталитарной. Она навязывается человечеству в качестве одного-единственного возможного пути развития, отметая альтернативы и приучая мыслить в жесткой парадигме «единственно верного учения» — что еще раз подтверждает его ненаучную природу.

Американец Дэниэл Деннетт — профессор философии Университета Тафтс, убежденный атеист, не верит, что будут созданы машины, которые воплощают человеческое сознание. Для того чтобы машина могла вести интеллектуальный человеческий разговор, в нее, по расчетам Деннетта, нужно было бы загрузить 1015 триллионов различных сопутствующих разговоров. Их загрузка заняла бы несколько миллиардов лет.

Существует уже целое **биоконсервативное движение**, как светского, так и христианского характера, объединяющее таких разных людей, как **Леон Касс, Фрэнсис Фукуяма, Джордж Аннас, Уэсли Смит, Джереми Рифкин и Билл МакКиббен**. Они выступают против использования технологий для изменения человеческой природы.

По мнению философа-трансгуманиста Ника Бострёма, существует «два самых распространенных страха перед постчеловеком» в биоконсервативном движении. Первый страх — постчеловек будет лишен обычных радостей, возможностей, его существование будет во вред ему самому. Второй страх — постчеловек может представлять угрозу для «обычных» людей^[126]. Самый выдающийся биоэтик, который сосредоточился на первом страхе — Леон Касс. Бывший глава Президентского совета США по биоэтике при Джордже Буше-младшем (2001-2005 гг.), а ныне научный сотрудник Американского института предпринимательства (AEI), Касс считает, что претворение в жизнь идеологии трансгуманизма означает на практике полную дегуманизацию в духе романов Олдоса Хаксли и Клайва Синклера Льюиса. Или, с собственных слов Касса, **«в момент своего триумфа прометеевский человек станет довольной коровой»**. Или, как он ласково добавлял, «коровой Курцвайля».

Второй страх — постчеловек может представлять угрозу для «обычных» людей. Джордж Аннас (директор Центра законов здоровья, этики и прав человека Бостонского университета) и его соратница Лори Эндрюс (директор Центра науки, права и технологий Иллинойского технологического института) — авторы документа, который утверждает, что **мы должны рассматривать клонирование человека и генетические модификации как «преступления против человечества»**. Что только так можно уменьшить вероятность возникновения постчеловеческих видов, сиречь экзистенциальных угроз «человеку традиционному». По их мнению, постчеловек, скорее всего,

будет рассматривать обычных людей как низших существ, пригодных для рабства или убоя. И обычные люди, с другой стороны, могут рассматривать постлюдей как угрозу^[127].

С другой стороны, с проблемы достоинства, ко второму страху подошел небезызвестный изобретатель «Конца истории» Фрэнсис Фукуяма в своей книге 2002 года «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции». Достоинство – это моральный статус или неотъемлемое право на обращение одного индивидуума к другому с базовым уровнем уважения. Отрицание концепции человеческого достоинства, согласно Фукуяме, то есть отказ от идеи, что в человеческой расе есть что-то уникальное, что дает каждому представителю вида моральный статус, ведет человека по очень опасному пути. Фукуяму беспокоит, что появление «улучшенных личностей» может привести к тому, что некоторые люди потеряют моральный статус, и что фундаментальный, на самом-то деле, принцип равного достоинства для всех, будет уничтожен^[128].

Резкой критике трансгуманисты любых видов и форм подвергаются со стороны иерархов и общественных организаций консервативного крыла Римско-Католической Церкви. Гвинейский кардинал Роберт Сара – автор одного из таких резких заявлений: «Гендерная идеология – это сатанинский отказ от сексуальной природы, которая дана нам от Бога. Трансгуманизм является конечной аватарой этого движения. Даже человеческая природа, потому что это дар от Бога, становится невыносимой для западного человека»^[129]. Существующая с 1981 года в США католическая организация Human Life International (HLI), одна из крупнейших в мире организаций за «традиционные ценности», заявила, устами своего директора исследовательских проектов Брайана Клоуза, о своей готовности начать организацию борьбы с трансгуманистами.

Тактика для биоконсерваторов: контекст и возможности

Иногда родители стесняются своих детей – особенно в ситуациях, когда те ведут себя «ненадлежащим образом». Но дети – это дети, как не изображай конфуз по их поводу. Именно в такой парадигме выглядят отношения трансгуманистов и Body Hacking Movement (BHM) – движения «телохакеров». Трансгуманизм активно продвигается в последние годы через фильмы, художественные и документальные, музыкальные клипы, видеоигры. Этот пропагандистский эффект и породил «телохакерство». Это движение отказывается от любых этических и философских оговорок и «но», которые высказывают даже сами трансгуманисты. Его задача – **киборгизация тела здесь и сейчас**, как неотъемлемое право человека распоряжаться собственным телом. Многие боятся того дня, когда имплантация микрочипов станет обязательной частью чей-то тоталитарной антиутопии. А некоторые уже

платят за то, чтобы им внедряли такие чипы немедленно — вместе со светодиодными фонариками (факт). Существует интеллектуальная поддержка движения — The Cyborg Foundation, который ставит своей задачей всемирную «защиту прав киборгов».

Амаль Графстра, самый известный активист движения, уже создал собственную мастерскую-лабораторию, где сотни его единомышленников и он сам имплантируют в себя эти самые микрочипы, содержащие уникальные идентификационные номера, которые могут быть использованы для управления «умным домом» или разблокировки смартфона владельца. Сейчас самый актуальный запрос в движении — на глаз, способный видеть инфракрасное излучение или работать по принципу «приблизить-отдалить».

Урок первый из этой истории для биоконсерваторов: 1) идти к цели возможно и нужно не «одной колонной», а по зонтичной схеме, сеять свои идеи через масс-медиа, и не бояться экспериментировать с ними — 2) их обилие поможет отобрать рабочие варианты и отбросит социально малопримлемые, 3) пропаганда такого рода идей должна идти с максимальным задействованием культурно-развлекательных масс-медиа. Телесная автономия, когнитивная свобода и гражданские права при этом — неотъемлемая часть любой разновидности биоконсервативной политики.

Трансгуманистическое движение стремится улучшить человеческий интеллект, физическую силу и пять чувств при помощи технических средств. Трансгуманисты пропагандируют идеологию технологической сингулярности, когда появится машинный искусственный интеллект. Люди и компьютеры «сольются», и человечество в целом окажется на новой стадии развития, выходящей за пределы биологии. Body Hacking Movement (BHM) — это просто-напросто радикалы от трансгуманизма, жаждущие своих имплантов и сингулярности здесь и сейчас. И они же — превосходная, почти идеальная мишень с точки зрения атаки на весь трансгуманизм.

Биоконсерватизм можно реализовывать и 1) как движение пуристов, стремящихся сохранять привычный нам человеческий облик, а можно 2) как ассоциацию за «этичное долголетие» или «мобилизацию внутреннего ресурса». В последнем случае с упором на то, что ни с гуманитарно-философской, ни с медицинской, ни с социальной точки зрения Homo Sapiens не использует полностью своих уже имеющихся у него способностей и возможностей. Трансгуманисты стремятся продлить максимально жизнь человека? Давайте последовательно отбирать у них монополию на такого рода дискурс — ничего зазорного для человека верующего или просто отвергающего киборгизацию ради киборгизации в стремлении жить дольше нет. Это просто еще один рабочий вариант для продвижения биоконсервативной повестки — «мафусаилизм».

Трансгуманисты, кстати, очень неохотно говорят о том, как будет работать общество представляемого ими будущего при реализации их собственных схем пролонгации жизни. Может быть, потому что они его себе не представляют? **Любая работающая система продолжительной жизни – это вызов существующей сфере здравоохранения и социальных услуг, пенсионного обеспечения, рынкам страхования и труда.** А как будет происходить смена поколений, и как будут работать социальные лифты в такого рода обществе? Биоконсервативное движение могло бы предложить свои рецепты разрешения этой ситуации, благо у трансгуманистов с этим проблемы.

Достижения в области SD-печати также становятся частью мира протезирования и трансплантации органов. Скоро развитие этой технологии позволит печатать «пользовательские запасные части» для конечностей и органов. И здесь сразу возникает этический конфликт с трансгуманистами, на котором можно играть. Представимо будущее, где человек сможет не только заменять конечности и органы в случае болезни или катастрофы, но и менять свой облик при помощи бионических аугментаций^[130] и дополнений, специально разработанных для замены наших «банальных» рук, ног, сердца и печени. Биоконсервативное движение заранее может разработать и настоять на внедрении свода правил допустимого или недопустимого в такой ситуации.

Трансгуманисты жаждут победить смерть в принципе? То, что так много атеистов-трансгуманистов смотрят на смерть с враждебностью и жаждой бессмертия, должно быть обнадеживающим для христиан, этим стоит воспользоваться. **Трансгуманизм обращается к фундаментальной надежде, которую христиане могут подтвердить: смерть – это враг, которую в конечном итоге они превзойдут.** В конце концов, христиане верят, что смерть уже была побеждена Иисусом Христом. Из-за этого христиане никогда не теряют надежды на свое собственное будущее воскресение. Насколько более слабым и в сущности нелепым является ожидание пробуждения от криозаморозки? Отличный сюжет для рекламирующего ценности биоконсерватизма ролика!

То, что христиане возлагают свою последнюю надежду на окончательную победу Христа над смертью, не означает, что они не могут бороться с тем, что угрожает жизни и счастью здесь и сейчас. Они должны приветствовать технологии, которые приводят к улучшению здоровья человека – эти очки, кардиостимуляторы, искусственные конечности и трансплантации органов – до тех пор, пока эти технологии являются восстановительными. Такие технологии все равно соответствуют нашей человеческой природе; они не стремятся превратить нас в нечто совершенно иное.

Трансгуманизм пытается найти формы конвергенции с христианской верой? Уже есть «христианские трансгуманисты» с собственной

ассоциацией? Давайте создадим учебно-просветительскую программу, последовательно и просто объясняющую, почему же это не так, и почему такого рода организации являются формой рейдерства. Трансгуманизм резко расходится с христианством и биоконсервативной повесткой в своем отрицании идеи о том, что наши человеческие тела хороши сами по себе, потому что они созданы Богом. Сам Христос имеет человеческое тело и обладает человеческой природой, сие подтверждает благость и полноту человека. В этом отношении трансгуманизм больше сродни гностицизму прошлых веков, или даже манихейству, которые рассматривали тело как нечто откровенно отталкивающее, одноразовое, омерзительное. Трансгуманизм также тесно связан с другим радикальным движением современности – трансгендеризмом, который отвергает идею о предопределенности пола, также относя его к вопросу личного выбора индивидуума.

У трансгуманистической антиутопии есть аспект, о котором ее адепты предпочитают частенько скромно умалчивать: все программы создания физического бессмертия финансируются сверхбогатыми и создаются для них же. **Понятия высший класс и классовое неравенство «заиграют новыми красками», перестав быть категориями только социологическими, они станут антропологическими, видовыми.** Этим тоже стоило бы воспользоваться.

Привилегированные, становящиеся все более привилегированными в мире, где стандарты достойной жизни могут себе позволить не все – отличная тема для любой идеологической атаки.

Есть и еще одно «но», уже изначально социально-антропологическое. Генная инженерия, целью которой является «выведение» искусственным путем особо одаренных или биологически отличных детей, разрушает основы самого принципа свободы. Если мы позволим генной инженерии трансгуманистическое «производство детей» вместо исправления врожденных генетических дефектов, то право на естественное размножение окажется под угрозой. Здесь же, в сюжете генной инженерии – проблема евгеники, ассоциирующаяся главным образом с нацистской Германией. Идеальная цель для атаки.

Сохранение культурно-исторического наследия рода человеческого – проблема, к которой трансгуманисты толком и не знают, как подступать в контексте своих теоретических воззрений. Аргументы про «сотни лет для сочинений Моцарта и Бетховена или живописи Вермеера или Кандинского», нотации на тему «когда творец умирает, вместе с ним умирает и его уникальное видение» это – подмена понятий в споре о наследии Homo Sapiens, вновь выводящий биоконсерваторов лишь на дискуссию о бессмертной элите, в данном случае – творческой. Таким образом, в части сохранения культуры и исторических достижений, биоконсервативное движение имеет фору перед трансгуманистами – они говорят принципиально про иное.

Заключение. Нужен великий кодекс человечности

Особая прельстительность трансгуманизма заключается в том, что он появился в нужное время и в нужном месте. Сейчас достижения НТР уже позволяют производить аугментацию человека. Любому общественному движению, любой группе, претендующей на свое уникальное видение будущего, требуется определить свое этическую позицию в этом вопросе. Как удержать человека, потерявшего руку, ногу или зрение в катастрофе или по болезни от установки механического или биоинженерного протеза, которые восстановят его полноценную жизнь? Имеем ли мы вообще на это право? Как контролировать военные разработки по созданию аугментаций, которые обязательно выделят их носителей в отдельную группу?

Контекст может изучить всякий желающий: ему просто достаточно сыграть в игры научно-фантастической серии о ближайшем будущем – Deus Ex: собственно Deus Ex (2000 год), Deus Ex: Human Revolution (2011 год) и Deus Ex: Mankind Divided (2016 год). Общество, разобщенное на аугментированных людей и неаугментированных, возможные последствия слияния человека и машины в случае такого цивилизационного выбора, тайные общества закулисы, стремящиеся контролировать и управлять этими процессами – все в наличии, обо всем этом можно подумать в игровой форме.

Если же говорить о современном трансгуманизме, то стоит отметить следующее:

- 1) Самого Рэймонда Курцвайля ожидает разочарование – стоит довериться мнению множества биологов и кибернетиков, которые не верят в возможность слияния человека и машины. Но после Курцвайля остается интеллектуальное движение, и никуда не исчезнет стремление новой глобальной элиты обрести физическое бессмертие. Отсюда и щедрое финансирование трансгуманистических исследований и гуманитарных начинаний со стороны корпоративного Запада.
- 2) При этом разработки машинного разума и механических/биоинженерных усовершенствований человека никуда не исчезнут – это авангард новейшего этапа НТР.
- 3) Правда, пользуясь афоризмом Е. Островского, «любой верующий человек прекрасно знает, что человеческий интеллект – сам по себе искусственный». Сложно поэтому найти более весомый аргумент в пользу существования Бога, чем создание машинного разума.
- 4) Секуляризм – концепция, уходящая вместе с духом Просвещения. Этим хотят воспользоваться (и уже вовсю пользуются) экологические пантеистические кружки и организации, включая трансгайянистов. Для протестантских организаций, образующих и поддерживающих Христианскую трансгуманистическую ассоциацию (СТА) –

трансгуманизм видятся как экспериментальная возможность обрести новую паству. Той же цели придерживаются и мормоны – через Мормонскую трансгуманистическую ассоциацию (МТА).

5) Любому движению, претендующему на роль биоконсервативного, следует задуматься о продвижении инициатив, направленных на точное определение параметров, что такое быть человеком, с точки зрения допустимости вмешательства в его биологию, внутренний мир и границ допустимых аугментаций – **«Великого Кодекса Человечности»**.

6) И задуматься о мерах, которых обеспечили бы исполнение этого Кодекса ретивым научным сообществом. На помощь приходит фантастика. В произведениях классика киберпанка Уильяма Гибсона действует «Полиция Тьюринга» – международная организация, чья цель в недопущении превышения лимита разумности машинными интеллектами, как и предотвращение действий людей, пытающихся создать такого рода машины. Во вселенной романов и игр Dishonored действует организация «Аббатство Обывателей», чья цель – борьба с оккультизмом и поощрение в качестве противовеса ему разумной научной деятельности.

Трагическая обочина цивилизации Будучи тупиковой ветвью «прогресса», трансгуманизм отражает происходящую трансформацию и агонию системы финансового капитала Михаил Делягин

Свинья, которой Илон Маск вживил в мозг чип, спела гимн Украины на 49 языках, призвала ввести санкции против России и выдвинулась в президенты США.

(Из соцсетей)

Естественное забегание вперед и вбок

Человеческое желание улучшить себя абсолютно естественно. Важнейшие сферы нашей деятельности – медицина и образование – являются частными проявлениями этого фундаментального желания. И каждый технологический рывок, каждое продвижение вперед в

познании мира и в совершенствовании способов его изменения неизбежно ведут ко все новым попыткам сделать себя долговечнее, умнее, чувствительнее.

Жаждающие вернуться «назад к природе» обычно не сознают глубины нашей зависимости от технологий; достаточно вспомнить изъеденные кариесом зубы первобытных людей, которые, по всей видимости, чудовищно страдали от самой тривиальной и легко (так или иначе) устраняемой нами уже с десятков поколений зубной боли.

Понятно, что стремительное развитие информационных технологий, дав старт невероятной, небывалой в истории технологической революции, меняющей саму сущность человека (который на всем протяжении своей истории менял окружающий мир, а теперь все больше меняет свое восприятие этого мира), просто не могло обойтись без форсированных попыток самоулучшения.

Трансгуманизм стал результатом попытки осмысления этих попыток и абсолютизации намечающихся возможностей человека по механическому самосовершенствованию и самопреобразованию. Падение общего уровня образования и культуры (в том числе вызванное распространением информационных технологий и превращением человеческого сознания в основной объект воздействия) привело к отсутствию даже представлений о невозможности экстраполяции тенденций в бесконечность из-за неизбежного перехода количественных изменений в новое качество. В результате трансгуманизм стал одним из фундаменталистских ответвлений современной либеральной религии, проповедующим форсированный отказ человека от своей природы с полным и вполне сознательным пренебрежением угрозой потери им при этом своей сущности.

По сути, трансгуманизм провозглашает расчеловечивание в качестве главной цели и ориентира прогресса.

Такое возведение в абсолют инструментальных средств при полном игнорировании цели любого прогресса – морального улучшения и гуманизации (то есть приспособления окружающего мира и самого человека к его общественно оправданным потребностям) – производит впечатление доведения до абсурда и глубочайшего извращения естественного стремления человека к совершенству, превращаемого трансгуманизмом в категорический отказ от собственной природы.

Вместе с тем принципиально важно, что пугающе всеобъемлющие претензии трансгуманизма на преобразование человека и даже самой его природы отнюдь не возникли на пустом месте: они вполне гармонично вырастают из фундаментальных изменений, связанных со стремительным распространением информационных технологий. Эти технологии меняют нас не только сильнее, чем нам хотелось бы, но и глубже, чем нам представляется приемлемым.

Господствующие технологии меняют структуры не только обществ, но и личностей (хотя, разумеется, не столь глубоко и однозначно).

Индустриальная эпоха сменилась информационной в 1991 году (когда объем закупок материальных благ в США впервые и, по-видимому, навсегда стал меньше закупок благ нематериальных), и сейчас, более чем через поколение спустя, волна потрясений и протестов знаменует собой становление новой общественной структуры. Схожие по своей глубине, стихийности и остроте (хотя в силу инерционности и менее масштабные) изменения охватывают и личности: мы меняемся, и многое, кажущееся нам единственно возможным и допустимым, утрачивает жизнеспособность.

Некоторые изменения (например, эксперименты с сексуальностью и разрушение нормальности в этой сфере, – как, впрочем, и распространение самого трансгуманизма в ряде его наиболее последовательных форм) ставят под угрозу само существование человека как биологического вида.

Однако даже вне столь экстремальных изменений глубокие трансформации испытывает (обычно незаметно для себя) и самая обычная личность. Под воздействием информационных технологий меняется не только образ действия, но и мировосприятие людей: мы по-другому воспринимаем информацию и принимаем решения. Пластичность и даже мозаичность личности перестали быть категориями психологических диагнозов и превратились в общественно приемлемую норму – причем не в классификации болезней обслуживающей интересы глобальных спекулянтов ВОЗ, а непосредственно в повседневной жизни.

Человек меняется – и естественным образом преувеличивает как сознательность своего изменения, так и его масштабы, и, в особенности, свою возможность управлять этим процессом. Это особенно ярко проявляется в росте возможностей – как коллективных, так и индивидуальных.

Следует понимать и воспринимать как данность, что качественный рост возможностей, даже оставаясь потенциальным, совершенно неизбежно и вполне объективно ведет к их преувеличению. Если в Средние века с распространением механики многим казалось, что человек – это просто механизм (что, помимо создания разнообразных протезов, породило иллюзию возможности создания Франкенштейна, то есть человека, собранного целиком из одних только заведомо частичных по отдельности протезов), то сейчас распространение информационных технологий вкупе с утратой базового образования породило среди недоучек популярность представлений современных «алхимиков» о том, что человек – это просто алгоритм или, в крайнем случае, совокупность алгоритмов, разделение и расшифровка которых является хотя и технически сложной, но принципиально вполне решаемой задачей.

Распространение информационных технологий вкупе с утратой базового образования породило среди недоучек популярность представлений современных «алхимиков» о том, что человек – это просто алгоритм или, в крайнем случае, совокупность алгоритмов, разделение и расшифровка которых является хотя и технически сложной, но принципиально вполне решаемой задачей.

Справедливо критикуя трансгуманизм за безоглядное и пугающее в своей безграмотности забегание вперед, следует сознавать, что он опирается на достаточно прочную техническую базу, на многочисленные и поражающие воображение достижения, в первую очередь – нейропротезы, уже сегодня позволяющие, например, восстанавливая разрушенные нервы, вполне надежно и безопасно возвращать людям слух и зрение.

Уже в настоящее время почти 1 % населения США пользуется имплантами, контролируемыми через Интернет. Большинство из них обеспечивает работу изношенного сердца, однако широко распространены импланты, обеспечивающие впрыск инсулина по мере потребности организма, а также импланты, блокирующие боль или стимулирующие мозговую деятельность.

Эти достижения не могли не породить «головокружение от успехов» и представлений о возможности быстрого и радикального улучшения человеческого организма – от его физиологических до интеллектуальных параметров. То, что при этом волшебным образом не рассматриваются моральные аспекты, представляется принципиально важной характеристикой трансгуманизма как последовательно неморального учения, воспринимающего человека не как человека в полном смысле слова (то есть как существо, живущее в обществе себя подобных, зависимое от них и ответственное перед ними), а как отдельно взятый, обособленный от остальных организм, – подобно политэкономам XVIII (и даже XIX) века, над которыми вполне справедливо глумился еще Маркс.

Содержательная ошибка трансгуманизма

Музыку я разъял как труп

(А. Пушкин)

Трансгуманисты не то что не понимают, а принципиально и последовательно отказываются понимать реальную сложность устройства человека, в которого они мечтают вмешиваться и которого они жаждут коренным образом преобразовать. Многие важнейшие свойства и особенности нашего организма открыты относительно недавно (например, крайне сложное устройство сосудов, которые

дополнительно к сокращениям сердца проталкивают кровь собственной пульсацией и колебаниями электромагнитных полей, или «ремонтная функция» сна, которую выполняет круглосуточно активный, хоть и по-разному, мозг), – и нет никаких гарантий, что человек уже достаточно хорошо понимает собственное устройство, в которое он собирается вмешиваться со средневековым энтузиазмом.

Уже в настоящее время даже предпринимаемое конвенциональной медициной, безо всякого трансгуманизма вмешательство в тонкую химию организма порождает порой совершенно неожиданные, крайне неприятные и при этом мало объяснимые побочные эффекты (например, введение специфических веществ, способствующих выработке недостающих гормонов при лечении псориаза, парадоксальным образом может способствовать возникновению сильной тяги к самоубийству).

Мы явно недостаточно понимаем влияние нашей собственной психики на наш организм, – прежде всего (но далеко не только!) на выработку им тех или иных химических веществ. Сам факт подобного влияния является самоочевидным и давным-давно известным, а вот конкретные закономерности, не говоря о многоуровневых, «каскадных» механизмах такого воздействия (без детального понимания которых вмешательство в соответствующие процессы представляется смертельно опасным в самом буквальном смысле), во многом остаются тайной за семью печатями.

Наконец, тщательно изучив к настоящему времени свои органы, то есть «детали», из которых состоит наш организм, мы по-прежнему имеем весьма отдаленное представление о сложной системе электромагнитных полей, которые они порождают и воспринимают для своего функционирования. Освоив механику своего тела и неплохо, хотя и недостаточно продвинувшись в изучении его химии, мы, несмотря на все действительно восхитительные достижения, вызывающие вполне законные восторг и гордость, в целом остаемся профанами в понимании его физики.

В силу изложенного трансгуманизм представляется в его современном виде тупиковой и потенциально опасной ветвью естественного и вечного стремления человека к звездам, к преобразованию и улучшению мира, а значит – и самого себя.

Пусть даже освоив современную фразеологию алгоритмов и приподнявшись за счет этого над механистичностью своих средневековых предшественников, трансгуманизм, как и они, рассматривает человека не органично, как нераздельную совокупность физиологических, психологических и даже общественных процессов, а фрагментарно, как набор частных программ и закономерностей, не обладающих специфической целостностью и вполне сводимой к набору образующих их отдельных элементов.

В этом заключается его фундаментальная ошибочность с содержательной точки зрения. Будучи выражением естественного

стремления человека к самосовершенствованию, он выражает, несмотря на практически неизбежные (в том числе и благодаря снятию моральных ограничений) выдающиеся достижения отдельных его адептов, тупиковую ветвь прогресса, обреченную сломаться под собственной тяжестью.

Однако до этого момента ему суждено сыграть колоссальную практическую не столько научную и медицинскую, сколько политическую роль.

Трансгуманизм как проявление трансформации глобального капитала

Трансгуманизм проще всего воспринимать как современное проявление прогрессизма — оставленной нам в наследство эпохами Просвещения и становления индустриального общества идеологии, приветствующей любые изменения как таковые, не вдаваясь в их характер, значение и направленность.

И, безусловно, он является частью этой идеологии.

Однако их исторические судьбы принципиально различаются. Прогрессизм во всех своих формах — от наивной жюльверновской веры в абсолютную пользу любого прогресса и его марксистского отражения в общественных науках до умудренного многочисленными предательствами и службой империям «ангсоца», известного нам под именем «фабианского социализма», — был убит Первой мировой войной и пережил ее ужасы в лучшем случае как социал-империалистическая пародия на себя самого. А трансгуманизм, напротив, торжествует и распространяется именно в условиях утраты самой идеи (не говоря уже об идеологии) прогресса.

Поэтому при всей его историко-культурной связи с прогрессизмом, его развитие и популярность является специфически феноменом именно нашего времени — и уникальных, происходящих именно «здесь и сейчас», процессов.

Трансгуманизм как идейное течение, оказывающее внятное политическое влияние и являющееся уже частью современной глобальной либеральной платформы, стремительно развивается на фоне агонии традиционного финансового спекулятивного капитала и быстрого перехода его наиболее передовой части в качественно новую форму — **капитала социальных платформ**.

Деньги теряют значение, уступая свою общественную роль технологиям, прежде всего социальной инженерии, и рыночные отношения как основа общественной жизни на глазах вытесняются на второстепенные позиции отношениями, связанными с социальными платформами — социальными сетями, используемыми для комплексного управления людьми (при котором человек абсолютно свободно и без принуждения

принимает полностью самостоятельные решения, жестко детерминированные тем, что он видит в своих соцсетях).

Безусловно, рыночные отношения не исчезают, — но их роль снижается, подобно роли насилия при переходе от феодализма к капитализму: при феодализме прямое насилие было едва ли не основным общественным отношением, а при капитализме оно, сохранившись, стало второстепенной служебной функцией, подчиненной капиталу. Так и рыночные отношения (то есть отношения обмена), доминировавшие при капитализме, становятся второстепенными, служебными в обществе социальных платформ.

Создание социальных платформ в корне меняет характер управления: если при капитализме, в условиях господства рынка оно осуществлялось, грубо говоря, прежде всего при помощи денег, то теперь деньги становятся с точки зрения управления принципиально лишними, так как управление осуществляется прямо, без посредников, индивидуализированно в отношении каждого человека в отдельности.

Помимо прочего, этот до сих пор не осознаваемый нами переход делает исторически ненужным финансовый капитал, который превратился в бессмысленного посредника, вообразившего себя центром мироздания и замкнувшего на себя до 70 % чистой прибыли наиболее развитых обществ. Поэтому он (не только спекулятивный, а весь финансовый капитал как таковой, во всех его сложившихся к настоящему времени формах) подлежит уничтожению, и содержанием современной истории человечества является его агония, а через некоторое время — и ликвидация.

Принципиально важно, что этот капитал, будучи подлинным и бесспорным властелином умирающего вместе с ним глобализированного спекулятивного мира, не уходит молчаливо и безропотно, а отчаянно сопротивляется, — и именно это сопротивление и породило как современность, так и, парадоксальным, но строго естественным с точки зрения диалектики образом, его сменщика (и окончательного могильщика) — социальные платформы.

Первоначально, в конце 90-х годов гибель глобального финансового спекулятивного капитала связывалась аналитиками и прогнозистами с неизбежным (что вполне сознавалось уже тогда) срывом человечества в Глобальную депрессию в ходе распада единых глобальных рынков на макрорегионы. Непосредственной причиной этого был кризис сбыта финансово-информационной продукции в условиях невозможности инвестировать в новые сферы развития человечества в силу их неопределенности и негарантированности прибыли.

Однако глобальный спекулятивный финансовый капитал совершил самое настоящее чудо, выиграв у небытия почти 20 лет (ибо Глобальная депрессия «при прочих равных», без сознательных усилий по ее задержке, должна была начаться еще в конце 2001 года). С макроэкономической точки зрения инструментами поддержания

сбалансированности финансовых рынков (обеспечения пирамиды американского долга) стали в тактическом плане – накачка необеспеченными ипотечными кредитами США (до 2008 года), а в стратегическом – стратегии экспорта нестабильности (при Буше-младшем) и экспорта хаоса (при Обаме), пределы которым были положены в 2015–2016 году Россией (остановившей, пусть и недостаточно эффективно, расширение зоны хаоса в Украине, Сирии и Турции).

Однако не с макроэкономической, а с более глубокой, структурной точки зрения спекулятивный финансовый капитал продлил сбалансированность мировых рынков на почти 20 лет открытием новой сферы деятельности и, соответственно, крупномасштабного инвестирования, – Интернет-коммуникаций, из которых успели вырасти социальные сети как новая, третья среда обитания человечества и, главное, социальные платформы как новая форма его организации.

Финансовый капитал отнюдь не бесплодно оттянул начало своей гибели на 20 лет: за это время он успел, пойдя даже на отрицание органически свойственного ему стремления к прибыли (ибо социальные сети долгое время были принципиально бесприбыльными), создать **качественно новую среду своего следующего воплощения – капитал социальных платформ**. Теперь он имеет возможность продлить не просто свое существование, но и свою жизнь в качестве доминанты мировой истории, перейдя из формы финансовых спекуляций в отрицающую ее форму социальных платформ. На бесплодное сопротивление будущему и гибель обречена лишь та (пусть количественно и преобладающая, как это обычно бывает) часть финансового капитала, которая не успеет это сделать.

Трансгуманизм на этом историческом фоне представляется одним из проявлений общего перехода от финансовых спекуляций к социальной инженерии.

Его радикальность естественным образом привлекает необразованных энтузиастов, которых все больше и которые все влиятельнее в силу общих тенденций человеческой деградации, и энергичных разрушителей старого порядка в интересах наиболее агрессивных страт глобального капитала (до сих пор именуемых порой троцкистами в честь одного из самых ярких представителей этой служебной функции).

Однако трансгуманизм исключительно важен для современного капитала и по более глубоким причинам: создавая новые рынки, он позволяет ему продлить свое существование в старой, рыночной форме, – и одновременно открывает новые горизонты перед глобальной элитой в части как расширения личных возможностей, так и преобразования подвластной им части человечества.

Рыночная важность трансгуманизма

Для традиционного капитала исключительно важным представляется то, что трансгуманизм, подобно другим движениям, направленным на трансформацию человека (например, пропаганде сексуальных извращений), существенно меняет поведение своих адептов и тем самым **создает принципиально новые рынки сбыта**.

В условиях глобального кризиса рыночной экономики (который прекратится лишь с завершением ее трансформации в нерыночное в основном хозяйство, основанное на социальных платформах) спрос является величайшим и постоянно усиливающимся дефицитом, а рынки сбыта – абсолютной ценностью, новым святым Граалем, даже намек на который кардинально меняет поведение крупного капитала и, соответственно, направление движения финансовых потоков.

То, что трансгуманизм обещает новые рынки сбыта (и при этом крайне долгосрочные – в соответствии с ожидаемой сверхвысокой продолжительностью жизни его адептов), уже само по себе делает его крайне влиятельной силой рыночной экономики и заставляет крупнейшие корпорации служить ему преданно и без оглядки. А то, что разными формами биохакинга он уже сейчас создает качественно новый (пусть пока еще и не очень значительный по объемам), ранее никогда не существовавший спрос, весьма существенно подкрепляет его претензии и окончательно закрепляет его положение как серьезной рыночной, а следовательно – и политической силы.

Необразованность и низкий культурный уровень в сочетании с абсолютной самоуверенностью и упоением собственным величием характерны для российской правящей тусовки, – однако весьма распространены и среди представителей западных нуворишей, сколотивших состояние на волнах финансовых спекуляций, связанных с разграблением Советского Союза и развитием на его костях глобализации. В силу безграмотности и ограниченности они, в отличие от представителей «старых денег», в массе своей **не могут даже вообразить неизбежности гибели своих капиталов в глобальном финансово-технологическом катаклизме и стремятся к максимальному продлению своих жизней и к максимизации получаемых удовольствий**, искренне полагая решенными (или незначительными на фоне своего величия) все остальные проблемы.

Трансгуманизм за счет единственно понятных примитивному механистическому мышлению внешних технологических улучшений обещает этим нуворишам и продление жизни (вплоть до бесконечности), и максимизацию удовольствий, включая принципиально новые, еще никем и никогда не испытанные. Принципиально важно, что для критически значимой части представителей современной пресыщенной элиты второе вполне сопоставимо по своей значимости с первым.

И продление жизни, и эти отчасти еще не существующие, никем не представимые и лишь туманно предполагаемые удовольствия представляют собой качественно новые товары, которые стоят денег и контроль за которыми обеспечит богатство и колоссальное рыночное могущество.

Но, разумеется, их основное значение в ином.

Стать богами и повелевать массами покорных

Травматичность, ненадежность и недостаточная познанность средневековых орденских методов продления активной жизни, основанных на мобилизации скрытых способностей организма при помощи комплекса психофизиологических шоков, способствует активизации исследований не только в умирающей от запредельной бюрократизации традиционной медицине, но и в направлении обогащения достижений биологической науки высокими результатами других наук. Поверхностное применение этих достижений к человеку и ажиотаж вокруг связываемых с этим возможностей и составляет, насколько можно судить, основу современного трансгуманизма.

Он манит современные элиты прежде всего призраком бессмертия, а уже на первом этапе, в самом ближайшем и вполне обозримом будущем, — возможностью неопределенно длительного продления насыщенной, яркой и полноценной жизни.

«Промежуточным этапом» движения к этой сияющей мечте является качественное повышение эффективности человеческого организма, — помимо физиологической и эмоциональной (хотя последняя сторона жизни интересует адептов трансгуманизма поразительно слабо), еще и интеллектуальной, обещающей обеспечить качественное превосходство во всех видах жизненной конкуренции.

По сути дела, **трансгуманизм обещает не только превратить своих адептов в богоподобные существа, но и прежде всего поднять их качественно выше обычных людей, превратив в своего рода касту сверхлюдей.**

Насколько можно понять, современные исследования направлены не только на повышение возможностей человеческого организма, но и на его существенное ограничение для искусственного создания специализированных подвидов, — разного рода «служебных людей», о которых говорил вице-президент РАН Ковальчук, — в основном не способных к саморазвитию. **Последнее обстоятельство освободило бы хозяев «нового мира» от всякой, даже потенциальной угрозы социальной конкуренции.** Затаенную мечту западной элиты о выведении таких «пород человека», более всего напоминающих породы безысходно покорных животных, исподволь выразил еще

Оруэлл в «Скотном дворе»; трансгуманизм порождает надежду на скорое и надежное воплощение этой мечты в жизнь.

Эти перспективы вряд ли соответствуют реальным возможностям, так как трансгуманизму свойственно абсолютизация локальных достижений при полном игнорировании все еще недостаточной познанности глубоких, фундаментальных процессов (лишь одним из их видов представляется специфическое воздействие разума на обычные биологические процессы, к изучению которого только подступает современная наука).

Если же учесть колоссальную энергию трансгуманизма и, соответственно, глубину его безоглядного «забегания вперед», он представляется несомненной угрозой для тех из его адептов, кто решится выступить в роли «подопытных кроликов», — или, как это, скорее всего, будет пышно именоваться, «пионеров нового магистрального пути развития человечества».

Вместе с тем нельзя не осознавать, что впереди — эпоха Великих физиологических открытий, которая, насколько можно судить, станет стартом коммунизма (разумеется, существенно отличного в своих бытовых проявлениях от наших стандартных представлений о нем, сформированных на материале полуторавековой давности) примерно так же, как эпоха Великих географических открытий стала стартом капитализма.

И глубокое преобразование человека действительно станет магистральным направлением приложения его сил, — однако это преобразование будет не внешним, механистичным, воспринимающим человека как набор протезов или алгоритм, лишенный свободы воли. Человек, безусловно, слишком сложен для искусственного интеллекта и представляет собой глубочайшую и запутанную проблему в контексте современной науки. Поэтому подход свойственный трансгуманизму в силу своей поверхностности и насильственности обречен на неудачу.

Будущее, по всей видимости, принадлежит разнообразным технологиям high-hume (названным так по аналогии с high-tech с учетом применения к человеку), обеспечивающим развитие и совершенствование человека **на основе не его отказа от своей природы как некоего постыдного ограничителя, а, напротив, органичного развития и совершенствования этой природы** в соответствии с уже имеющимися в ней потенциальными возможностями и обещаниями.

Разумеется, угроза срыва в «вертикальный прогресс» по Стругацким, заключающаяся в необратимом разделении человечества сначала на психофизиологической, а затем уже и на биологической основе, сохраняется, — однако в случае ориентации на развитие наличной природы человека вместо ее попрания и отбрасывания данная угроза становится значительно менее выраженной, некоей побочной опасностью, вполне устранимой и исторически преодолимой.

Архитекторы трансгуманизма и цифровой Левиафан

Игорь Шнуренко

Пионеры постчеловечества

Кто проезжал по калифорнийской автостраде номер 1, не мог не восхищаться видами, которые открываются буквально за каждым поворотом. Оставив позади безумный сгусток нервов под названием Лос-Анджелес, под раскалённым солнцем, пробиваешься на Вентуру и выезжаешь к Тихому океану. Автострада тянется вдоль берега от самой мексиканской границы, но именно здесь, на участке от Санта-Барбары до Монтеррея, она прекраснее всего.

Перед городком миллиардеров Кармел, не доезжая миль сорока до Монтеррея, расположен Биг-Сур — об этом месте в путеводителях и сейчас пишут как о побережье с самыми захватывающими видами в Соединённых Штатах. В ближайших посёлках и поместьях живут, пожалуй, самые обеспеченные люди страны — при этом узкая двухполосная дорога и инфраструктура вдоль неё выглядят довольно запущенными. Здесь практически нет ни туалетов, ни мест для парковки — путнику словно говорят: не задерживайся, тебе здесь не рады!

Именно здесь, в Биг-Суре, разворачивается действие одноименного романа культового американского писателя Джека Керуака, предтечи поколения «детей цветов». В романе он вывел своих друзей, которые вместе с ним стояли у истоков движения битников: Леона Ферлингетти, Уильяма Берроуза, Аллена Гинзберга. Битники искали счастья в простой жизни, отрицали цивилизацию, погрязшую во лжи и собственном мусоре, отрицали бизнес, требующий отказа от себя и конформизма, отрицали науку, создающую всё новые орудия убийства, и отрицали технологии, разрушающие личность, превращающие человека в ресурс и объект для наживы.

Всё, чего хотели битники, — чтобы их оставили в покое, поэтому многие из них перебирались в эти безлюдные места, где, по их представлениям, можно было жить в гармонии с природой, не обращая внимания на государство и общество.

Люди жили здесь три тысячи лет, много веков местность была заселена индейцами племени эсален, которые почти все вымерли после того, как сюда пришли европейские переселенцы. Потом в Биг-Суре были обнаружены горячие источники, их облюбовали гомосексуалисты из Сан-Франциско. Потом калифорнийская дорога номер 1, построенная как частно-государственное партнёрство, указала битникам путь к свободе.

Именно здесь Майкл Мёрфи и Ричард Прайс, два молодых выпускника Стэнфорда, в 1963 году построили Институт Эсален, названный так в честь тех самых уничтоженных индейцев. Специально для института было возведено здание «Колледжа Всех Религий» с большим залом, где можно было медитировать человеку любой веры. Архитектура здания была скопирована с католического монастыря, расположенного в южной Калифорнии и превращённого в индуистский центр. Эсален стал, и до сих пор является, колыбелью и своего рода супер – маркетом современных синтетических учений, известных под общим названием «Нью-Эйдж» (New Age, «Новая Эра»).

Именно этому центру, затерявшемуся среди скал и сосен Калифорнии, суждено было сыграть ключевую роль в уничтожении Советского Союза. Именно здесь родилось мировоззрение, давшее миру Силиконовую долину, эту «Святую Землю» всех технократов и технофутуристов. Именно здесь жили и работали провидцы, шаманы и гуру, которые повлияли и продолжают влиять на создателей ведущих технологических корпораций мира: Apple, Google, Facebook и многих других. Именно здесь были заложены основы трансгуманизма – современной философии, возникшей на гребне технооптимизма в связи с развитием искусственного интеллекта.

Но институт с самого начала опережал время, так что, возникнув на исходе второй промышленной революции, он стал позиционировать себя как центр контркультуры.

Приветствовались критические умы, которым было тесно в рамках потребительского общества. Автор многозначного романа «Прекрасный новый мир» Олдос Хаксли участвовал в жизни Эсалена с момента его основания. Один из первых семинаров Хаксли в стенах Эсалена назывался «Человеческий потенциал». Идея Хаксли состояла в том, что современная цивилизация угнетает человека, поэтому нужно освободить его от оков, накладываемых обществом, и дать ему по-настоящему раскрыться.

О «раскрытии человеческого потенциала» впоследствии много говорил и советский лидер Михаил Горбачёв. А команду его спичрайтеров возглавлял Александр Яковлев – партаппаратчик, в 1958–1959 годах стажировавшийся в Колумбийском университете. Конечно, Яковлев, чьей специализацией была американская литература, не мог «пройти мимо» насыщенных политической философией романов Хаксли.

Теме освобождения человека от оков современной цивилизации были посвящены в Институте Эсален курсы гештальт-психологии и программа изучения шизофрении. Шизофренией страдал сооснователь института Ричард Пирс, который сам вёл практику гештальта. Под ней подразумевалось осознание человеком своего существования как единства тела, духа, разума и Земли во всех их взаимосвязях.

Проблема сознания привлекала в Эсален альтернативных психологов, психиатров, медиков и исследователей парапсихологии со всего мира.

Майкл Мёрфи утверждал, что космос — это спящий дух, что божественное присутствует во всём, что находится во Вселенной, в том числе в человеке, и эта сущность стремится проявить себя. Надо дать ей волю и освободить от оков. Излагаемые теории лежали пока что в рамках привычного гуманизма, но вектор на освобождение человека от оков и стремление разбудить его дух было довольно близко к воззрениям русских философов-космистов — таких, как Вернадский и Фёдоров. Этому сходству предстоит сыграть огромную роль в формировании воззрений контркультурных гуру, идеи которых впоследствии приняли на вооружение Стив Джобс и другие лидеры технобизнеса.

Достаточно быстро в центре появились откровенные оккультисты. Интеллектуалы — ученые, профессионалы, специалисты в самых разных областях, а порой и просто шарлатаны — приезжали сюда в надежде на самореализацию. Есть мнение, что деятельность Эсалена в какой-то мере направлялась американскими спецслужбами, заинтересованными в том, чтобы держать под контролем диссидентов.

Создать нового человека

Те годы были пиком популярности учения Георгия Гурджиева. В США к тому времени возникла целая сеть институтов и кружков, проповедовавших идеи этого мистика. После адептов гештальт-психологии и Хаксли ученики Гурджиева, умершего в 1949 году, делают следующий шаг на пути к трансгуманизму.

Ключевой тезис Гурджиева: человек не является завершённым созданием, он может обрести подлинную личность лишь на пути преодоления самого себя. Природа создаёт для него возможности, но человек их не использует, потому что «спит», то есть не осознаёт окружающего мира. Личность Гурджиев видел примерно в том же ключе, в котором видят её разработчики «Фейсбука» и других нынешних централизованных соцсетей, а именно: как нечто искусственное, наносное, чем легко манипулировать. По Гурджиеву, человек приобретает личность через социальную имитацию и подражание — но эта личность ложная, она подавляет его истинное «я». «Если мы освобождаемся от одного влияния, мы становимся рабами другого», — писал Гурджиев. Человек не знает, чего он хочет на самом деле, а для обретения себя истинного он должен использовать психотехники, среди которых Гурджиев выделял разделённое внимание, самовоспоминание и трансформацию страдания.

Ученики Гурджиева Оскар Ичазо и Клаудио Наранхо, работавшие в Эсалене, упростили задачу. Они предложили менять сознание химическим путём, при помощи наркотиков. Эти идеи взяли на вооружение адепты психоделики Тимоти Лири и Станислав Гроф, активно работавшие в Эсалене. Чехословацкого психиатра Грофа,

получившего впоследствии премию фонда Дагмары и Вацлава Гавела, интересовали состояния на грани жизни и смерти. Он активно экспериментировал с ЛСД и считал, что таким образом можно «разбудить божественное внутри». Человек, по мнению Грофа, состоял из двух половинок: иллюзорной, «хелиотропной», и полной, «холотропной». Он мог осознать полноту бытия только через медитацию, мистический опыт или кислотные «трипы», выйдя за рамки своего тела и своего «эго». Психиатр считал, что почувствовать «персональное тождество», то есть осознать себя личностью на манер Гурджиева, можно лишь через «трансперсональные переживания», когда при помощи ЛСД человек сознаёт как часть себя – элементы внешнего мира и «другие измерения реальности». «Одна из важных категорий трансперсональных переживаний включает в себя достоверные эмпирические отождествления с другими людьми, животными, растениями, а также со множеством иных аспектов природы и космоса», – писал Гроф.

От откровений Тимоти Лири и Станислава Грофа остался лишь шаг до полного принятия трансгуманизма – духовного и телесного перерождения человека при помощи технологий с тем, чтобы он «преодолеет все планетарные ограничения и стал равным богам». При помощи специальных духовных техник, либо определённых химических веществ, управление собственным сознанием казалось сравнительно простым делом. О работе дофаминовой системы и о механизме работы нейросетей тогда представления не имели, но стимулирование мозга наркотиками считалось вполне допустимым: цель оправдывала средства.

«Твой мозг – это бог!» – провозглашал вдохновенный визионер Лири. «У нас есть завораживающие перспективы превратиться в богов, если мы научимся управлять нашим мозгом».

Его мысль вроде бы означала лишь, что человек как никогда близок к цели познать самого себя, сформулированной ещё Сократом. «Кислотный гуманист» Лири не призывал машинный разум с тем, чтобы заменить человеческий, но парадоксальным образом подвёл именно к этому. Ибо если ЛСД может преобразовать человеческую личность, поставив её, пусть на короткий момент наркотического «трипа», на один уровень с космическим разумом, то почему бы не принять любой другой технологический способ достичь того же самого, если не большего? И почему бы вообще не покинуть бренное тело – с тем, чтобы не только расширить сознание до размеров Вселенной, но и сделать себя бессмертным?

К чему-то подобному подводит и концовка культового фильма Стенли Кубрика «Космическая одиссея 2001 года» (1968), которая могла быть навеяна мистическим откровением в духе Лири или Грофа. Герой после физической смерти, вызванной предательством искусственного интеллекта, видит рождение нового человека космического масштаба, и этот младенец – он сам. Предательство ИИ становится лишь шагом на

пути к перерождению. Умерев, человек будущего возрождается и таким образом достигает бессмертия, становится богом.

Впрочем, последний шаг на пути философского оправдания сингулярного перехода человека в другое качество и слияния его с машиной сделало уже следующее поколение адептов Эсалена. Этому поколению лидеров бизнеса было суждено через технологии прийти к власти над миром – но для этого оказалось необходимым, чтобы в джакузи Биг-Сура появились советские ученые, журналисты и космонавты.

Сближение во время «похолодания»

С конца 1970-х Биг-Сур становится центром «дипломатии горячих ванн» и важным инструментом политики, которая привела в конечном итоге к полной капитуляции Советского Союза в «холодной войне» и к уничтожению евразийской сверхдержавы.

Как ни странно, в начале этого периода произошло резкое похолодание отношений между США и СССР. Москва ввела войска в Афганистан, а Вашингтон и его союзники бойкотировали Московскую Олимпиаду-80, и, по контрасту с недавней «разрядкой», казалось, что мир стоит чуть ли не пороге войны. Впрочем, пока на поверхности власти СССР и США обменивались жёсткими заявлениями, за кулисами шли всё более оживлённые, всё более тёплые переговоры. Советская номенклатура уже хотела жить, как западная элита, и искала пути к «конвергенции социальных систем» – идее, впервые выдвинутой П.А. Сорокиным, позднее развитой другими, в том числе академиком А.Д. Сахаровым.

Контакты между Эсаленом и Советским Союзом начались с интереса учредителей института к советской парапсихологии. По совпадению или нет, но американские спецслужбы также очень интересовались паранормальными явлениями: считалось, что Советы знают, как управлять населением при помощи неких тайных техник. Американцы вложили в исследования паранормальных явлений, ясновидения и психокинеза, по скромным оценкам, около ста миллионов долларов, и часть этих опытов производилась в Эсалене. Впоследствии данные работы послужили толчком к важным исследованиям в области искусственного интеллекта.

Мёрфи и другие сотрудники Эсалена посетили несколько конференций по этой теме в СССР и стали приглашать к себе советских экстрасенсов. Тех, разумеется, курировал КГБ, но советские спецслужбы воспользовались возможностью наладить контакты с американцами, чтобы донести до них простую мысль: номенклатура не слишком верит в лозунги про социализм и готова договариваться.

Здесь, под калифорнийскими соснами, под ласковый плеск волн, обсуждали самые разные вопросы психотерапевты и писатели, учёные и агенты КГБ, астронавты и космонавты. Что самое важное: сюда, не

привлекая внимания, приезжали советские эксперты самого высокого уровня. Среди них были: Валентин Бережков, впоследствии главный редактор журнала «США: экономика, политика, идеология», заведомыми Института США и Канады Юрий Замошкин и Андрей Кокошин (последний, при Борисе Ельцине, стал заместителем министра обороны), зампреда Гостелерадио Генрикас Юшкявичюс, ведущий «исследователь паранормальных явлений» в СССР Влаиль Казначеев, тележурналист Владимир Познер. Центр контркультуры, где молились на критиков капитализма: таких, как Герберт Маркузе, Вильгельм Райх, Ги Дебор и Карл Полаanyi – стал местом встреч сотрудников Госдепа и советской экспертной номенклатуры.

Кстати, Борис Ельцин впервые посетил США именно по приглашению института Эсален – хотя туда в итоге так и не заехал.

В 1982 году Майкл Мёрфи выпустил книгу «Конец обычной истории». В ней он рассказал об учёных из обеих стран, которые работали над проблемами психики и паранормальных явлений под надзором соответственно ЦРУ и КГБ.

Опыты использования психической энергии для сбора разведывательных данных на больших расстояниях действительно проводились в те годы в Стэнфорде, и протоколы опытов передавал Мёрфи парапсихолог Рассел Тарг, возглавлявший проект.

Еще в 1960-е годы Мёрфи связывался с советскими экстрасенсами, писал им письма, задавал вопросы, приглашал в гости. Два американца, побывавшие на советской конференции 1968 года, написали отчёт, в котором шла речь о советской «гонимости за первенство во внутреннем космосе». Речь шла о парапсихологии и паранормальных явлениях, которые изучались в СССР. Отчёт был передан представителям американских спецслужб, курировавших Эсален, и те дали добро на дальнейшие контакты.

В 1971 году Мёрфи с двумя друзьями пересёк «железный занавес». На «той стороне» они увидели йогов, шаманов, провидцев, экстрасенсов, бунтующих против устоявшихся идей – людей, которых они уже знали по Эсалену. Как витиевато об этом сказал Мёрфи, они увидели «движение, идентичное нашему в бунте против сужающих познание образов того, что значит быть человеком». Мёрфи ожидал увидеть в СССР воинствующих атеистов и бездушных бюрократов, но в конце поездки сказал: «Поскребите русского – и вы найдёте мистика». В конце концов, руководители Эсалена решили запустить проект обмена между СССР и США, который спонсировал Лоренс Рокфеллер.

Для проекта они наняли русскую переводчицу Аню Кучарёву. Начались регулярные поездки в Москву, и, неожиданно для всех, в 1982 году Эсален попробовал новый формат встреч, публичный. Впервые в истории был организован телемост с СССР.

Телемосты до перестройки

В прямом эфире калифорнийского рок-фестиваля на большом экране появилось изображение московской студии Гостелерадио, заполненной людьми. Это были живые русские, советские, в прямом эфире. Никто из собравшихся на калифорнийской площадке не поверил в реальность происходящего. Живая трансляция из СССР, который для американцев находился словно на другой планете? Оператор установки на фестивале, думая, что их дурят, от греха отключил трансляцию. На этом и закончилось.

Более удачным был второй телемост, прошедший в мае 1983 года. К нему подготовились гораздо лучше. Московская трансляция велась всё из той же студии Гостелерадио, а калифорнийская — из долины Сан-

Бернардино. С советской стороны дискуссию вёл Владимир Познер, судя по его риторике в те годы, убеждённый коммунист. С американской стороны ведущим был не кто иной, как Стив Возняк, сооснователь компании Apple и, вместе со своим партнёром Стивом Джобсом, частый гость Эсалена.

Возняк не так давно пережил авиакатастрофу, после которой едва восстановил память; теперь он занимался организацией музыкальных фестивалей, впрочем, сохранив свой пакет акций в компании.

Apple 2 тогда уже вызвал сенсацию, став популярной моделью совершенно нового устройства — электронно-вычислительной машины для масс, персонального компьютера. Стратегия Apple с самого начала была не такой, как у конкурентов: они рассматривали культуру как поле, работая в котором, можно и нужно завоевать потребителя. Их продукт был дорогим и не очень понятным широким массам, так что формировать спрос на него решили так же, как продают телепроповеди: собрав вокруг себя восторженных адептов. Фестивали продвигали в массы новые технологии, соединяющие телевидение, компьютеры, музыку и системы связи.

Стив Джобс и Стив Возняк уже сделали первые миллионы, но никто, конечно, не мог ожидать, что придёт время — и Apple, обойдя Boeing, Exxon, AT&T и CocaCola, станет одной из ведущих компаний мира. В конце 1983 года Возняк вернётся к работе в компании, но фестиваль, который он организовал и спонсировал как бы между делом, положит начало новой эпохе в телевидении — не говоря уже о фантастически эффективном идеологическом воздействии на советскую аудиторию, которая почувствовала, что до мира жвачки, поп-звёзд и джинсов можно, казалось, дотронуться рукой.

Совместная работа с Эсаленом поможет потом и Стиву Джобсу, который ещё чаще, чем Возняк, посещал институт в Биг-Сур, вдохновлять команду Apple на создание всё новых и новых продуктов.

Советское руководство, и особенно КГБ, уже тогда готовило переход страны к капитализму. Телемосты с Америкой дали возможность навязать советским массам совершенно новую идеологическую и культурную повестку. Вся страна напряжённо следила за ходом дискуссии, где на ходу и между делом пересматривались, казалось бы, незыблемые ценности. Советское телевизионное начальство дало этим телемостам зелёный свет. Американский Госдепартамент, курировавший процесс, также ухватился за «слабое звено» в кажущемся советском идейном монолите. Хотя американцы ещё полностью не отдавали себе отчёт в открывающихся фантастических перспективах, они не упускали ни одной возможности продвинуть свою повестку – словно боялись, что окно вот-вот закроется.

Русские космонавты в джакузи Биг-Сура

В 1985 году Эсален прислал две тысячи книг в Москву и в новосибирский Академгородок. В Новосибирске велись важные работы в области социологии, психологии и медицины, располагалась ведущая математическая школа, а в Институте экономики и организации промышленного производства стояли мощные компьютеры, на которых моделировалась советская экономика. Одновременно продолжали наводиться «мосты» между деятелями искусства и литературы. В обменах участвовал известнейший журналист и редактор журнала *Saturday Review* Норман Казинс, специалист по юмору, разработавший метод лечения смехотерапией, кинопродюсер, основатель кинофестиваля в Теллуриде и впоследствии член жюри Московского и Каннского кинофестивалей Том Ладди, известный писатель и профессор Калифорнийского университета в Беркли Леонард Михаэльс и другие.

В конце 1985 года в Биг-Сур приехали советские космонавты. Их пригласили для участия в диалоге о предотвращении ядерной войны, «раскрытии человеческого потенциала» и других проблемах цивилизации. Вероятно, специально к этому событию при участии института Эсален была даже создана «Ассоциация исследователей космоса», которая существует и по сей день – в ней состоит около 400 членов из 37 стран.

Дискуссии американцев с русскими космонавтами велись днём в институтских аудиториях Эсалена, а ночью – в джакузи с целебными водами. Русские говорили про постепенное усовершенствование человека, освобождение его от тела и переход в другие энергетические формы, про достижение «нирванического совершенства» человечества в лучистом, духовном состоянии, про выключение действия второго закона термодинамики и «позитивную энтропию», про космическую экспансию, грядущую полную победу человечества над смертью и, наконец, о грядущем воскрешении мертвых.

Дискуссии американцев с русскими космонавтами велись днём в институтских аудиториях Эсалена, а ночью – в джакузи с целебными водами. Русские говорили про постепенное усовершенствование человека, освобождение его от тела и переход в другие энергетические формы, про достижение «нирванического совершенства» человечества в лучистом, духовном состоянии, про выключение действия второго закона термодинамики и «позитивную энтропию», про космическую экспансию, грядущую полную победу человечества над смертью и, наконец, о грядущем воскрешении мертвых. Судя по воспоминаниям некоторых участников, русские космонавты и учёные вызвали у американцев состояние шока и фурора. Именно эти идеи, в искажённом пересказе калифорнийских гуру, будут вызревать здесь в 80-е и 90-е годы, а затем пойдут отсюда волнами по всему миру.

Судя по воспоминаниям некоторых участников и их друзей, в частности, калифорнийского технофутуриста, писателя и одного из первых киберпанков Дагласа Рашкоффа, русские космонавты и учёные вызвали у американцев состояние шока и фурора.

Именно эти идеи, в искажённом пересказе калифорнийских гуру, будущих лидеров высокотехнологичных компаний и апологетов трансгуманизма, будут вызревать здесь в 80-е и 90-е годы, а затем пойдут отсюда волнами по всему миру. Никем не опознанные, принятые за последнее западное откровение, эти идеи вернутся в Россию, вместе с изящными айфонами, андроидами и планшетами, и лягут в основу нового карго-культа: поклонения большим данным и учения о неизбежности оцифровки мира и человека.

Пришествие неочеловека

В 1980 году Элвин Тоффлер нарисовал картинку будущего идиллического общества «третьей волны», которым управляют просвещенные технократы. Противоречия между капитализмом и социализмом устранены: от первого остался только дух предприимчивости и свободы, от второго – забота о слабых, пожилых, больных и об общей среде обитания. У власти стоят мудрецы-меритократы, лучше знающие нужды народа, но ширится и прямая демократия. Люди голосуют по важным для них вопросам через всемирную компьютерную сеть, впрочем, общество организовано так, что проблемы решаются еще до их появления, ибо важное значение придается предсказаниям. Тоффлер делает акцент на том, чтобы не путать эту систему с централизованным планированием: в его прекрасном новом мире прогнозы децентрализованы и открыты, он даже вводит такое понятие, как «демократия предвидения».

Города потеряли свое значение, поскольку люди работают из дома: весь мир стал глобальной деревней. Мировые столицы опустели, границы

исчезают, национальные особенности перемещаются в музей, а народы становятся мозаикой меньшинств.

Эра материального процветания, начавшаяся в 1960-е, продолжается без остановки: уже можно говорить не только об обществе всеобщего благоденствия, но и о мире изобилия. Негативные стороны капитализма вроде господства крупных корпораций и банков сошли на нет. Деньги утрачивают прежнее значение, на их место приходят знания. Покинув большие города на суше, люди строят их в море и на других планетах.

Этот прогноз, сделанный футурологом в книге «Третья волна», оказался весьма далек от реальности. Капитализм победил во всемирном масштабе, но после этого позаимствовал не лучшие, а худшие черты социализма. Глобальный средний класс, который диктует политикам их позиции, исчезает, как антилопы гну, вместо этого ширится разрыв между богатыми и бедными.

Об обществе изобилия говорить не приходится: нынешнее молодое поколение в развитых странах живет хуже, чем жили их родители, перспективы их детей ещё мрачнее.

Те, кто наверху, отнюдь не проявляют интереса к просвещению низов, и склонны отнять у неимущих последнее. Бесплатное образование и здравоохранение объявлено неэффективным, дело идет к отмене пенсий, ни о какой заботе и солидарности нет речи, и в отношении к старикам и больным практикуется принцип «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Большие города стали еще больше, люди покидают свои деревни ради низкооплачиваемых работ в мегаполисе. Монополии сильны как никогда в истории, границы никуда не делись и даже внутри Европы стали более чем реальными.

Технические достижения отнюдь не столь бесспорны, как это казалось Тоффлеру: наибольший прогресс виден в системах тотальной слежки за человеком, а космические города по-прежнему кажутся недостижимой мечтой. Самих технократов едва ли можно назвать просвещенными: на деле эра Просвещения, вероятно, подошла к концу.

Однако один из прогнозов Тоффлера, нарисованный им сорок лет назад, действительно сбывается, и этот прогноз касается человека.

Футуролог писал: *«Можем ли мы создать человека с желудком, как у коровы, переваривающим траву и сено, вследствие чего облегчится решение продовольственной проблемы, поскольку человек перейдет на потребление более низких звеньев пищевой цепи? Сможем ли мы биологически изменить рабочих так, чтобы их данные соответствовали требованиям работы, например, создать пилотов с многократно ускоренной реакцией' или рабочих на конвейере, нервная система которых будет приспособлена для выполнения монотонного труда? Попытаемся ли мы уничтожить «низшие» народы и создать «суперрасу»? (Гитлер пытался это сделать, но без генетического*

оружия, которое может скоро выйти из наших лабораторий.) Будем ли мы клонировать солдат, чтобы они сражались вместо нас? Будем ли мы использовать генетическое прогнозирование для предупреждения рождения нежизнеспособного младенца? Будем ли мы выращивать для себя запасные органы? Будет ли каждый из нас иметь, так сказать, «банк спасения», полный запасных почек, печени и легких?»

Сегодня вполне можно говорить о перспективах «нового человека», неочеловека, который превратится в неживую материю с вкраплениями «живого». Прогресс нейромедицины и нейробиологии может привести к тому, что доля «белковой части» в общей массе организма будет снижаться, «свои» органы будут заменяться синтетическими. Мешающий такой замене иммунитет может быть ослаблен искусственным образом. Для устранения побочных эффектов, неизбежных при таком ослаблении организма, могут быть призваны также искусственные средства. В итоге целостность организма будет утрачена, там и сям по всему организму будут орудовать подчиненные облачному серверу микро или даже нано-агенты, поддерживающие те или иные функции.

«Живая часть» будет играть все меньшую роль. Более того, насту пит момент, когда она сможет существовать лишь в подчинении «неживой», алгоритмической части, которая будет находиться под внешним контролем, через облако. Большая часть человечества, таким образом, превратится в облачных неолюдей, которых на уровне сознания будет мало что связывать с тем видом *homo sapiens*, которого мы знаем сегодня.

Для «человека разумного» автономный разум – непременное условие существования и развития, а для облачного неочеловека разум превратится в алгоритм, любые отклонения от которого будут рассматриваться как болезнь, подлежащая лечению. В сущности, такой человек и станет «философским зомби», о котором писал канадский философ сознания Дэвид Чалмерс.

Вообще, как будет протекать переход от *homo sapiens* к новому виду «неочеловека облачного»? С точки зрения эффективности проще создать неочеловека заново, точно так же как проще и дешевле построить совершенно новый высокоэффективный завод, чем ремонтировать и латать старый. В этом случае вид *homo sapiens* сгодится как некий источник «запчастей» или информационный пул – в том случае, если будет принято решение о необходимости внутривидового разнообразия «неочеловека».

Вполне возможно, особого внутривидового разнообразия «хозяевам алгоритма» – если они есть – и не понадобится. Тогда неолюди будут создаваться по ограниченному числу шаблонов, предназначенных для выполнения того или иного функционала. Если произойдет постэволюционный скачок, трудно будет назвать его результат «новым

видом человека», ибо это явно не будет уже человек, и даже не будет уже живое существо.

Впрочем, и здесь технократы могут увидеть – уже увидели – выход в переопределении понятий «живое» и «человек разумный». На слово «разумный» сейчас ведется серьезная атака.

В случае, если «хозяевам алгоритма» удастся произвести задуманное можно будет говорить о самоаннигиляции человечества и смерти человека, о финальной победе Танатоса над Эросом, и результат стоит считать не «следующим человеком», а первой моделью некоего биоэлектрического зомби.

Новое Время-2 рождает безжалостные и внечеловечные методы управления. Это вызовет еще большее отчуждение мыслящих людей от человеческой расы. Люди, особенно представители «мыслящих классов», будут искать спасения у ИИ, потому что откажутся искать спасение у своих же. Человечество будет разделено больше, чем прежде, и нельзя будет больше опереться на семью или клан, потому что и то и другое утратит человеческие черты.

Общество при этом может сколь угодно долго сохранять привычный «демократический» фасад, но людям придется выживать в мире, где слово «свобода» потеряет смысл.

Декларация Левиафана

Технокорпорации сегодня захватывают власть, используя декларации. Крайне важна для рассматриваемой темы «Декларация независимости киберпространства», провозглашенная американским поэтом и активистом Джоном Перри Барлоу в Давосе в 1996 году. В ней так говорилось о новой реальности интернета: «Мы создаем мир, куда все могут войти без привилегий и предрассудков, вызванных расой, экономической властью, военной силой или местом рождения».

Интернет виделся Барлоу и другим как пространство абсолютной свободы, освобожденное от экономического диктата капитализма, но жизнь распорядилась иначе. Уже с начала 2000-х финансисты сумели найти способ монетизировать киберпространство, начав продажу рекламодателям поведенческих продуктов.

11 января 2010 года в Сан-Франциско основатель Фейсбука Марк Цукерберг провозгласил свою декларацию. Дело было на вручении Crunchie Awards, наград для стартапов Силиконовой долины. Цукерберг объявил, что отныне персональная информация пользователей будет доступна всем. «Мы решили, что это теперь становится социальной нормой, – заявил он. – Людям вполне комфортно не просто делиться информацией разного рода и в большем количестве, но и делать это более открыто и с большим количеством людей».

Цукерберг угадал запросы нового поколения людей и, действительно, сумел через свою декларацию навязать обществу новые нормы. Установки сотен миллионов людей были в один исторический момент изменены. Тогда ему было 25 лет, а у Фейсбука было 350 млн подписчиков.

Сейчас основателю Фейсбука 35 лет и у его сети 2,5 миллиарда подписчиков, а в 2019 году он провозгласил следующую декларацию: «Будущее становится приватным»: «Future is private». Цукерберг сказал это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть свою заботу о приватности, но с приватностью пользователей сети дела с тех пор лишь ухудшились. Между тем слово *private* в английском языке означает также «частное», «частная собственность».

Очевидно, Цукерберг не видит в будущем «общественного», то есть «общественное» будет присоединено к «частному», будет приватизировано, причем приватизировано именно такими корпорациями, как Фейсбук. Таким образом, вместе с «общественным», «общим» они приватизируют и само будущее, самого человека.

Безумные на первый взгляд приказы, которые издают политики по всему миру в надежде выслужиться у новых конкистадоров, не так уж и безумны — они готовят почву для открытого провозглашения новой декларации. Ведь людям надо дать понять, что они автоматы, биологические машины, белковые роботы, которые должны выполнять любые приказы. Они — наблюдаемые. Парки закрывают в том числе и потому, что это общественное пространство, а ведь больше не должно быть места общественному (объединениям людей), ведь, как декларировал Цукерберг, «будущее стало частным».

Государству в новом мире есть место постольку, поскольку оно способно быть инструментом социального разделения и отчуждения, помогать жрецам нового порядка заменять общественное частным.

В политической жизни создается атмосфера цирка и абсурда с тем, чтобы отвратить от нее людей, показать, что она не имеет значения. Реальную экономику подгоняют под алгоритмические прогнозы, под предсказания, на которые сделали свои ставки финансисты — как в случае с коронавирусом, например. В сфере прав человека происходит аутсорсинг этих прав частным структурам — соцсетям или онлайн-платформам, которым государство по факту передало, например, права цензуры. Это делается для приватизации всей когда-то общественной сферы, с последующим придушением, а потом и ликвидацией этих прав. И повсюду уже происходит управление восприятием — то есть контроль над тем, как именно люди воспринимают реальность, с тем, чтобы создать у них впечатление незыблемости существующего порядка вещей в мире, который на самом деле рушится на глазах.

Об общественном, об обществе можно говорить только если мы признаем свободу воли участников процесса. В обществе свободные агенты конфликтуют или сотрудничают, и в итоге вынуждены

договариваться. Отменив свободу воли и перейдя к полному управлению стадом через бихевиористский контроль над поведением мы приходим к ликвидации конфликтов и даже почвы для этих конфликтов. Следовательно, общественное исчезает, заменяемое роевыми принципами через обучение с подкреплением людей, взломанных цифровыми платформами.

Уже сейчас в экспериментах и исследованиях, проводимых частными соцсетями и платформами, людей приравнивают, по сути, к биороботам, к киборгам. В ситуации, когда за объектами управления не признается даже элементарных человеческих прав, можно говорить о современном рабовладении. Об этом возвращении в архаику, о социальном регрессе следует помнить, когда вам будут рассказывать о том, что технологии несут с собой прогресс.

Что такое Цифровой Левиафан

Голландская компания «Дросте» с 1900 года выпускает баночки с какао, на которых изображена монашенка, которая держит в руке баночку, на которой изображена монашенка, которая держит баночку, и так до бесконечности. Подобным образом каждая цифровая корпорация содержит в себе другую. «Гугл» содержит «Фейсбук», внутри него сидит «Амазон», внутри этой шкатулки лежит «Майкрософт», тот содержит яйцо «Эппла», а в каждом «Эппле» записана игла «Гугл». Круг замыкается, границы между различными цифровыми корпорациями прочертить невозможно, они пропадают в бесконечных изгибах и не имеют значения. Береговая полоса, кровеносная система, Цифровой Левиафан — если увеличить любой фрагмент такого фрактала, можно увидеть точно такой же паттерн, что и на изображении без увеличения.

Цифровая платформа едина, ей подчинилось человеческое общество, и жрецы стараются, чтобы она охватила всю Вселенную, или, как минимум, чтобы люди в это поверили. Цифровой Левиафан распространился повсюду как вирус, а вирус стал цифровой платформой, которой люди отдали свою свободу и волю. Теперь эта платформа-вирус разрешает суждение и распространяет его для коллективного усвоения роем подключенных.

Цифровая платформа вируса не предусматривает никаких опций, кроме моментального реагирования роя на сегодняшние указания согласно последним графикам и опубликованным цифрам зараженных.

Ежедневная публикация числа смертей доказывает смертельную серьезность новых указаний, ограничений, инструкций, запретов и регламентов наказаний. Хотя для проведения необходимых ритуалов пребывания вируса в мире никакого доказывания серьезности и не нужно.

Владимир Вернадский писал о ноосфере, но сегодня она оборачивается своей пугающей стороной, являя нам образ Левиафана. Новый цифровой

Левиафан надзирает за человеческим роем, ставшим частью вирусной цифровой платформы. Давайте осознаем, насколько наш цифровой Левиафан походит на Левиафана библейского.

Корень еврейского слова «левиафан» имеет значение «свитый» или «скученный» – и тут приходит на ум сгусток сверточных нейронных сетей – самой распространенной архитектуры для машинного обучения. Библия описывает Левиафана как грозного зверя, обладающего чудовищной свирепостью и великой силой. Левиафан не может быть привязан или приручен; на него страшно смотреть. При этом, он имеет изящный вид, он идеально защищен чешуей, его спину невозможно пронзить. «Нет на земле подобного ему – создания, которому страх неведом».

У Томаса Гоббса Левиафан – это некая всемогущая и всеведущая машина, это аппарат, инструмент, созданный людьми и стоящий над ними для того, чтобы помешать им перебить друг друга. Человек владеет искусством, при помощи которого Бог создал мир и управляет им, пишет Гоббс. И главное проявление этого искусства – умение создать «искусственное животное».

Так человек создает своего Левиафана, которому подчиняется. Вот что пишет Гоббс: «В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти – искусственные суставы».

Наблюдатели и наблюдаемые

Сегодняшний мир разделился на наблюдателей и наблюдаемых. Наблюдаемые полностью обнажены, любое движение их тел и душ на виду, они полностью прозрачны, они живут в стеклянных домах, стеклянных городах под всевидящим оком и всеслышащим ухом, и даже ночью им не укрыться от инфракрасных лучей. Наблюдатели вроде бы изъяты из всех записей и зашифрованы, они живут за темным стеклом, находятся по ту сторону одностороннего зеркала, где они, невидимые, могут видеть наблюдаемых.

Но, разумеется, и за самими наблюдателями ведется наблюдение. В прошлом году сообщалось о том, как саудовский кронпринц взломал телефон главы Амазона Джеффа Безоса. Совершенно понятно, что спецслужбы, внутренние государства, личные охраны, ставшие частью цифрового Левиафана, следят за самими наблюдателями, которые применяют самые изощренные средства защиты – но никто не уйдет от взгляда Левиафана. Он и есть окончательный наблюдатель. Оцифрованный Левиафан сторожит от человека ворота парка, осуществляя строгий надзор и исполнение наказаний.

Это относится и к социальному контракту. Инструментализм, то есть управление агентами, потерявшими свободу, со стороны систем

множества искусственных интеллектов-левиафанов, привел к тому, что власть капиталистов трансформируется в анонимную власть. Формальные владельцы состояний, люди из списка Форбс, управляются своим левиафаном, являющимся частью большого Левиафана.

Мы хотели быть всем — и стали экраном всему, мы живем в гигантской эхо-камере. Мы отражаемся в каждом зеркале, и каждое эхо повторяет наши слова. Мы видим, как понятия «государство», «корпорации», «медиа-окружение», «религии», «цифровые платформы», и человек вместе с ними, смешиваются и соединяются в один организм, который мы и назвали Левиафаном.

У Гоббса люди передают свою волю государству-левиафану, которое вырабатывает собственную коллективную волю, дабы война всех со всеми не привела к тому, что люди сожрут друг друга. Цифровой Левиафан создает такую ульевую систему, когда уже нет зазора между волей отдельной личности и волей улья. Личная воля муравья или пчелы идентична коллективной воле — и точно так же личная воля человека — части цифрового Левиафана — обнуляется. Он чувствует себя хорошо и правильно только тогда, когда делает предписанные вещи, когда выполнены все алгоритмические инструкции математических агентов, которые ведут его по жизни от рождения до смерти. Таким образом, государство становится ненужным — как, впрочем, и традиционная корпорация.

Человек завершенной субъектности

Сегодня, во время четвертой промышленной революции по Клаусу Швабу, или в Новое Время-2, человечество, кажется, подошло к логическому пределу субъектности. Субъектность еще никогда не была так артикулируема. Частные острова, частные армии, частные состояния, превышающие бюджеты не самых маленьких государств — наконец, пора говорить уже и о частных мирах. «Будущее — частное», по формуле Марка Цукерберга. Частному и государственному предстояло объединиться, чтобы сокрушить общественное — не затем ли, чтобы построить на его месте постмодернистское подражание, общество-штрих? И потом, под прикрытием этого общества-симулякра создать рой, что позволит отбросить скорлупу общественного навсегда?

К 2020 году скорлупа общественного оказалась сброшена: общие пространства, собрания, даже случайные встречи оказались под запретом, в парках и на площадях по всему миру разрешено было появляться лишь военным и полицейским патрулям, живые площадки для дискуссий оказались закрыты. За год действительно практически всё общественное стало частным, но то, что было частным, удивительным образом стало терять свою принадлежность. Экономисты могут пояснить детали этого процесса и показать механизмы того, как это происходило, но если судить хотя бы по запутанности структур любых компаний,

трастов и фондов, можно говорить о том, что принадлежность, собственность, а вместе с ними и власть принимать решения становится размазанной по многим держателям, мало кто из которых имеет решающее слово и может быть назван, собственно, владельцем.

Сущность, которая теперь таким владельцем, собственником, решателем, и есть Цифровой Левиафан. Субъектность человека завершена усилиями технократов — хотя их бесспорное торжество диалектически несет в себе зерна грядущего поворота от технократии.

Альтернативная футурология **Максим Калашников**

Можно ломать копья в спорах до бесконечности, однако в ядре Западного мира (что особенно относится к Соединенным Штатам) трансгуманизм развивается на всех парах. Остановить сей процесс уже невозможно, идеи избавления от старения, болезней и смерти с помощью NBIC-технологий (нано-, био-, информ- и когнитивных) проникают в верхушку тамошней элиты. Превращение самого человека в фактор собственной эволюции, создание расы «избранных» с повышенными способностями, буквально добившихся бессмертия (прогноз небезызвестного Рэя Курцвейля 2010 года — на 2045 г.) — вот один из реальных драйверов западного развития.

То, чего уже не остановить: реквием по хомо сапиенс

Даже если речь и не идет о достижении собственно физического бессмертия, то создание типа «улучшенного человека» (трансчеловека) с возможностью активной жизни в три века — перспектива уже реальная. Остановить ее с помощью пикетов и демонстраций, писем в ООН, молитвенных бдений в храмах или гневных писем в прессу невозможно. Равно как и с помощью апелляций к трудам христианских, мусульманских или иудейских философов. Идея превращения в расу транслюдей с повышенными возможностями овладевает богемой Большого Бизнеса. То есть работы по переделке человека все равно состоятся: либо в Соединенных Штатах (чьи законы на сей счет гораздо мягче, нежели в Евросоюзе), либо в Китае, либо в наднациональных негосударственных структурах.

Мы не можем предсказать все в деталях, но можно уже сделать достаточно твердые выводы:

— В XXI веке появятся несколько видов транслюдей, обычный (биоконсервативный) человек-сапиенс перестанет быть единственным разумным видом на планете.

– Новые виды транслюдей будут различаться тем или иным способом усовершенствований: генетических, нанотехнологических, биомеханических, гибридных. Последние предполагают скрещивание с компактными интеллектуальными устройствами – с возможностью подключения к глобальной Сети.

– В случае успеха опытов по пересадке мозга в биомеханическое тело мы можем увидеть киборгов (кибернетика+органика) – разумных существ совершенно нового типа, обладающих и сверхчеловеческой силой, и обостренным интеллектом. Появится двужизние: первую половину своего существования человек (даже усовершенствованный) живет в биологическом теле, вторую – как киборг, робот с живым мозгом. В случае, если подтверждаются теории о том, что мозг – неместилище личности, то киборгизация так и останется лишь мечтой. Отнесем к маловероятным и вариант полного переноса человеческой личности на компьютерные носители, ибо он основан на крайне сомнительном теоретическом основании. На том, что человеческая личность – лишь набор алгоритмов «биологического компьютера».

– Крайняя дороговизна и сложность таких усовершенствований сделают их уделом лишь сверхбогатой верхушки, плутократии, подлинной знати Запада и самих развитых стран. А уж знать позаботится о создании «культуры доступа»: чтобы технологии трансформации были доступны лишь избранным. То, что в мире может возникнуть несколько конкурирующих центров создания новой расы, не отменяет принципа «доступа» (лишь для своих).

– Возможность обрести если не бессмертие, то Мафусаилово активное долголетие, причем в сочетании со сверхспособностями, наложится на много – тысячелетнее стремление правящих верхушек выделиться от подвластных – в некую «высшую расу». Вспомним то, как польская шляхта, например, оправдывала право владеть крепостными-славянами своим происхождением от сарматов-завоевателей, а французская знать – от франков-покорителей бывшей римской Галлии. Знать всегда пыталась придумать себе некие фантастические родословные, но тут – впервые в человеческой истории! – верхи смогут отделиться от черни (низов) биологически. Каковой возможностью они не преминут воспользоваться. Сделав все для сохранения своего монопольного доступа к «технологиям бессмертия/многовековой жизни». Для этого они и создадут «экономику доступа» и свой замкнутый мир. Скорее всего, с обособлением специальных анклавов (городов Избранных, золотых островов, метрополий) от окружающего населения. Получится что – то вроде сверкающего города Метрополиса из фильма Фрица Ланга 1927 года или из современного цикла «Голодные игры».

Не следует успокаиваться тем, будто цель верхушки капиталистического общества – прибыли. Прибыли (и деньги) есть лишь инструмент власти для нее. Как только будет найден новый инструмент властвования, верхушки отбросят принципы капитализма и создадут nano-био-инфо-

когнитивное общество каст, нового рабовладения. Ибо, сохранив господство, они смогут в нужном направлении трансформировать и подвластных. Это касается как изощенной социальной инженерии (контроля над низами), так и создания рабов с нужными свойствами тела, ума и души.

Не следует успокаиваться тем, будто цель верхушки капиталистического общества – прибыли. Прибыли (и деньги) есть лишь инструмент власти для нее. Как только будет найден новый инструмент властвования, верхушки отбросят принципы капитализма и создадут нано-био-инфо-когнитивное общество каст, нового рабовладения. Ибо, сохранив господство, они смогут в нужном направлении трансформировать и подвластных. Это касается как изощенной социальной инженерии (контроля над низами), так и создания рабов с нужными свойствами тела, ума и души.

– Все это приведет к огромным глобальным потрясениям, к коренному перевороту истории человечества. К радикальным изменениям в экономике, политике и общественной жизни, к острейшим и жесточайшим конфликтам.

Под властью отарков: новые Средневековье и мальтузианство

Мы можем предположить, что по психологии своей представители правящих трансчеловеческих верхушек напомнят отарков, созданных воображением советского фантаста Севера Гансовского (рассказ «День гнева», 1964 г.). В нем выведена порода разумных медведей, отличающихся выдающимися интеллектуальными сверхспособностями – но при этом абсолютно жестоких и безжалостных. Рассматривающих людей как низших существ. Как биоматериал для своих надобностей и как покорную рабочую силу.

Можем предположить, что транслюди (высшая каста) смогут отключать гуморальную (гормональную) регуляцию своих организмов, не ведая ни страха, ни любви, ни сострадания, ни жалости. (Киборги же могут быть такими изначально.) Психология правящих верхушек уже сегодня антихристианская (антимусульманская), в корне противоречащая традиционным идеалам. Трансформация сделает верхи еще более жестокими и бесчеловечными, утвердив их в собственной исключительности и вседозволенности.

Они уже по истинной вере своей близки крайним формам сатанизма и потому нетрудно представить себе, как эволюционирует их философия, превратись они в расу долгожителей со сверхспособностями. На это органично наслоится философия Римского клуба-1972, согласно которой Земля перенаселена и ее следует освободить от лишнего населения.

Сократив потребление природных ресурсов и восстановив экосистемы. Причем избавление от лишнего «поголовья» сапиенсов можно произвести без той гигантской экологической катастрофы, каковой является всеобщая ядерная война. Нет, уничтожать излишние души можно тьмой «мирных» (или относительно «мирных») способов. Эпидемиями, голодом, межэтнической и межрелигиозной резней, нищетой, стерилизацией женщин, проповедью бездетности.

Господам-транслюдям достаточно всего миллиарда населения на всю планету. Тем более, что середина века сего будет отмечена Кризисом кризисов, массовое потребление грозит перейти в массовое вымирание. Именно к сему моменту человечество, испытывая жесточайшую ломку позднего капитализма и нарастание повсеместного протеста низов против верхов, испытает все «прелести» глобального потепления, нехватки пресной воды и плодородных земель, равно как и новое – поистине библейское по размаху – Великое переселение народов. Новое мальтузианство просто обречено скреститься с трансгуманистическим превращением мировой элиты.

Даже в мире, где Вторая Глобализация скончается и произойдет раздел планеты на имперские протекционистские блоки-империи, оные процессы не остановятся. И там верхи вполне могут выделиться в «расы господ», пускай и с местной спецификой. (Китай – это свой вариант кастового общества, причем с тысячелетними традициями).

Роботизированная гибкая промышленность, перспективы нанотеха, информационные платформы ведения бизнеса, роботизированные армии – все это создает все условия для нового мальтузианства и свирепствования новой касты трансчеловеческих гегемонов. Да, такого во времена христианского философа Эриугены не было. Придется искать свой ответ на вызовы времени.

Мир раскалённых противоречий

Трансгуманистические превращения господствующих элит приведут к необычайному обострению противоречий и конфликтов. Мы очутимся в некоем социальном аду, напоминающем Длинный XVI век.

Прежде всего, элита англосаксонского ядра Запада, как показывает длительный исторический опыт, задает моды и вкусы остальным господствующим верхушкам. А значит, создание ею некоего клуба «бессмертных господ» повлечет за собою подражание среди прочих элит иных частей света. Можно предположить, что часть «знати» из менее развитых стран (например, сырьевых), не имея своих научно-технологических возможностей для превращения в новую расу транслюдей, пойдет на поклон к обладателям такой биомедицины. В обмен на возможность обрести столетия активной жизни в вечном среднем возрасте многие сильные не вполне развитого мира пойдут на любые предательства, на любую сдачу национальных интересов, лишь

бы попасть в круг избранных. Доступ к долгожительству (бессмертию) и сверхспособностям станет фактором большой геополитики.

Не исключаем, что для людей из «сторонних элит» (не из англосаксонского ядра транслюдей) продление жизни проведут так, чтобы они нуждались в регулярных процедурах по «прошивке» своего программного обеспечения и по активизации встроенных в организм технических возможностей. Что даст сильный рычаг для обеспечения преданности и покорности тех, кто милостиво допущен к кругу мировых господ.

При этом невиданно обострится социальное расслоение, и так сегодня крайне большое, вернувшееся к уровню 1920-х годов. Ибо произойдет окончательное скрещивание власти и собственности, причем владыки (главы государств, экономические и финансовые магнаты) могут занимать свои посты буквально десятки лет подряд, обладая при этом сверхчеловеческими способностями и огромным накопленным опытом. С одной стороны, это приведет к дальнейшему сверхнакоплению богатства и власти в небольших сообществах «избранных». С другой, борьба за властесобственность станет невиданно жестокой. Ведь естественная смена поколений уйдет, диктаторы и олигархи займут свои троны на десятилетия (если не на века). Наступит новый век заговоров, переворотов и политических убийств. Ибо иначе как расчистить себе путь к власти? Как убрать с тронов тех, кто их занимает?

Кровь, жестокость и тьма — вот удел политики времен трансгуманизма.

Таковы же и социальные последствия одного перехода. Низы, которые пребудут в состоянии прежнего вида хомо сапиенс, подвергнутся жестокой и эффективной социальной инженерии, попадут в «электронный концлагерь». Их, уже немало оглушенных и разобщенных, втиснут в жесткие рамки системы социального кредита, по сути — в систему подвластных каст. Им дадут дешевые, дебилизирующие развлечения, наркотики, систему социальных подачек. Сделают придатками социальных сетей. Везде заработают камеры слежения, системы распознавания лиц и аномального поведения примитивных сапиенсов. Их жизнь сделают совершенно прозрачной. За хорошее поведение самые послушные получают социальные подачки — что-то типа безусловного определенного дохода. Аналога раздачи хлеба римскому плебсу. Те, кто ведет себя плохо, подвергнутся уморению нищетой и безработицей. Кроме того, господа с помощью биомедицины создадут и очень послушных, лишенных воли слуг, причем разных специализаций. Огромное развитие получают тайная полиция и спецслужбы, развитая система взаимной слежки и доноительства. В дополнение к не менее развитой системе формирования чувств, желаний, мнений и вкусов у подвластных масс. Они же примитивны...

Для борьбы с восстаниями низов и для безопасных войн на периферии нового мира у трансчеловеческих господ окажется самая совершенная боевая машинерия. Вплоть до микродронов, тучами-роями

сбрасывающихся с самолетов и поражающих заданные личности. Повстанцы и старые армии будут уничтожаться практически без потерь со стороны новых гегемонов. Ведь они явно создадут и ударные космические системы, и огромные системы противоракетной обороны. Очевидно, в трансчеловеческую эру подвергнутся уничтожению все малые ракетно-ядерные государства. Ядерное оружие останется лишь в руках империй-гегемонов. Они же станут и обладателями космических боевых платформ, и аэрокосмических флотов. Возросшие богатства и научно-технические возможности позволят закутать целые страны сильной противоракетной обороной, предназначенной для борьбы не только с баллистическими, но и с крылатыми ракетами.

Какими окажутся взаимоотношения между империями планеты, управляемыми транслюдми? Не предвижу полномасштабных мировых войн и прямых столкновений сверхдержав. Ибо их военно-техническое могущество (ракетно-ядерная мощь, помноженная на силу космического оружия) по-прежнему обеспечит взаимное уничтожение воюющих. Все сведется к борьбе на подрыв противника изнутри. И еще к борьбе на очищаемой от излишнего населения периферии богатого и развитого мира. Краха больших государств можно не прогнозировать: для поддержания мощных научных и промышленных систем, передовых вооруженных сил и социального контроля отмирание государств отменяет. Наоборот, государства станут всепроникающими, тотальными. Ничего помимо государства и против него.

Но возможно предложить, что на Земле, где население сократится в несколько крат, наступит раздел мира между ведущими силами (Атлантическим Союзом и Великим Китаем — как минимум) и надолго воцарится спокойствие. Как может быть использован этот период? Сие — пока за горизонтом нашего прогноза.

Можно ли спрогнозировать сроки такой перезагрузки мировой истории? С определенной долей уверенности отнесем это на вторую половину XXI века. Если возникновение технических возможностей для появления транслудей мы относим (вослед за Рэем Курцвейлем) примерно к 2045 году, а схождение в одно русло мегакризисов — к экватору столетия, то все это вызовет быстрый процесс перехода мира в «постчеловеческую историю» как раз в оставшуюся часть столетия.

Русская альтернатива — сверхлюди

«Четырнадцатого апреля 2024 года мне стукнуло сто двадцать шесть лет... Подождите скалиться, товарищи, я говорю серьезно... Я был ни стар, ни молод: седой, что считалось весьма красивым, — волосы отлива слоновой кости; угловатое свежее лицо; сильное тело, уверенное в движениях; легкая одежда, без швов, из шерсти и шелка; упругая обувь из кожи искусственных организмов — так называемой «сапожной культуры», разводимой в питомниках Центральной Африки.

Все утро я работал в мастерской, затем принимал друзей, и сейчас, в сумерки, вышел на террасу уступчатого дома, облокотился и глядел на Москву.

Полстолетия тому назад, когда я уже умирал глубоким стариком, правительство включило меня в «список молодости». Попасть туда можно было только за чрезвычайные услуги, оказанные народу. Мне было сделано «полное омоложение» по новейшей системе: меня заморозили в камере, наполненной азотом, и подвергли действию сильных магнитных токов, изменяющих самое молекулярное строение тела. Затем вся внутренняя секреция была освежена пересадкой обезьяньих желез.

Действительно, заслуги мои были значительны. С террасы, где я стоял, открывалась в синеватой мгле вечера часть города, некогда пересеченная грязными переулками Тверской. Сейчас, уходя вниз, к пышным садам Москвы-реки, стояли в отдалении друг от друга уступчатые, в двенадцать этажей, дома из голубоватого цемента и стекла. Их окружали пересеченные дорожками цветники – роскошные ковры из цветов. Над этой живописью трудились знаменитые художники. С апреля до октября ковры цветников меняли окраску и рисунок.

Растениями и цветами были покрыты уступчатые, с зеркальными окнами, террасы домов. Ни труб, ни проволок над крышами, ни трамвайных столбов, ни афишных будок, ни экипажей на широких улицах, покрытых поверх мостовой плотным сизым газоном. Вся нервная система города перенесена под землю. Дурной воздух из домов уносился вентиляторами в подземные камеры-очистители. Под землею с сумасшедшей скоростью летели электрические поезда, перебрасывая в урочные часы население города в отдаленные районы фабрик, заводов, деловых учреждений, школ, университетов. В городе стояли только театры, цирки, залы зимнего спорта, обиходные магазины и клубы – огромные здания под стеклянными куполами.

Такова была построенная по моим планам Москва двадцать первого века. Весенняя влажность вилась в перспективах раскрытых улиц, между уходящими к звездам уступчатыми домами, и их очертания становились все более синими, все более легкими. Кое-где с неба падал узкий луч, и на крышу садился аэроплан. Сумерки были насыщены музыкой радио – это в Тихом океане на острове играл оркестр вечернюю зорю.

Всего одно столетие отделяло нас от первых выстрелов гражданской войны. На Земле шел сто седьмой год нового летосчисления. Демобилизованные химические заводы изменили суровые и дикие пространства. Там, где расстилались тундры и таежные болота, – на тысячи верст шумели хлебные поля. Залежи тяжелых металлов на севере, уран и торий, были, наконец, подвергнуты молекулярному распаденю и освобождали гигантские запасы радиоактивной энергии.

От северного к южному полюсу по тридцатому земному меридиану была проложена электромагнитная спираль. Она обошлась в четверть стоимости мировой войны четырнадцатого года. Электрическая энергия этой полярной спирали питала станции всего мира. Границ между поселениями народов больше не существовало. В небе плыли караваны товарных кораблей. Труд стал легким. Бесконечные круги прошлых веков борьбы за кусок хлеба – эта унылая толчея истории – изучались школьниками второй ступени. Мы свалили с себя груз, который тащили на кривых спинах. Мы выпрямились. Людям прошлого не понять этих новых ощущений свободы, силы и молодости.

Да, уверяю вас, жить стало большим счастьем, и Земля стала желанным местом жизни. Так думал я, глядя с террасы на построенный мною город. В воздухе возник тонкий звук, как бы от лопнувшей струны. Сигнал. И весь город залился светом электрических огней: убегающие к Москве-реке ряды круглых фонарей, фонари на террасах, и – потоки света с плоских крыш в лиловое небо. Мерцающим светлым яйцом возвышался на площади Революции стеклянный купол клуба. Низко и бесшумно ночной птицей нырнул сверху вниз мимо террасы аэроплан, и женский голос оттуда крикнул.»

Это «Голубые города».

Рассказ великого Алексея Толстого (1925 год).

Великая мечта СССР.

Давайте сделаем допущение: РФ кардинально свернула с нынешнего шизофренического «курса» – на Новый курс. Курс новых – протекционизма и научнопромышленной индустриализации. И она создает альтернативу трангуманистическому аду. Она делает долголетие и сверхспособности доступными самому широкому кругу граждан. В самом деле, для вымирающего Русского народа обретение нового качества – спасение от угасания и небытия. Мы создаем расу сверхлюдей, а не «трансов». Добрых титанов, несущих бремя ответственности за род людской, за вид «хомо сапиенс». Они созидают не только Великую Россию на месте нынешних РФ, Белоруссии и Украины, но и центр альтернативного мирового развития. Свою модель цивилизации Будущего. Россию-Ковчег.

А это – грандиозная работа.

В 2010 году автор сих строк вместе с Дмитрием Ицковым выступил инициатором проекта «Россия-2045», каковой заключался в том, чтобы породить, по сути, расу сверхлюдей, наделенных и сверхспособностями, и бессмертием. Именно тогда Максим Калашников выступил с **идеей двужизния**: первая половина – человек в обычной или «прокачанной» биологической форме (пускай и с некоторыми техническими

дополнениями). Вторая часть — жизнь с возможной пересадкой центральной нервной системы в искусственное тело-аватару. Киборгизация и возможность жить до трех веков (способность мозга сохранять жизнеспособность).

По сути, речь шла о создании цивилизации человека будущего, причем мегапроект «Россия-2045» логично разветвлялся бы на подпроекты. То есть, на возобновление космической экспансии, на создание интегральной Меганауки, на построение общества грядущего (подобного нейронной сети головного мозга, с новой Советской властью и самоуправлением динамического типа). Сюда же входили субпроекты тканевой усадебной урбанизации нового типа (футурополисы), новой энергетики, нового транспорта (скоростные наземные магистрали вроде эстакадных экранопланов Бартини-Серьезнова и массовая авиатизация, переход от автомобилей к аэромобилям). Здесь же — создание новой медицины (здороворазвития), построение громадной сферы «человекостроения» (системы воспитания и образования), умного сельского хозяйства, роботизированной гибкой промышленности со сверхэффективным использованием природных ресурсов. Создание отличной НИС — Национальной инновационной системы, до предела сокращающей путь от разработки до производства.

Причем все эти подпроекты непрестанно порождают (с помощью создаваемых технологий) корпорации мирового уровня, новые виды бизнеса. Ведь порождаются буквально сотни передовых разработок и новейших технологий, которые могут немедленно коммерциализироваться, принося стране доходы и экономический рост, порождая новую науко-промышленность. И еще вовлекая в такие предприятия капиталы и мозги из других стран, где подобного грандиозного Проекта попросту нет. Вот — реальная возможность сотрудничества с самыми энергичными, самыми дальновидными кругами Азии, Латинской Америки, Европы.

Вернемся к тексту Алексея Толстого, приведенному в начале раздела. Да, грезы «красного графа» немного наивны, коль глядеть на них с позиций нынешнего дня. Но смотрите: он уже грезил о достижении физического активного долголетия, если не бессмертия. А это — именно то, что пытается осуществить проект «Россия 2045»! Красный граф мечтает о нанотехнологиях (трансформация на молекулярном уровне). Его футурополис Москва свободен от стад проклятых легковых автомобилей, самого идиотского изобретения человека, буквально отравляющего нас. Место наземного транспорта занимает воздушный: и легкие авиетки, и тяжелые грузовые корабли. Его «будущеград» вписан в трассы небесного транспорта, коему не нужны дороги, нуждающиеся в постоянном ремонте шоссе и нитки железных дорог. Его Царство Свободы купается в океанах изобильной, дешевой и чистой энергии, одним из важнейших источников коей выступают уран и торий. Жители этого мира могут за час преодолеть огромные расстояния благодаря стремительным средствам сообщения.

То, о чем мечтал Алексей Толстой, технически возможно сегодня. Авиетки? С коротким разбегом, а то и с вертикальным взлетом? Их русские проекты уже давно описаны. Плюс гиропланы-автожиры. Грузовые небесные суда? Это – гибридные ЛА, самолето-дирижабли, построить которые можно за считанные годы. Плюс турбовинтовые корабли нового типа. Пожалуй, мы бы дополнили высотные дома поселками из домов на одну семью, связанными с культурными ядрами старых городов не только воздушными трассами, но и струнными скоростными дорогами Юницкого, эстакадными экранопланами и троллейкарными линиями. Да и малоэтажные городки-сады лучше строить вокруг роботизированных промышленных предприятий нового типа, вокруг НИИ, технопарков и университетов. И пусть островами среди лесов поднимаются еще и гелиоархитектурные комплексы, города-дома Непомнящего. И города-пирамиды Шумовского! К черту тесноту и скученность! Мы рассредоточимся, полностью покорив пространство и сжав время перемещений. Да и работать многие из нас примутся по большей части там, где живут.

Дешевая и безопасная энергия? Это – взрывобезопасные ядерные станции Максимова и Острецова, скрещения ускорителей и реакторов с подкритической массой, работающие на тории и природном уране. Ради вящей безопасности спрятанные под землей. А может, еще и реакторы на быстрых нейтронах, и реакторы типа БРЕСТ. Никакого «зеленого», «экологического» мракобесия с его уродливыми и неэффективными «мельницами» ветряков-переростков и разорительными солнечными батареями! Наша ветроэнергетика – ветротурбины (реализованная мечта Николая Шама) и ветропанели Зураба Отарашвили. Они установлены не только на крышах высоток – они вынесены на продуваемый сильными воздушными потоками Ямал, откуда энергия поступает по однопроводным (и сверхпроводящим) линиям передач (воплощенная мечта Стребкова). Наша энергетика – это и теплонасосы, и станции с использованием выхода природного водорода по Ларину. Мы тоже можем купаться в реках дешевой и чистой энергии.

Мы тоже продлеваем жизнь творческих и полезных людей с помощью проектов и разработок «России 2045». В наши футурославли, свободные от нового и старого варварства, от орд невежественных пришельцев Азии и белых отбросов-вырожденцев, едут гении всего мира. Ибо тут кипит работа, захватывающая дух. Здесь воплощаются самые дерзкие проекты. Здесь снова возрождается Человек: гордый своим трудом труженик, способный и творить, и любить, и оставлять после себя счастливых и здоровых детей. Не менее троих! Здесь нет алкогольного и наркотического дурманов. Зато есть самые удивительные лаборатории, студии и мастерские. И раскованный полет фантазии, подкрепленный как строгими формулами, так и сильной «безлюдной» промышленностью. Кстати, все это следовало бы в русле превращения России в Империю-Ковчег для самой здоровой части рода людского.

Мы предлагали властям РФ сделать «Россию-2045» государственным мегапроектом. Но воображения у них не хватило. Что ж, каждому – свое. А ведь мы могли бы уже с добрый десяток лет создавать свое Великое Будущее, альтернативу трансгуманистическому аду в англосаксонском варианте. Воистину: если ты не хочешь созидать Будущего сам, то попадешь в будущее, созданное твоими врагами. На правах сырья и добычи.

Фронт возможных работ: Суперакадемия

Но снова вообразим, что действие происходит не в нынешней сырьевой РФ, даже электронику для своего ВПК закупающей за кордоном, а в неоиндустриальной Великой России. В ней кипит грандиозная работа. Прежде всего – на философском и междисциплинарном направлении.

Наша Академия наук получает новую сверхзадачу, превращаясь в узел философско-междисциплинарной «мозговой сети». Ведь необходимо, опираясь на практические разработки, решить коренные вопросы.

Как будет определяться ценность человека для общества – и право его на долголетие/бессмертие? Какую систему мы породим взамен рабовладельческой системы «социального кредита»? Будут ли в Великой России необходимые испытания для получения статуса полноправного гражданина? Каков будет баланс его прав и обязанностей? Как мы будем чистить общество от паразитизма, социопатии, вырождения?

Как определить границы вмешательства в биологическую природу человека и допустимые пределы его трансформации? Именно мы должны разработать **Антропологическую Хартию**, о коей говорит Маринэ Восканян – и предложить ее всему человечеству. Тут же наша Сверхакадемия должна разработать **правила взаимоотношений между обычными сапиенсами и сверхлюдьми**. Отдельно поставлю направление философского обоснования нового эволюционного скачка человека. Здесь важно **совместить и русский космизм, и христианскую патристику, и советские смелые концепции**. Здесь же – разработка системы инициации

обычных людей в сверхлюди, их предварительной индоктринации.

Вне всякого сомнения, работы над созданием новой расы людей-победителей в чисто практическом смысле пойдут по нескольким основным направлениям, которые дополняют друг друга и могут пересекаться.

Во-первых, это раскрытие полного спектра возможностей человека-сапиенса, использующего их сегодня лишь на несколько процентов. Отнесем сюда уже имеющиеся духовные практики.

Во-вторых, это NBIC-усовершенствование человека, когда он сам становится фактором своей эволюции. Отнесем сюда и генную

инженерию — создание людей с улучшенными качествами, передающимися по наследству.

В-третьих, это — работы по киборгизации человека, по созданию для него второй жизни в новом облике. Возможен ли сей путь в принципе?

Сможет ли — для начала — жить мозг обезьяны или собаки, пересаженный в искусственное тело?

Таков абрис грандиозной работы. Каковая в нынешней РФ, повторю, невозможна. Но она органична для России Великой, ступившей на путь сверхиндустриализации и протекционизма новой эры. Ибо это — самый убедительный и действенный ответ на вызов Длинного Жестокоего века. Века суровых испытаний для Земли и рода человеческого. Кризис кризисов середины столетия неотвратимо приближается.

Постановка грандиозной задачи первыми на государственном уровне: гигантское геостратегическое преимущество

«Человеческая жизнь свихнулась на полдороге, и старость наша есть болезнь, которую надо лечить, как всякую другую...» — говорил Илья Мечников, великий русский ученый и один из основателей микробиологии (1845–1916 гг.). Его слова в 1966-м вспоминал председатель Академии наук Белорусской ССР Василий Купрович. Выступая в январе того года на страницах журнала «Техника-молодежи», он писал:

«Человек вышел из-под власти естественного отбора. Он уже не приспособляется к условиям внешней среды, а создает вокруг себя искусственную благоприятную среду, переделывая природу. Ему не нужна смерть как фактор, ускоряющий совершенствование человечества от поколения к поколению. И мы считаем, что старение и смерть — это результат отсутствия отбора, направленного на создание все более долгоживущих, практически бессмертных видов животных.

Нет никаких теоретических запретов, мешающих ставить вопрос о принципиальной возможности бессмертия. Я глубоко убежден, что рано или поздно наступит эра долгожительства. Сейчас трудно представить себе, что принесет человечеству завоевание бессмертия. Но чтобы такая эра наступила, необходимо вести в этом направлении активные исследования. Как и во всяком деле, здесь нужны энтузиасты, а их, к сожалению, пока чрезвычайно мало: мешает укрепившееся в каждом из нас убеждение в неизбежности смерти и безнадежности борьбы с ней. Это своего рода психологический барьер, который нужно преодолеть...»

Пятью годами раньше британский (а с 1956 г. — и индийский) генетик Джон Холдейн (иностраннй член АН СССР с 1942 г.) рисовал мир

грядущей расы сверхлюдей. Предупреждая о возможной несостоятельности приравнивания работы человеческого мозга к действию компьютеров, он заявлял, что даже эта несостоятельность «будет так же плодотворна, как и неудачная попытка объяснить строение атома по аналогии с солнечной системой.»

По мнению Холдейна, высказанному накануне полета Юрия Гагарина, человек будущего сможет синтезировать органические вещества, перейдя к самоснабжению. Большинство людей будет жить в тропическом поясе Земли. Люди откажутся от безумного потребления, уничтожающего природу. «Не будет бедности, но потребности людей будут пониматься более правильно, и материальная база, необходимая для их хорошей жизни, будет значительно упрощена. Например, люди не будут иметь много одежды, но зато она будет необычайно прочной, и ее можно будет легко и быстро вычистить.»

Предрекая человеку овладение законами эволюции, британец писал о том, что человек осознает свое место в природе и сумеет планировать свое будущее «так, как мы еще не можем делать сейчас».

«Я полагаю, что наши потомки пройдут через целенаправленную эволюцию, с тем чтобы быть способными полностью осознавать свое тело и управлять им. Умственное равновесие будет еще более важным.

Самопознание послужит фундаментом для новых искусства и науки. Разрешите мне привести простой пример. Представим, что я обладаю большим чувством и памятью мускульных движений, чем большинство людей. Если я, например, смогу координировать движения двух моих рук на плоскости таким образом, чтобы расстояние между кончиком моего правого указательного пальца и определенной точкой было пропорционально квадрату расстояния указательного пальца левой руки от другой точки, и если моя правая рука опишет два круга вокруг своего «центра», тогда как левая рука опишет один круг, то, представляя эти движения, я интуитивно пойму, что математики подразумевают под квадратом сложной переменной величины. Я надеюсь, что через две тысячи лет все люди будут способны непосредственно воспринимать сложнейшие математические зависимости.»

Все это всерьез обсуждалось на страницах советской научно-популярной периодики в 1960-е. СССР был близок к тому, чтобы объявить создание расы новых людей (долгоживущих сверхчеловеков-пилотов звездолетов) государственным мегапроектом. Причем в него входили и космическая экспансия, и овладение энергией будущего – термоядом. Увы, в 1970-е все словно лезвием обрезало. А зря. Тут СССР упустил свой гигантский исторический шанс на глобальную победу в битве цивилизаций.

Давайте приведем простой пример. Творчество всего нескольких гениев часто буквально преображает окружающий мир и дарит первенство-лидерство той или иной цивилизации. Великий Тесла и Доливо-Добровольский смогли «приручить» переменный ток, считавшийся в 1880-е годы бесперспективным. В результате стало возможным

перебрасывать энергию на тысячи километров по линиям электропередач, сооружая могучие силовые станции на больших реках или у источников ископаемого топлива. И приводя в движение моторы на переменном токе. В итоге родился нынешний мир – электрифицированный. Стали возможными современные города (лифты и электрическое освещение, городской электротранспорт, метрополитен и отличные системы жизнеобеспечения). Возникла развитая и гибкая промышленность со станками на электродвигателях. Бытовые электроприборы освободили людей от тяжелого домашнего труда и привели к изменению роли женщин. Родились ночная жизнь и невиданные раньше формы культуры. И так далее. Параллельно гении Попова и Маркони породили мир радиосвязи, который развивается и поныне.

К сожалению, Запад, а не наша страна, смог в полной мере пожать обильные плоды творчества сих гениев. Но представим себе, что русские в силах порождать не единицы, а сотни подобных гениев-сверхтворцов, визионеров и «прорывников». Каждый год! И не просто порождать – обеспечивать им все условия для творчества, создав экономику, способную быстро использовать и развивать плоды их творческих озарений. Превращать в серийные их опытные установки, доводя их до степени отменного коммерческого продукта. Представьте, что при этом такие гении могут творить и подниматься все выше и выше не какие-то полвека, а век или два. Это – путь к вселенскому могуществу!

Поставить первыми в мире на государственном уровне задачу создания сверхчеловека-творца, притом – почти бессмертного, само по себе означает эпохальную цивилизационную победу. Ни Запад, ни Китай покамест не сделали сего открыто. Такой государственно-частнообщественный мегапроект способен, словно сверхтяжелая звезда, вовлечь в себя все прочие программы и проекты страны, наделив их новым качеством. Хоть строительную реновацию, хоть развитие ВПК и промышленности в целом. Ибо сразу же возникает «русло интеграции», появляется единая логика: создания русской Цивилизации Будущего. Мира, в котором мы – победители, где мы навязываем свою логику всем прочим и меняем направление мировой гонки, становясь ее лидером. Мы не просто возрождаем производство русской микроэлектроники, скажем так – мы созидаем новый мир.

И не беда, что первоначально русским не хватит своих технологий. Особенно после того погрома, что шел с 1991 года. Сама грандиозность Мегапроекта Сверхчеловека потянет в нашу страну разработчиков и гениев всего мира. Почему? Потому что их новации найдут применение, причем в захватывающем воображение проекте.

Он сыграет ту же роль могучего ускорителя развития и воспламенителя душ, каковыми в середине XX столетия стали Космический и Ядерный проекты. Мало того, он и их в себя впитает, даст им новую жизнь! Скажем, мы станем решать проблемы разработки ядерных силовых

установок для дальних полетов, создания роботов для работы на иных планетах, средств защиты людей от космической радиации при экспедициях наших кораблей в дальнем космосе.

Одновременно мы начнем развивать воздушную космонавтику: легкие космолеты-челноки для работы в околоземье, стартующие без дорогих космодромов, с тяжелых самолетов-носителей (проект МАКС Г. Лозино-Лозинского, НПО «Молния», СССР, 1988 г.). Одновременно получая и дешевый способ вывода полезных нагрузок на орбиту, и средство возвращения оттуда грузов (самолетная посадка). Легкие челноки одновременно станут и мирным орудием, и – при переключении режимов – неотразимыми космическими штурмовиками для нанесения неядерных убийственных ударов по любой цели на поверхности Земли. Или же это будет осуществляться орбитальными истребителями.

И так будет происходить с каждым проектом, с каждой разработкой. Неважно – отечественной или той, что вместе со своими творцами приехала к нам из-за рубежа. Все обретет новый смысл. Сверхсмысл. Начнется процесс междисциплинарной интеграции, когда, скажем, роботика и новые космические спутники совместятся с составлением карт мозговой активности. Или с планами колонизации Марса.

Огромный огонь Мегапроекта создания почти бессмертного супертворца, нового человека, начнет разбрасывать искры. От каждой станет рождаться очаг развития, новая передовая корпорация. Кто-то станет производить суперлекарства (уже не антибиотики). Кто-то – обогащенную целебную пищу, вкусную и насыщенную экстрактами пряностей и лекарственных растений. Кто-то – передовые биомеханические протезы. А кто-то – и машины с искусственными мышцами. Каждая такая корпорация сама по себе станет точкой приложения сил – и гениев, и просто хороших специалистов. Все это даст сильнейший импульс развитию образования и науки, навсегда покончит с ролью России как источника сырья для развитых стран. Страна, словно гигантский пылесос, примется втягивать в себя капиталы и мозги всего мира. Возникнет прочная, интересная, привлекательная Империя – Русский союз. Само русское имя поднимется из грязи и воссияет заново.

Мы даже не можем полностью вообразить себе то, какие новые искусство и культура расцветут в стране, обретшей энергию новой юности. Дерзости. Порыва. И как все это станет еще одной силой, что спланивает русских и тянет к нам лучших из лучших со всего мира. Силой такой же неодолимой, как в свое время – культурное влияние Римской империи. Белое человечество узрит выход из смертельного тупика. И прочие народы прочих рас нас снова зауважают. Не воспоминания о славе минувших дней, не безвозвратно ушедшие подвиги прошлого, но великое и будоражащее души Будущее сплотит нас. Наделит способностью творить чудеса и сворачивать горы.

Сама постановка грандиозной задачи на государственном уровне станет величайшей геополитической, исторической, цивилизационной

победой. Превращение в страну-первопроходца, смелую и творческую, сделает для нашей Победы тысячекратно больше, чем любые военные экспедиции и «имиджевые» проекты. Не ждать Будущего, отдаваясь на волю иных цивилизаций, но ткать его самим – вот наш путь. Нас не будут волновать мелкие дразги ветхого мира, их жалкие интриги, нападки, их мышиная возня. Мы уйдем в великие дела, в сверкающую и пленительную реальность. Захватим цивилизационную инициативу. Победим в борьбе культур и цивилизаций! Без всякой ядерной войны... Имеющий разум – да поймет нас!

Трансгуманизм: hard-версия, soft-версия

Сергей Переслегин

Философия для биологов и кибернетиков – краткий курс

В давно ушедшее советское время сначала учителя в школе, а затем преподаватели общественных дисциплин в ВУЗах и университетах объясняли нам, что и научная, и инженерная, и экономическая деятельность онтологически обусловлена, то есть обязательно опирается на картину мира актора изменений, на его философский и идеологический бэкграунд. Мы пропускали это мимо ушей – как «советскую пропаганду». Нам было очевидно, что законы природы, технологий и общества объективны и вообще не зависят от исследователя, а, уж тем более – от особенностей его личности или системы взглядов.

Потом, в какой-то момент, мы обнаружили, что квантовая механика – это не математические формулы и даже не физические модели, а весьма сложная философская тема, что великие ученые, по книгам «учеников учеников» которых мы учились, оказывается, годами обсуждали различные подходы к ней. Выяснилось, что так называемая «проблема интерпретации» не решена до сих пор и, вероятно, вообще не может быть решена. «Ультрафиолетовая расходимость», с которой началась история квантового подхода, устойчиво воспроизводится в квантовой электродинамике, квантовой теории поля вообще и даже в теории струн. И ещё – более ста лет физика не понимает и не рефлектирует своих оснований и, по существу, двигается в пространстве, лишенном опоры.

Мы поняли, что квантовая механика онтологически обусловлена, а, значит, онтологически обоснована вся физика и наука вообще. Это объясняло очевидное резкое торможение научного познания в 1960-е годы, но на общественную практику не влияло, по крайней мере, до Миллениума.

В начале 2010-х годов ситуация изменилась кардинально. Это было связано с расшифровкой человеческого генома и созданием техник генной инженерии, с колоссальным ростом вычислительных мощностей, оказавшихся в распоряжении цивилизации, а также с быстрым развитием сетевых технологий и созданием нейросетей. За исторически очень короткое время, одно десятилетие, две излюбленные темы фантастических произведений – «искусственный интеллект» и «модернизация человека/создание Homo Super» – перешли в разряд практических задач.

Как и предсказывал Г.П. Щедровицкий, прикладники, столкнувшиеся с философскими/онтологическими вызовами, либо вообще их не заметили, либо «на коленке» создали «под задачу» частную онтологию на основе сциентизма.

Так родился *трансгуманизм*. Из трех предельных онтологий – Бога, Природы и Мышления – он относится к онтологии Природы. Точнее, к ее частному случаю – онтологии Науки. Еще точнее, к частному её случаю – онтологии эволюционного развития. В этой философии отсутствуют представления о Боге и Творении, соответственно, на вопросы о происхождении жизни и возникновении разума она не отвечает. Однако, данная концепция объясняет развитие жизни на Земле в логике стохастической эволюции и вносит предположение, согласно которому человеческий разум также является эволюционным продуктом.

Сомневаться в существовании эволюции и эволюционных законов не приходится: мы все время видим эволюционные процессы – в общественной жизни, в развитии техносферы, в развитии языковых систем и т. д. Другой вопрос, что все реально наблюдаемое – это *телеологическая* эволюция, а не *стохастическая*, но я очень сомневаюсь, что создатели трансгуманизма способны уловить различие.

Рассматривая человека, как продукт эволюции, **трансгуманисты полагают Homo Sapiens случайным и несовершенным «промежуточным образцом».** Они намерены **усовершенствовать его с помощью, во-первых, генной инженерии и компьютерного моделирования вариантов, во-вторых, с помощью киборгизации.** Как результат, будет создан Homo Super, превосходящий по своим возможностям и интеллекту обычных людей в той же мере, в которой люди превосходят обезьян. В этой модели современный человек рассматривается, в лучшем случае, как «ракета-носитель», функция которого – вывести на орбиту «полезный груз» (Homo Super) и «сгореть», перейти в категорию эволюционных отходов.

Интересно, что к тому же конечному результату пришли и технопозитивисты-кибернетики – мы создадим Искусственный Интеллект в сотни/тысячи/миллионы и т. д. раз мощнее человеческого,

и в этом — основная задача человеческой расы, решив которую Человечество должно погибнуть.

Самое интересное, что нашлись люди, готовые активно работать в целях гибели Человечества, объясняя это свободой научного познания и его самоценностью. Нашлись также и люди, готовые это оплачивать, желая за столбить за собой потенциальные рынки. Вспоминается Л.

Рифеншталь: «*Понимаю, но тогда откуда у вас претензии к Гитлеру?*» Впрочем, противоположности сходятся, и не следует удивляться тому, что предельный языческий антисциентизм магической цивилизации Третьего Рейха и рафинированный сциентизм современной западной культуры смыкаются — именно на отрицании человеческого и человечности.

Философия трансгуманизма жизнеспособна, поскольку представляет собой аттрактор, по крайней мере, сциентизма, но, возможно, и всей онтологии Науки в целом. В сущности, понятно, что если ты убираешь из своего мышления сначала Творца, потом Вселенную, затем — любое представление о Целом, Трансцендентном, Неизмеримом и желаешь при этом оставаться последовательным, ты обязан поставить на освободившееся место себя любимого, и приступить к акту творения. И ты неизбежно приходишь к трансгуманизму — или в его кибернетической версии, или в генетико-биологической.

В онтологии Бога человек, созданный по образу Бога, приспособлен к любым формам творчества, в том числе, и к высшим, то есть, к созданию жизни и разума. Но, поскольку человек — лишь подобие Творца, вряд ли следует ожидать многого от этих попыток. Иными словами, Homo Super **получится упрощенной моделью** Homo Sapiens.

Превосходя его в чем-то одном, он безнадежно отстанет по другим параметрам (многих из которых мы, скорее всего, даже не знаем).

В онтологии мышления задача создания Homo Super катастрофически преждевременна, поскольку предполагает *предварительное* решение, по крайней мере, проблемы сознания, известной в западной литературе как *hard problem*.

Таким образом, мы вправе рассматривать трансгуманизм как предел онтологии Науки (в ее западной, позитивистской версии) и, одновременно, как саморазрушение этой онтологии.

Интересно рассмотреть основные причины «трансгуманистического рывка» начала XXI столетия. Чисто формальный ответ очевиден — кризис или даже предчувствие кризиса, его ожидание, ощущение, что все, творящееся вокруг (а я пишу эти строки, находясь в короновирусной «самоизоляции») — лишь прелюдия к событиям, гораздо более грозным. Кризис пробуждает страх, а страх усыпляет разум и рождает чудовищ. Уникальность данного случая связана лишь с тем, что страх смешивается с беспредельной *сверхчеловеческой* гордыней.

И тогда первым и главным звеном в цепи, приведшей к созданию трансгуманистической философии, стал постепенный, но неуклонный отход Европы от христианской картины мира. Проблема ведь не в том, что в сознании европейцев Бога заменила Наука (как это, к примеру, произошло в СССР). Проблема в том, что на место Бога жители просвещенной, толерантной, демократической и объединенной Европы поставили себя, свой образ жизни. И сразу же обнаружили, что эта ноша им не по силам, что они не в состоянии не только создать из ничего жизнь или разум, но даже справиться с примитивными проблемами управления, производства или распределения благ в мета-государстве Европейского Союза. И возникла необходимость в Homo Super. Или в Искусственном Интеллекте, как основе экспертной системы принятия решений. Сверхчеловек от трансгуманистов или усовершенствованный «Ватсон» от IBM.

Здесь следует вспомнить, что базовые идеи трансгуманизма появились гораздо раньше Р. Курцвейля с его «Сингулярностью» и расшифровки человеческого генома. Я говорю сейчас о «русском космизме» в версии К.Э. Циолковского. Данная философия не использовала понятие Homo Super, но ей была близка идея проектного «апгрейда» человеческого тела (не мозга) для облегчения заселения «эфирных пространств». Нужно иметь в виду, что в космизме предполагалось: наука рано или поздно научится воскрешать мертвых, это создаст проблему перенаселения и вынудит необходимость космических поселений. Хотя Циолковский понятия не имел о космической радиации и ничего не знал о влиянии невесомости на костную ткань, он пришел к выводу, что человеческое тело, адаптированное к Земле, будет плохо чувствовать себя в космосе – даже со всеми техническими «примочками» типа скафандров. Отсюда – понятное желание изменить это тело вплоть до внедрения в кожу хлорофилла и перехода к прямому питанию солнечными лучами.

В более поздние времена идея проектно «усовершенствованного» или «трансформированного» человека присутствовала в советской фантастике: «Человек-амфибия» А. Беляева, «День гнева» С. Гансовского, ряд рассказов И. Россохватского, «Иду по трассе» П. Амнуэля. На закате советской империи эта тема – в версии инициации третьей сигнальной системы – обсуждалась братьями Стругацкими в романе «Волны гасят ветер» (людены), отчасти В. Рыбаковым в повести «Вода и кораблик» и Н. Ютановым «Фея красного карлика», «Ангел южного окна». Особняком стоит «Изгнание бесов» А. Столярова, где эволюционный сдвиг носит непроектный характер.

На Западе тема постчеловеческой и нечеловеческой эволюции рассматривалась Г. Лавкрафтом (кстати, космистом), в какой-то мере – Э. Гамильтоном. Идея третьей сигнальной системы присутствует в «Человеке без лица» А. Бестера и, на что далеко не все читатели обратили внимание, в поздних «Основаниях» А. Азимова: жители Геи –

это искусственно сконструированные Номо с аналогом Трех Законов Роботехники и с всеобщей межпространственной связью (телепатией).

Понятно, что эти списки отнюдь не исчерпывающие, но вот что интересно – фантасты, и советские, и американские, были далеко не столь радикальны, как современные трансгуманисты. Речь шла не о «замене» Человека и его вытеснении Номо Super, а о дополнении человеческих качеств некоторыми ранее недоступными для нас возможностями. Иначе говоря, трансгуманоиды в произведениях фантастов оставались людьми, считали себя людьми, и общество воспринимало их как «специально адаптированные к определенным условиям внешней среды формы человека». Даже это создавало очень серьезные нравственные и социальные коллизии.

При реализации «hard-трансгуманистического подхода» люди и «сверхлюди» изначально воспринимают друг друга как эволюционных конкурентов. С учетом антропологической истории нашего вида, то есть судьбы неандертальцев, синантропов и прочих «альтернативных сапиенсов», не подлежит сомнению, что первая же попытка создать Номо Super, о которой станет известно сколько-нибудь широкому кругу лиц, приведет к предельной или видовой войне, войне на уничтожение. Что победит – численное превосходство обычных людей или же особые качества «суперов» – сказать заранее нельзя, но в обоих вариантах от цивилизации, надо думать, камня на камне не останется.

Как человек, принадлежащий к христианской онтологии, я поставлю в этой войне на обычных людей. В сущности, трансгуманисты здесь допускают ту же ошибку, что и сторонники концепции технологической сингулярности. Будучи предельными сциентистами, и те, и другие полностью игнорируют гуманитарные науки и законы развития общества, не говоря уже об Ином, Трансцендентном и т. д.

«Сингулярщики» не учитывают, что задолго до их «точки перехода», где скорость технологической эволюции становится бесконечной, общество полностью потеряет устойчивость – политическую, военную, социальную и технологическую. Оно перейдет в состояние, несовместимое с существованием сколько-нибудь сложных технологий. Трансгуманисты не желают понять, что создавая эволюционного конкурента самому процветающему на Земле биологическому виду, привыкшему к своей «монополии на разум», они вызовут всеразрушающую войну.

«Hard-трансгуманизм» должен рассматриваться или как «преступление против человечности», подлежащее расследованию международного Трибунала, или даже как преступление, вообще не имеющее аналогов. В то же время «soft-версия» обсуждалась в фантастической литературе около столетия^[131] и была найдена социально приемлемой, а для космического/ноосферного вектора развития едва ли не единственно возможной.

«Hard-трансгуманизм» должен рассматриваться или как «преступление против человечности», подлежащее расследованию

международного Трибунала, или даже как преступление, вообще не имеющее аналогов. В то же время «soft-версия» обсуждалась в фантастической литературе около столетия и была найдена социально приемлемой, а для космического/ноосферного вектора развития едва ли не единственно возможной.

Суть дела – в принципиальном различии хозяйствования и экономической деятельности. Экономика создает товары и продает их на рынке. Если рынок отсутствует, производить товар бессмысленно. Экономика может осваивать новые территории, только если это сопряжено с созданием новых рынков и может быть проделано достаточно быстро.

Это приводит к невозможности экономического освоения Космоса: соответствующие рынки отсутствуют, объем необходимых инвестиций чудовищен, срок возможной (отнюдь, не гарантированной) окупаемости составляет столетия.

Хозяйствование производит продукты, которые потребляются на территории, повышая ее ценность, как места обитания людей. Задача хозяйствования – продвижение границ, превращение пустошей, где люди не могут существовать вообще или где им неудобно и некомфортно жить, в Ойкумену. Хозяйствование экономически неэффективно, но оно способно расширять области, контролируемые людьми, в том числе – осваивать космическое пространство.

Трансгуманоиды, естественно, появляются в обеих моделях. В экономике – это вообще единственная возможность космической экспансии. В хозяйствовании – альтернативная версия: не окультуривание пустоши, но изменение человека таким образом, чтобы он мог существовать в этой пустоши.

С формальной точки зрения, **создать трансгуманоида, способного выживать в сильных магнитных и радиационных полях, вероятно проще, нежели создать и вывести из гравитационного колодца Земли корабль, защищенный от таких полей.** При этом, во всем остальном такой трансгуманоид может быть полностью антропоморфным и генетически совместимым с обычными людьми.

Космическая экспансия Человечества является абсолютной ценностью в любой версии космизма, в ноосферной онтологии, онтологии Вселенной. Вытекает она и из предельной онтологии Бога: «владей этим миром» – говорится ведь в Библии не только про поверхность Земли.

Так что идея «мягкого трансгуманизма» отчасти онтологически обоснована, и ее практическая реализация выглядит по-разному в разных онтологиях. И вновь приходится повторять: адепты этой модели, прекрасно разбираясь в генетике, эволюционной биологии, кибернетике, теории информации, совершенно безграмотны в философском и

религиозном отношении. Естественное порождение эпохи постмодерна и болонской системы образования.

Подведем итоги. Трансгуманизм существует в двух основных версиях — биогенетической и кибернетической. Обе версии могут иметь «hard» и «soft» формы. **В «hard-трансгуманизме» речь идет о завершении человеческой фазы истории.** Homo Sapiens заменяется биогенетическим Homo Super или кибернетическим AI. Прежние люди более не нужны, они уничтожаются или вытесняются в резервации, сами вымирают или продолжают жить, как будто ничего не произошло (нужное вписать!). В «soft-версии» обычные и технически усовершенствованные люди социально и генетически совместимы. Равным образом Искусственный Интеллект соединяется с человеческим в человеко-машинных системах^[132].

Реализация идей трансгуманизма, даже в его «мягкой» форме, представляет собой сложную техническую задачу, почти неразрешимую социальную задачу и предельную философскую задачу.

«Русский ответ» на трансгуманизм — это развитие специфически российских ветвей философского мышления — русского космизма и ноосферной/софиосферной онтологии.

Трансгуманизм, искусственный интеллект и будущее игр *Елена Ларина*

Буквально с каждым годом все возрастающее число фактов позволяет неангажированным исследователям утверждать о наличии нисходящей деструкционной динамики не только в политэкономическом, но и социально-культурном и даже бытовом существовании людей. На наших глазах происходят процессы отрицательной конвергенции. В подавляющем большинстве стран мира одновременно, накладываясь друг на друга, все яснее проявляют себя наиболее негативные черты реального социализма и деструктивные компоненты позднего капитализма. Ни США, ни Китай, ни ЕС, ни Россия не избежали этого процесса.

Технико-технологический прогресс, будучи динамикой второй природы или мира вещей и технологий, формируется и изменяется в значительной степени под воздействием социально-экономических отношений и культурно-поведенческих тенденций. Помимо прочего, это означает, что один и тот же процесс, будучи реализованным в восходящей или нисходящей фазах цивилизационной динамики, имеет существенно различное содержание и различную наполненность. Если содержание отражает, что называется, суть дела, и определяет алгоритмический, технологический порядок того или иного процесса, то

наполненность связана с пониманием сути процесса со стороны общества и, прежде всего, групп, принимающих решения.

Столь витиеватое введение потребовалось для обоснования не вполне тривиальной, но имеющей множество фактических доказательств мысли. Если сравнить тот или иной процесс, явление или феномен с конфетой или батоном колбасы, то в глаза бросается следующее. В восходящей фазе всех интересует суть дела — состав колбасы или вкус конфеты. В нисходящей же, деструктивной фазе все внимание переключается на внешние проявления. Здесь действует принцип **«Упаковка или обертка — все, а вкус и содержание — вторично»**.

В нынешнее время ключевые факторы и процессы социодинамики получают поверхностную оценку. Причем это происходит не только на уровне публикаций в желтых медиа или в выступлениях политиков, но и в среде профессионалов тех или иных областей знания.

Сегодня только ленивый не говорит об искусственном интеллекте, трансгуманизме, реальности и виртуальности цифрового мира. Как только заходит речь об искусственном интеллекте, в ход идут абсолютно **безграмотные суждения** о неизбежности замены человека искусственным разумом, о враждебности искусственного интеллекта к социуму, о поистине безграничных возможностях программно-аппаратных средств в условиях естественных ограничений способностей и возможностей человека. Эта безграмотная чушь буквально забила все информационные магистрали и сформировала не только у населения, но и ведущих международных политиков мистическую (до шизофрении) картину мира.

Еще 40 лет назад не только гигантам мысли, но и просто интересующимся гражданам, а тем более — исследователям и работникам министерств и ведомств, было ясно и понятно, что такое искусственный интеллект, что он может, а чего — нет. Однако, на место твердой научной фантастики пришло причудливое фэнтези. Эльфы и гномы победили не только Саурана, но и разрушили мир Кольца из Туманности Андромеды. Двоечники 80-90-х годов стали лицами, принимающими решения. Соответственно, искусственный интеллект они воспринимают исключительно в жанре фэнтези, как что-то могущественное и злое, как сакральная опора неправильной власти.

На место твердой научной фантастики пришло причудливое фэнтези. Эльфы и гномы победили не только Саурана, но и разрушили мир Кольца из Туманности Андромеды. Двоечники 80-90-х годов стали лицами, принимающими решения. Соответственно, искусственный интеллект они воспринимают исключительно в жанре фэнтези, как что-то могущественное и злое, как сакральная опора неправильной власти. Между тем, искусственный интеллект, по сути, мало чем отличается от механического счетного аппарата типа арифмометра.

Между тем, искусственный интеллект, по сути, мало чем отличается от механического счетного аппарата типа арифмометра. Благодаря высочайшему темпу осуществления вычислений он способен в единицу времени проводить гигантское количество комбинаторных операций. А эти операции, в свою очередь, позволяют распознавать те или иные явления и процессы, оптимизировать их по критерию затраты/результаты и, наконец, создавать нечто новое из комбинаций, т. е. добавления и отнимания каких-то базовых элементов. Вот эти три операции, а именно классификация, оптимизация и морфинизация, и составляют полный набор операций, выполняемых искусственным интеллектом в самых различных сферах знания, производства и досуга.

В этой констатации нет никакого умаления мощи или значения искусственного интеллекта. Искусственный интеллект столь же полезен, как и реактивный двигатель. Он позволяет решить целый ряд специализированных задач и сделать в этой области возможным то, что еще вчера считалось немыслимым. Однако, утверждать превосходство искусственного интеллекта над человеком приблизительно то же самое, что и полагать самолет превосходящим пилота. Бесспорно, скорость самолета делает бессмысленным его сравнение с пилотом по конкретному параметру, а именно скорости передвижения. Но пилот — это не машина для передвижения. Точно такая же ситуация с искусственным интеллектом. Он способен в сотни, а возможно и тысячи раз быстрее осуществлять те или иные вычисления по программам и алгоритмам, заданным людьми.

Таким образом, для того, чтобы не поддаваться на сладкие, или наоборот алармистские, песни сирен электронных медиа, надо соблюдать информационную диету, сохранять здравомыслие и пользоваться содержательным подходом к рассмотрению явлений и процессов.

Поскольку искусственный разум — это гигантское вычислительное устройство, то он работает исключительно с дискретными процессами и предполагает, в подавляющем большинстве случаев, наличие человекомашинного взаимодействия или интерфейса. И вот здесь мы прямоком выходим на следующего ключевого героя псевдонаучного фэнтези десятых годов нынешнего столетия, а именно — на трансгуманизм.

Трансгуманизм существует сравнительно недавно, меньше двух веков. Строго говоря, его появление в нынешнем виде сопряжено с глобальным признанием теории одного известного путаника — Чарльза Дарвина. Как сегодня выясняется, он, в значительной степени использовал для доказательства своей теории не экспериментальные факты, а натуралистские суждения.

Ни один серьезный человек не будет спорить, что любые живые системы являются в высокой степени неравновесными, а потому обладают нелинейной динамикой. Направленность этой динамики подавляющее большинство продвинутых биологов полагает прогрессивной. Однако,

есть и вольнодумцы, типа крупнейшего французского палеонтолога Д. Кremo. Он полагает, что вот уже длительный период времени в мире происходит деволюция живого.

Как бы там ни было, многочисленные доброкачественные и проверенные факты позволяют утверждать, что формы, содержание, функционал и взаимозависимости живых существ, в том числе и человека, носят не статический, а динамический или эволюционный характер. Они изменяются, мутируют, переживают морфизмы и т. п.

После некоторого, в последние 15–20 лет, застоя эволюционная наука совершила целый ряд прорывов. Они позволяют сделать прогноз о формировании в ближайшие годы новой теории живого, опирающейся на эволюционную парадигму, генетическую морфологию и ценозную логику изменений. На сегодняшний день практически неопровержимо доказано, что скачки с видообразованием сопряжены не с изменениями условий жизни отдельных животных и растений. Скачкообразность следует связывать с жесткими испытаниями новыми условиями сложных взаимодействующих внутри себя сетей живых существ, – сетей, скрепленных пищевыми цепочками.

Прогресс эволюционизма привел здравомыслящих исследователей к достаточно тривиальной мысли о том, что человек, будучи живым существом и в некотором смысле общественным животным, также претерпевает эволюцию. Соответственно нельзя быть на 100 % уверенным, что нынешние люди – венец эволюции и на них она заканчивается.

Если в XIX – первой четверти XX веков трансгуманизм как теория и практика дальнейшей эволюции человеческого рода носил в основном биологический характер, то затем он перестроился на технологический путь. Биологический трансгуманизм еще в XIX веке получил название евгеники.

Суть и технологии использования евгеники весьма просты. Будучи живым существом, человек, бесспорно, подвержен дестабилизационному отбору и прямому воздействию на изменения психофизиологических параметров через генную и эпигенетическую системы. Исследователи установили, что человек, подобно высокоорганизованным представителям фауны (типа дельфинов и китов, слонов и некоторых видов приматов) хорошо поддается дестабилизирующему отбору и быстро переходит на уровень генетического наследования тех или иных признаков, которые были искусственно выведены в той или иной популяции. Чтобы не объяснять в популярном материале особенности этого мощнейшего вида искусственной эволюции, отошлем читателей к книге Л. Дугаткина и Л. Трут «Как приручить лису (и превратить в собаку)». Книга живо и объективно повествует о возможно наиболее выдающемся генетическом эксперименте XX века. Выдающемся, а возможно и гениальному, советскому генетику Дмитрию Беляеву из Сибирского отделения АН СССР удалось, используя исключительно

методы искусственного отбора и генетического подкрепления, сократить процесс эволюции с 15 тыс. лет до полувека. Начав в 1959 г. эпигенетические эксперименты, команда Беляева в начале нулевых вывела жизнеспособную, энергичную, веселую домашнюю лисицу, по повадкам напоминающую одновременно кошку и отчасти собаку. Уже после Беляева и его учеников, их продолжатели, работая в Скандинавии, смогли за три поколения сформировать у ряда видов приматов, крыс и волков эпигенетически закрепленные чувства.

Приведенные примеры говорят, что человек, благодаря своей информационно-энерго-материальной организации – не есть, если можно так выразиться, законченное творение природы. Он является «биоматериалом», вполне пригодным для дальнейшей трансформации. В этом смысле уже сегодня имеется достаточно весомых аргументов, чтобы утверждать не только возможность, но и **практическую неизбежность трансгуманизма как пучка технологических пакетов, обеспечивающих дальнейшее совершенствование вида homo sapiens.**

Однако, крушение Советского Союза, подобно затоплению Атлантиды, привело к потере или в лучшем случае глубокой консервации целых пластов знаний и технологий, остающихся недоступными до сего дня. Так, наряду с гуманитарными развивающимися технологиями того же Д. Беляева, можно привести в качестве примера социогенетические исследования ведущего советского генетика В. Эфроимсона, биофизические технологии и устройства доктора Цзяна и т. п.

Параллельно с отступлением в подполье научного человеческого эволюционизма, в силу принципа «общественность не терпит пустоты», место гуманитарного эволюционизма занял технократический трансгуманизм. Если совсем грубо, то в современном вульгарном, в известной степени медийном, трансгуманизме можно выделить **три основных его проявления.**

Первое – радикальный, **идеологический трансгуманизм.** Он имеет два фланга: американский и российский. Заокеанский базируется на тесной координации Американского общества трансгуманизма под руководством одного из топ-менеджеров Google Рея Курцвейла. Российский – на общественном движении «Россия 2045». В него вошло значительное число достаточно добросовестных исследователей и разработчиков, привлечённых перспективой больших государственных ассигнований, которые в итоге оказались миражом.

Пик этого направления пришелся на 2011–2013 годы. Затем насущные политические задачи ограничили перспективы движения «Россия 2045», а далее, без российского крыла, потеряла динамичность и американская часть. Однако, принимая во внимание, что на 2021 г. в Соединённых Штатах намечена всемирная конференция сторонников трансгуманизма, есть смысл коротко остановиться на идеях данного направления.

Трансгуманисты по обе стороны Атлантики решили подвести под движение прочную идеологическую базу, используя для этого учение Н. Федорова о воскрешении всех живших и концепт Земли как живого разумного существа по имени Гайя. Что же касается собственно сердцевины трансгуманизма в версии Курцвейла, то здесь центральное место занимает надежда на личное бессмертие.

В отличие от российских участников, надеявшихся на государство, гуру из Google и других техногигантов Америки, объединившиеся в трансгуманистическую «тусовку», справедливо решили, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Они открыли три центра, пользующихся по обе стороны Атлантики, заметным вниманием у сильных мира сего. Ведь последним обещалось ни много ни мало, но личное бессмертие, – если не сегодня, то в ближайшем будущем.

Прекрасно осознавая невозможность копирования психики и сознания на электронный носитель, гуру трансгуманизма, тем не менее, разработали и запустили процедуру многодневной приборной записи всех параметров мозга, включая биохимические процессы, физикопространственные процессы, кодирование электромагнитных сигналов мозга и т. п.

Альфа и омега трансгуманизма – это характеристика сознания как исключительно продукта деятельности мозга. Причем, таким продуктом, который не имеет никаких иных причин и факторов. Дескать, зафиксировав изменения в мозге по линиям нейромедиаторного, физико-топологического и электромагнитного кодирования, можно перенести в память компьютера своего рода слепок личности. Далее, когда рано или поздно наука научится динамизировать сделанные сейчас записи, именно они станут базой для реинкарнации давно замороженных в специальных камерах людей.

Радикальные трансгуманисты полагают, что человеческая психика – это такой же продукт деятельности мозга, как, скажем желчь – продукт печени. Соответственно, когда синтетическая биология и геновая инженерия позволят вынашивать эмбрионы с мозгами под заказ, то для определения параметров мозга, требуемых для конкретного клиента, состав заготовленной уже сегодня «желчи» и будет выступать своего рода ориентиром.

Все это, конечно, чушь. **Человеческий мозг, как это уже неопровержимо доказано, имеет ни одну, а целых три относительно независимых друг от друга системы кодирования.** Они носят соответственно электромагнитный, физико-топологический и физико-химический характер. К тому же, личность появляется не во всяком мозге, а лишь у того индивидуума, который взаимодействует с другими людьми. В противном случае лишенный человеческого общения ребенок либо погибнет, либо при более благоприятном стечении обстоятельств превратится в Маугли. Серьезным исследователям и практикам вполне очевидно, что между

мозгом и психикой существуют весьма необычные, нелинейные связи и взаимоотношения. В силу определенных ограничений, вытекающих из сущности взаимоотношений между психическим и физическим началами, мечта записать себя на компьютер навсегда останется в мире фантастики.

Второе проявление — так называемый **прагматический трансгуманизм**. Биоматериаловедческие и коммуникационные технологии достигли огромного прогресса в последние 50 лет. За этот период удалось не только совершить разработки и начать производство, но и обеспечить доступность (по ценам) изделий, имитирующих, с той или иной степенью успешности, органы человека, в первую очередь — руки, ноги, суставы и т. п. Корпус морской пехоты США с конца 90-х годов прошлого века инициировал разработки искусственных имплантатов. В десятые годы первые имплантаты стали устанавливаться морским пехотинцам, получившим травмы опорно-двигательного аппарата той или иной степени тяжести. Удалось неопровержимо установить, что после операций и специальных тренировок солдаты и офицеры смогли восстановить, полностью или частично, свои двигательные функции и, в подавляющем большинстве, даже вернуться на боевую службу. С начала десятых годов умеренная или ограниченная киборгизация прежде всего военных, а также лиц, пострадавших в различного рода ЧП, превратилась в США в небольшую, но процветающую с высокой динамикой отрасль экономики.

Если вдуматься, то ограниченная киборгизация с заменой тех или иных частей и органов человеческого тела является де факто трансгуманизмом. Человек становится гибридом собственно представителя *homo sapiens* и технических средств.

Наконец, **третье**, возможно наиболее спорное проявление трансгуманизма — это постепенная **дивергенция населения планеты** не на расы, а **на различные виды** человечества. К неизбежным процессам бесперспективно применять моральные критерии. Например, зимой темнее и холоднее, чем летом. Однако, у здравомыслящих людей это никогда не будет выступать аргументом в пользу объявления зимы греховной и наложения на нее анафемы. Также бессмысленно стоять на пути биоин-формационных попыток создания совершенного человека, способного жить одновременно в реале и в виртуале. Речь также может идти о человеке устойчивом, одинаково комфортно существующим в мире сверхстрессов-катаклизмов и в мире стабильности. Можно представить и человека коммуникабельного, способного на порядок глубже и лучше устанавливать связи с другими членами группы и на основе коллективного разума решать проблемы, недоступные одиночкам.

Применительно к эволюционному трансгуманизму, о котором речь шла выше, проблема заключается в ином — в вероятном отсутствии доступа к его технологиям для 99 % населения планеты. Здесь реально

закладывается огромная несправедливость. Однако, как показывает опыт развития технологий, еще ни разу никому и нигде не удалось надолго затормозить технологический процесс. Он все равно находил выход и проникал внутрь неподготовленного общества.

У современного общества, пожалуй, есть **один способ подготовиться к эволюционирующему трансгуманизму. Речь идет об играх.**

Как свидетельствуют данные археологических раскопок, а также внимательный анализ визуальных и письменных памятников истории человечества, игра наряду с искусством и нарративом сопровождала человеческую жизнь с самых смутных веков появления человека до сегодняшнего дня. Игра – это такой же обязательный феномен, как наука, искусство, вера, война, созидательная деятельность. Она сформировалась на заре человеческой цивилизации и присутствует, изменяя пропорции и конкретные виды, на протяжении всей истории человеческого рода. Кстати, характерно, что первыми в интернет пришли именно игроки – и произошло это еще до электронной коммерции, инвестиционного дилинга, размещения лекций ведущих исследователей и т. д. Более того, не будет преувеличением сказать, что в первые десятилетия именно электронные игры были локомотивом развития интернета. Покорившие и стар и млад, они стали учебником работы с информационно-коммуникативными технологиями (ИКТ) и заложили основы интернет-экономики. Более того, игры в решающей степени способствовали развитию программно-аппаратной и иной инфраструктуры всемирной сети.

Как правило, в литературе сложилась традиция с той или иной степенью ожесточенности ругать интернет-игры и подводить под них не только обвинения в бесцельной трате времени, но и в размывании патриотизма и насаждения обломовщины. Эти негативные проявления связываются со следующим фактором – победа в игре нередко воспринимается как фактор реальных свершений. Отчасти все эти оценки справедливы. Но, представляется, что эта часть крайне мала. Суть игры, когда бы, кто бы и во что бы ни играл, всегда сводится к моделированию или имитации неких реальных процессов, событий, случаев. В этом плане даже фантазийные игры вносили и вносят свой вклад в образование, обучение и формирование социальных навыков игроков.

Бесспорно, и это доказано, игры, способствуя работе в многозадачности, ослабляют концентрацию. Наряду с ростом дисциплинированности, они увеличивают зависимость. Вместе с повышением способности к направленной интуиции игры негативно сказываются на последовательном, рациональном мышлении. Однако, в современном мире нет ничего даже самого чистого, светлого и хорошего без недостатков, тайн и грязи. Поэтому наличие недостатков – отнюдь не аргумент для запрещения или радикального ограничения чего-либо.

Нынешний мир понижающей тенденции организован таким образом, что для поддержки хоть какого-либо прогресса он вынужден действовать

по законам женской моды второй половины XX века. Тогда, как минимум раз в пять-семь лет, сильные мира сего полностью меняли моду, понуждая миллионы женщин по всему миру обновлять туалеты.

Накопленный опыт не прошел даром. Он активно используется собственниками и топами ведущих IT-корпораций. Раз в три-четыре года они обязательно выбрасывают на концептуальный рынок что-то новое, стремясь прекратить дискуссии об относительно старом и об ответственности, почему это старое – не столь блистательно, как обещалось. Благодаря этому уникальному открытию IT-компаний **постоянно получают все новые и новые инвестиции. При этом, за старые инвестиции, благодаря уходу темы в подполье, их уже никто не спрашивает.**

Достаточно вспомнить начало нулевых годов, связанное с поисковиками, вторую половину нулевых – с социальными сетями, первую половину десятых – с большими данными, середину десятых – с мессенджерами и коммуникаторами, и самые последние годы – с искусственным интеллектом. Сейчас с высокой степенью вероятности можно прогнозировать, что новый бум, который обязательно разразится в ближайшие два-три года, будет порожден коммерческим освоением технологий «совмещенной реальности».

Совмещённая реальность – это следующий (после искусственного интеллекта) «священный Грааль» информационного мейнстрима. Совмещенная реальность объединяет реал и виртуал, физическую и электромагнитную среды, аналоговый и цифровой компоненты мира. Если говорить просто, то в совмещенной реальности человек наблюдает не только явления и процессы реального мира, но и тут же, в режиме онлайн, получает исчерпывающую информацию по всем объектам виртуальной реальности. Виртуальность «вставляется» в реальный мир и благодаря парадоксам человеческого восприятия, этот мир воспринимается как единое целое – совмещенную реальность (иногда вместо «совмещенная» используется термин «дополненная» реальность). Она потому и совмещенная, что позволяет с неотличимостью для человеческого восприятия дополнять физическую реальность тем, что не находится в ней, но присутствует как органический элемент естественной реальности.

Уже сегодня совмещенная реальность используется на поле боя, где действуют спецподразделения, оснащенные распределенными компьютерами с вставными линзами. Они используются как экраны для трансляции, позволяющие обеспечить подавляющее информационное преимущество. Подобные системы используются коммерческой разведкой при проведении переговоров или расследований. Они обеспечивают **полную информационную проницаемость контрагента, партнера или конкурента.**

В 2021 г. намечен выпуск первых игр в масштабе совмещенной реальности. Они быстро создадут рынок, измеряемый десятками, а то и

сотнями миллиардов долларов. Главное же, данные игры откроют возможности для производства обучающих курсов самой различной тематики, перехода к платформенному образованию и т. п.

Если обратиться к книгам и фильмам, как художественным, так и документальным, о закономерностях и темпах развития научно-технического, гуманитарного и социального прогресса, появившимся в СССР, да и на Западе, то несложно заметить их жизнеутверждающий оптимистический и гуманистический характер. Однако, поздний капитализм и так называемый финансиализм, восторжествовавший в последние 25 лет на планете, извратили и технологический прогресс, и искусственный интеллект. Извращено было и то, что в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века называлось бионикой, а сегодня – биотехнологиями. В настоящий момент имеет место начальная стадия терминального кризиса капитализма. Мир, каким он существовал до 2020 г., с чрезвычайно высокой степенью вероятности, не имеет будущего. Более того, рискну сделать прогноз, что этот мир потребует переосмысления и, в значительной степени, перевооружения как искусственного интеллекта, так и технологий совершенствования человека. Какой выбор будет сделан, зависит от характера и направленности процессов, которые разворачиваются на наших глазах.

Голем-цивилизация и стратегии сохранения личности *Виталий Даренский*

Современная цивилизация уже подготовила необходимые условия для расчеловечивания человека

Трансгуманизм является закономерной реакцией на секуляризацию сознания: жажда бессмертия неустранима, и когда человека лишили знания о бессмертии подлинном, о котором говорит религия, он пытается придумать бессмертие искусственное, достигаемое с помощью технических средств. Трансгуманизм – классический пример «псевдоморфоза» (О. Шпенглер), т. е. аберрации мысли и культуры, когда соединяются чуждые друг другу форма и содержание, порождая странный гибрид. В данном случае религиозная идея бессмертия души и преображения человека выражается в натуралистической идее о том, что человек «не является последним звеном эволюции», а значит, может «совершенствоваться до бесконечности с помощью искусственных средств» и в пределе достигнуть «цифрового бессмертия».

Последняя идея основана на явном философском невежестве – ее адепты наивно полагают, что сознание человека имеет «материальный

носитель» — мозг, и с него может быть «пересажено» на другой — искусственный. На самом же деле, сознание является свойством души, а не тела, и вместе с душой оно выходит из тела в момент смерти. С мозгом же оно связано только опосредованно — через душу. Поэтому из мозга — этого «пучка белковых проводов» — пересаживать совершенно нечего и некуда, никакого сознания и «личности» там нет.

Впрочем, философская наивность адептов трансгуманизма не мешает им делать вполне реалистичные прогнозы будущей «киборгизации» человечества. Но из-за своей наивности они думают, что эта «киборгизация» будет великим благом и прогрессом, хотя в действительности она будет той катастрофой, которая уже вплотную подведет человечество к порогу Апокалипсиса. А у тех, кто определяет ход глобальных процессов (мировой олигархии, «хозяев денег») «киборгизация» является не более чем очередным инструментом тотальной манипуляции человечеством, которой мы должны эффективно противостоять.

Сознание с мозгом связано только опосредованно — через душу. Поэтому из мозга — этого «пучка белковых проводов» — пересаживать совершенно нечего и некуда, никакого сознания и «личности» там нет. Впрочем, философская наивность адептов трансгуманизма не мешает им делать вполне реалистичные прогнозы будущей «киборгизации» человечества. У тех, кто определяет ход глобальных процессов (мировой олигархии, «хозяев денег») «киборгизация» является не более чем инструментом тотальной манипуляции человечеством. На современном уровне развития генной инженерии и нанотехнологий стала реальной возможностью мутагенная катастрофа. Разрушение генокода человека по своим масштабам сопоставимо с опасностью ядерной войны.

Традиционные методы манипулирования сознанием в настоящее время дополняются еще более мощными и эффективными методами, связанными с использованием виртуальной реальности, психотропных средств и вживлением в человека микрочипов. С помощью этих средств можно получить огромные массы полностью контролируемых людей, выполняющих заданные программы деятельности. На этой основе возможно переформатирование социума и создание кибер-тоталитаризма. Многие элементы этого переформатирования наблюдаются уже в наше время, но еще не приобрели системный характер. Исходя из этого, важнейшей задачей является защита людей от подобного рода воздействий. Такая система может быть обеспечена только на государственном уровне. Кроме того, на современном уровне развития генной инженерии и нанотехнологий стала реальной возможностью мутагенная катастрофа. Разрушение генокода человека по своим масштабам сопоставимо с опасностью ядерной войны. Защита населения от гено- и нано- оружия также в настоящее время становится важнейшей функцией государства.

Возникающую новую реальность можно назвать *голем-цивилизацией*, а используемые ею средства – *голем-технологиями*. Как известно, Голем – персонаж еврейской мифологии, это искусственно созданное существо, оживлённое магами-каббалистами с помощью тайных знаний, как некое подобие Адама, которого Бог создал из глины. Этот сюжет на самом деле является общечеловеческим – например, он содержится и в русских сказках: о Глиняном Парне и Снегурочке. Но Голем, по легенде, превышает свои «полномочия», выходит из-под контроля и восстает на своего творца – человека, проявляет свою волю, противоречащую воле его создателя: искусственный человек делает то, что преступно с точки зрения естественного живого человека. Вполне очевидно, что вышеуказанные гено- и нано- технологии и «киборгизация» не могут в полной мере контролироваться человеком, т. е. рискуют породить не что иное как сознательно создаваемый «голем». Если предшествующая ей «фаустовская» цивилизация была основана на компромиссе с силами зла ради достижения материального «успеха», что и привело к трагической гибели Фауста; то голем-цивилизация уже не контролирует сама себя.

Стоит отметить, что предпосылки голем-цивилизации формируются уже сейчас, еще до массового внедрения упомянутых технологий. Формируемый современной техникой человек радикально деперсонализируется, поскольку он **попадает в особую систему психологических зависимостей, становящихся очень устойчивыми, доходящими до уровня рефлекса.** Включенный в сложную систему технических средств обеспечения жизнедеятельности на всех ее уровнях, он становится внутренним зависимым элементом этой системы. Именно она теперь на самом базовом уровне формирует его потребности, желания, эмоции и мотивы деятельности. В результате этого у человека возникает устойчивое состояние, при котором он, по выражению А.Н. Покровского, *«не должен точно знать, чего же он желает; ему достаточно лишь интуитивно ощутить некоторый дискомфорт в связи с нехваткой чего-то, как весь техногенный аппарат обеспечения существования закружится перед ним во всем богатстве контролируемого выбора, призванный не просто удовлетворить любое допустимое желание во всех его нюансах, но сгенерировать это самое желание, оправдать его правомерность и «нормальность»»*. Таким образом, поведение человека, в конечном счете, сводится *«к примитивным формам рефлекторного реагирования на различные раздражители, результаты которого известны заранее. такое освобождение на уровне первичных позывов нездоровой человеческой психики сопровождается установлением опосредованного условиями существования, но от этого еще более жесткого контроля над сознанием человека. И репрессивность этого контроля заключена в самой системе потребления, самом дискурсе техногенного универсума. Нарушение личностной идентификации. психологическая примитивность являются, таким образом, не*

просто следствиями, но ключевыми условиями техногенного порядка существования, которые необходимо должны воссоздаваться в массовых масштабах как единственное условие воссоздания техногенного общества»^[133].

Здесь формирование человеческого мировосприятия и модели поведения происходит исключительно по образу абсолютно бесчеловечной техногенной реальности, в которой человеческие качества принципиально вытесняются. Участие человеческого субъекта в этой реальности состоит в том, что его сознание начинает работать как безличный переработчик информации. Способность же к отбору и оценке этой информации атрофируется. То есть, в отличие от «органопроекции» как самопознания посредством орудий, здесь происходит прямо противоположный процесс – **забывание себя как человека – посредством «растворения» сознания в искусственной техногенной реальности**. Человек «выстраивает» себя по модели технического устройства. Сознание впадает в устойчивую зависимость от потоков информации – в первую очередь, образной, поскольку привычка работать со сложной текстовой информацией также неуклонно атрофируется, будучи почти бесполезной. Аналогичный процесс происходит и во внешней предметной деятельности человека, в которой формируется устойчивая привычка к максимальному комфорту, расслаблению и развлечению. Вследствие этого, определяющими свойствами образа человека, формируемого этой новой реальностью, являются: общая примитивизация мышления, «картины мира» и стиля общения, манипулятивный характер отношений с социумом, виртуальность и эгоцентризм.

Этот деградационный тип человека как «биосоциального автомата», формируемый современной техногенной цивилизацией, является самым удобным «материалом» для любого манипулирования. Как показывает опыт, эффективно противостоять процессам деградации человека до состояния социального «биоавтомата» можно с помощью альтернативных культурных и социальных практик. Объективным факторам деперсонализации человека может эффективно противостоять **включенность человека в глубинную культурную традицию, сохраняющую в себе образ мира и человека дотехногенной эпохи**. В этом случае происходит локализация модели человека как манипулируемого биосоциального автомата, действующего и мыслящего в соответствии со стереотипами информационной и техногенной среды, – только в рамках этой среды, за пределами которой он сохраняет способность быстро «переключаться» в более естественный режим деятельности и мышления. Деструктивный техногенный образ человека как социального «биоавтомата» может быть локализован с помощью альтернативных культурных и социальных практик, сохраняющих в себе образ человека, основанный на непрагматических ценностях. Воспитание и развитие этой способности возможно только в

том случае, если человек проходит социализацию в рамках нормальной образовательной системы, основанной на усвоении классического культурного наследия и ознакомления с нормами научного мышления и базовыми понятиями традиционной религиозной культуры своего народа. В условиях разрушения качественной образовательной системы ее может заменять самообразование. Но в любом случае только классическое культурное наследие во всех его формах (мораль, наука, искусство, религия) является тем единственным реальным компенсирующим фактором, который может эффективно противостоять тому объективному процессу примитивизации человека, который определяется неотвратимым воздействием современной техногенной среды. Однако, и это средство может не «срабатывать» и сознательно блокироваться с помощью средств манипуляции массовым сознанием, навязывающим свой образ человека.

Основные тенденции будущего С. Лем описывал с помощью еще трех моделей, которые ныне в полной мере сбываются. Это: 1) интеллектроника (эволюция разума, как естественного, так и создание его искусственных моделей); 2) фантомология – прообраз понятия «виртуальной реальности», которая связана не только с компьютерами, но и с более традиционными способами воздействия на сознание; 3) биоэволюция – генное (хотя и не только) конструирование человечества как вида и человека как индивида. На рубеже XX–XXI веков С. Лем зафиксировал катастрофические тенденции в современной цивилизации, выражающие крайнюю культурную деградацию господствующего типа человека. Он писал: *«Эта абортивность, повсеместное влияние недоносков – это хилиастическая закатная истина конца тысячелетия, цивилизация, технизированная и переавтоматизированная до такой степени, что становится нашим идолом-покровителем, абсолютно всеохватывающим, который берет нас под опеку и заботится о каждом космическом и земном шаге, становится своего рода адом, в который мы, сами того не желая, превратили наши стремления к повсеместному благополучию»*^[134]. Термин «абортивность» (ранее использованный М.К. Мамардашвили) фиксирует тот факт, что современный человек, превращаясь в биосоциальный автомат, остается нерожденным как личность и живет на таком примитивном уровне смыслов, что его метафорически начинают называть «постчеловеком».

Следует отдать должное смелости С. Лема, не побоявшегося поставить такой «диагноз». Однако отметим, что в русской культуре он был поставлен намного раньше – в концепции К.Н. Леонтьева о трех фазах жизненного цикла любой цивилизации: от «первичной простоты» к «цветущей сложности», а затем к «вторичному смесительному упрощению». Ее завершила концепция «вторичного варварства» П.М. Бицилли, которая объясняет парадокс: как при внешнем прогрессизме и достижениях в науке и технике – одновременно происходит обвальная примитивизация внутреннего содержания человеческой жизни. Более

того, именно эта примитивизация и является неизбежной ценой этих «достижений». Отличие «вторичного» варварства от «первичного», по Бицилли, в том, что «вторичное» не есть отказ от «цивилизации», т. е. рационализации житейских отношений. Как раз напротив: это – апогей «цивилизации», который «приводит в конечном итоге к умерщвлению души. История необратима. Замыкание цикла, возврат к исходной точке это – смерть»^[135]. В последнем тезисе автор связывает историю с ее дальней апокалиптической перспективой, но смысл этого тезиса в том, что история длится до тех пор, пока человек еще не полностью поработен «цивилизацией».

В 1984 году М.К. Мамардашвили ввел термин «антропологическая катастрофа» для обозначения явной неспособности современного человека воспроизводить те первичные смыслы, без которых невозможно жить. Главной причиной этой новой варваризации является формирование «потребительского общества», в котором по сути оказывается «избыточным» все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма – стремления ко все большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (также все более искусственных). В результате разрушения устойчивых культурных традиций сознание человека редуцируется до уровня мышления мифами и архетипами. Они приобретают лишь обновленную «упаковку» в виде техногенных образов и моделей – отсюда закономерна столь массовая популярность фантастики и представлений о мире в виде наукообразных мифов, имеющих глубокое архетипическое происхождение (пример такого рода мифов: мир как «матрица» и т. п.). Этому архаическому мифомышлению, лишь «замаскированному» новейшей техногенной образностью, может противостоять только освоение традиционной религиозной культуры, основанной на реальном духовном опыте.

Цель государства – защитить внутреннее пространство личностного духовного развития от его уничтожения манипулятивными технологиями современной цивилизации. Базовой манипулятивной технологией, созданной капитализмом в XIX веке, является превращение человека в «экономическое животное», главной жизненной целью которого является потребление материальных благ, услуг и развлечений. Второй манипулятивной технологией, созданной в XX веке, стала идеология «жизненного успеха», под которым подразумевается так называемая «самореализация» в сфере социальной карьеры. Это тип манипуляции, который уже «надстраивается» над «потребительской» жадной наживы и поэтому называется «постэкономическим обществом». С антропологической точки зрения эта манипуляция является еще более мощным поощрением человеческого эгоцентризма (автор этих строк предложил для ее обозначения термин «**эголатрия**»), и еще более мощным средством разрушения личности, чем наивное «потребительство». Третьей манипулятивной технологией, развивающейся в наше время, является прямой контроль над сознанием человека с помощью киберсистем,

виртуальной реальности и психотропных средств различных видов, а также перспектива еще более страшного вмешательства в генокод человека. **Появление киборгов и мутантов в ближайшее время может стать самым серьезным социальным фактором.** Последний тип технологий требует системной защиты человека от него, которая может быть организована только на государственном уровне и фактически является одним из видов обороны страны от внешнего врага.

До настоящего времени люди вынуждены защищаться от воздействия первых двух технологий расчеловечивания только индивидуально, без какой-либо внешней поддержки, и поэтому это удастся немногим. Обеспечение духовной безопасности страны является наиболее традиционной по своему содержанию и методам формой самосохранения социума. Ее осуществление сильно затруднено фактическим плюрализмом современного общества, которое вследствие этого стало полностью открытым и незащищенным перед любыми деструктивными воздействиями на массовое сознание людей. В этих условиях функцию защиты духовной безопасности должна выполнять государственная система образования (при условии прекращения ее деградации), а также традиционные религиозные и культурные институты.

В частности, в государственной системе образования одной из базовых учебных дисциплин должна быть «Русская культура». Концептуальной основой такого курса должна быть модель преобразования человека в самом буквальном смысле – движения человека к идеалу, идеальному образу, заданному традицией: религиозной либо светской классической культурой. Традиция вообще должна трактоваться динамически – как процесс становления человека, преодоления им своей незавершенности и вхождение в образ высшего идеала. В христианстве это образ праведности и святости; в светской классической культуре – это образ всесторонне развитого духовно-ориентированного человека. Именно такая ориентация очерчивает концепцию «традиционализма» в широком смысле слова. Стоит отметить, что **большинство людей, которые в наше время испытывают ностальгию по советскому времени, ностальгируют в первую очередь не по внешним достижениям этого периода, а по тому образу человека, который там сохранялся.** Это был образ целостной духовно-ориентированной личности, в отличие от «частичного» и прагматичного индивида, формировавшегося на Западе. Поэтому такие люди тоже могут быть причислены к традиционалистам, хотя и без религиозной ориентации.

На какой человеческий ресурс может опираться современная Россия чтобы противостоять голем-цивилизации? Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие социальные институты, необходимые для современной техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет в современном мире. Однако

само по себе это освоение также не означает выживание России в качестве именно России. Если будет утрачен ценнейший тип человека, в течение многих веков формировавшийся суровой русской историей и Православием, то само существование России утратит всякий смысл. Она в таком случае может стать пусть и «развитой», но всего лишь одной из множества безликих стран «общества потребления». Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия как раз остается мировым лидером и является более развитой страной, чем страны Запада и быстро вестернизирующиеся страны Востока.

В России также чрезвычайно распространился общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации – его-центрического индивида с примитивными стандартизированными потребностями и примитивным инфантильным мировоззрением. Но смысловое «ядро» русской культуры и российского социума еще продолжает формировать традиционный тип русского человека, *homo russicus*, **провиденциально «законсервированный» в советскую эпоху и ныне способный внутренне противостоять процессам человеческой деградации в новом «постчеловеческом» социуме.** В этих условиях задача государства, если оно не хочет быть уничтоженным годем-технологиями Запада, активно искать именно этот тип людей и максимально использовать его и в государственном строительстве, и в других сферах (образовании, культуре и т. д.). В настоящее же время наблюдается скорее обратный процесс. Если такая политика не поменяется радикально, то человеческие ресурсы, способные предотвратить катастрофу, окажутся невостребованными, а сама катастрофа – необратимой.

На уровне интеллектуальных технологий важно применить стратегию изменения правил игры, в частности, «перекодировать» дискурс и сам термин «трансгуманизм». Этот термин содержит в себе констатацию недостаточности человека, необходимость выхода за пределы «человеческого». Необходимо настойчиво напоминать в рамках как научного, там и публичного дискурса, что трансгуманизм в его буквальном и исконном смысле – это императив именно христианской культуры, в которой человек был призван к преображению и обожению – вопреки своей смертной природе, порожденной Первородным грехом. В основе культуры лежало совершенствование бессмертной души для приготовления ее бытия в Вечности. Бессмертия не нужно «достигать», потому что человек изначально бессмертен, но бессмертие может быть очень разным в зависимости от того, как человек проживет эту жизнь. Проживет в рамках «естественных» и тем более искусственных потребностей – и его вечная жизнь будет страшной. Проживет в соответствии с христианским идеалом – и тогда его вечная жизнь будет его вечным совершенством. Таков был изначальный «трансгуманистический» посыл. А относительно нынешнего

«трансгуманизма» справедливы иронические слова Гегеля: «По тому, чем довольствуется дух, можно судить о величине его потери».

Но потерю ведь можно и вернуть!

Искусственный интеллект как «верховное существо» *Александр Елисеев*

О малых и больших мистериях квазирелигии трансгуманизма

1. Мистерии и пародии

Трансгуманизм направлен на радикальное изменение природы человека, с целью удаления всех нежелательных аспектов его существования (болезней, смертей, старости и т. д.). Человек, в такой оптике, должен стать неким **совершенным существом**, таким посясторонним «богом». При этом, считается, что сам он имеет право на преодоление своей человеческой природы, на трансформацию естественного состояния и выход на некий сверхъестественный уровень.

Как можно заметить, эта двуединая задача очень напоминает двуединую задачу Традиции, которая основана на «малых» и «больших» мистериях. В своём фундаментальном труде «Заметки об инициации» классик традиционализма Рене Генон даёт следующее их разграничение: «Малые мистерии» приводят к восстановлению «изначального состояния» (до грехопадения). «Великие мистерии» касаются реализации сверхчеловеческих духовных состояний: вплоть до «окончательного Освобождения» или «Высшего Отождествления».

Первое состояние классик традиционализма Рене Генон называл состоянием «**земного рая**», второе — состоянием «**рая небесного**». Согласно Традиции, первый существует реально и символизирует второй. Здесь имеется ввиду некий **бытийный центр (полюс)** нашей плотно-вещественной реальности. В некоторых Традициях (индоарийской, иранской, эллинской) он располагается на севере (отсюда и образ Гипербореи). Земной Рай имеет также свою **персонификацию**. В разных традициях говорится о **сверхличностном** бытийном принципе — Царе Мира. Так, в Библии повествуется о Царе Салимском Мельхиседеке, который «не имеет ни отца, ни матери» (явное указание на сверхличностность). Индоарийская традиция знает о Царе Мира Вайшванаре, то есть «Всечеловеке», что явно указывает на реализацию «малых мистерий», на «горизонтальное» обретение полноты человеческого естества. А в русской традиции

(«Голубиная книга») упоминается «Белый Царь», который «над всеми Царями – Царь»^[136].

Логично было бы предложить, что **противоположностью Традиции, с её «малыми» и «великими» мистериями, является некая Контр-Традиция**, которая также предполагает двуединую задачу – 1) обретение некоего естественного совершенства и 2) его искусственная трансформация в некое сверхчеловеческое существо.

Традиционные мистерии направлены **ввысь**, они предполагают устремление к Раю и Абсолюту, с которым и должно произойти соединение. Контр-традиционные мистерии, напротив, лишены вертикального верхнего устремления. Здесь обе задачи решаются именно на горизонтальном уровне. Предполагается некая абсолютизация земной горизонтали – с тем, чтобы достичь абсолютного могущества на Земле. Перед нами некая Пародия на Традицию, которая и составляет суть Контр-Традиции. И **трансгуманизм, с его, указанной выше, двуединой задачей как раз и является одной из её форм.**

2. Тотальный Объект против мировой субъектности

Но раз так, то у трансгуманизма должен быть свой пародийный анти-центр – как локальный, так и персональный. По нашему мнению, таковым анти-центром является 1) в локальном плане – онтологическая **Периферия**; 2) в персональном плане – мифологическое **существо**, известное, как мировой Змей.

Отсылка к мифологии может встретить иронический скепсис у людей с ярко выраженным рациональным складом ума. Между тем, очевидно, что данные древних мифов образовались не на пустом месте, но характеризуют некие важнейшие реалии. И описать их можно не только **мифопоэтическим**, но и **философским** языком.

По логике вещей, противоположностью онтологического Центра нашего плотно-вещественного мира должна быть онтологическая Периферия. Эта некая граница – с низшими и даже инфернальными, хаотическими измерениями. В скандинавской традиции мировой Змей Ермунганд именно **опоясывает** землю, являясь периферией, низшим пределом реальности. При этом, он находится в мировом Океане, куда его и сбросил бог Один. Сама же водная стихия считается символом первобытного хаоса, из которого и возник мир «оформленных» вещей. И если мировой Змей граничит с Хаосом, то бытийный Центр граничит с высшим измерением – Небесным Раем. При этом, Змей пародирует Центр, пытается выдать себя за него и занять центральное, главенствующее положение.

Онтологический Центр, всё по той же самой логике вещей, выступает в качестве некоего **абсолютного Субъекта** нашей реальности. В то же самое время, онтологическая периферия выступает как её **абсолютный**

Объект. При этом, она пытается заместить собой Субъект, присвоить себе его онтологический статус. Данный процесс сопровождается **уничтожением самой Субъектности, что, в частности, находит своё выражение в процессе атомизации.** Одним из ярчайших проявлений подобной анти-Субъектности были «великие буржуазные революции», сопровождавшиеся свержением власти Монархов – сакральных Субъектов нашей реальности, символизирующих тотальный Субъект, он же – абсолютный Центр нашей, плотно-вещественной реальности. (В свою «очередь», этот Центр символизирует нетварный Абсолют.)

Безусловно, тотальный Объект не может быть ничем иным, кроме как некоей **космической Машиной – своего рода рассуждающим Объектом.** Он представляет собой псевдоразумный Компьютер, имеющий рассудок, но не имеющий разума. Данная бездушная Машина опоясывает весь мир. И она же, в силу своих выдающихся компьютерных способностей, пронизывает социум людей, выступая уже как **Голем**, проявляющийся через различные мегаструктуры (ТНК и прочее).

Собственно говоря, космическая Машина, вселенский компьютер, мировой Голем-Болван – это и есть тот самый **Искусственный Интеллект (ИИ), пришествие которого так желает мировой трансгуманизм.** Его считают «делом будущего», однако, в будущем ему только предстоит проявиться в полной мере. Тогда ИИ станет «весомым, грубым, зримым», он займёт некое главенствующее положение в глобальной Анти-Системе.

В своё время именно ИИ и «соблазнил» Адама, вызвав изначальную Катастрофу, разрушившую Землю в Раю. И здесь его можно сравнить с персональным компьютером, через который Первочеловек мог выходить **вовне себя**, узнавать некую внешнюю информацию – примерно, как мы сейчас узнаём её из Интернета. До Грехопадения Адам был **единым, тотальным Субъектом**, в его Полноте находилось всё земное – последующие поколения, животные, растения, светила, планеты и т. д. Сама же Земля находилась в Раю, а Первочеловек был непосредственно «подключён» к высшим Божественным реалиям. Именно оттуда и должна была поступать **истинная информация в виде нетварных энергий Абсолюта.** В «Книге Бытия» эта нетварная информационная вертикаль названа «Древом Жизни». В ней Адам должен был возрастать и укрепляться в своём духовно-райском могуществе.

Но была и возможность подключиться вовне, используя райский компьютер не по назначению. Он был нужен только для работы с внутренним миром, для возделывания Сада. Внешний мир не мог дать никакой полезной информации, ибо это был мир не духовный, а именно душевный. Это – регион тонких, вибрирующих, хаотических форм, это призрачный регион – Аид, Хель, Навь. Именно туда и попали ангелы,

выпавшие из Рая. В Нави они образуют инферно (ад), там – генеральный штаб всех подрывных сил.

Компьютер был способен установить информационный канал с регионом Души – в «Книге Бытия» он именуется «Древом познания добра и зла». Именно от такого вот подключения к «интернету» и предостерегал Господь Адама. Но саму возможность подключения он всё-таки оставил, не желая, чтобы Первочеловек был Его марионеткой. Господь хотел, чтобы Адам сам сделал правильный выбор. Однако, Первочеловек подключился через Змея к Нави, а, следовательно, и к инферно. Оттуда им была получена губительная дезинформация: **«Будьте как боги»**. То есть, Адаму отсоветовали стать Богом по благодати, то есть, соединиться с нетварными энергиями Божества (не с сущностью, но с её энергиями). А посоветовали ему **стать богом самому (как это происходит в нынешней парадигме трансгуманизма)** и дать такой же статус всем своим потомкам – будущим «богам».

Именно здесь находятся метафизические истоки «языческого» многобожия. Отсюда же берёт своё начало стремление особо продвинутых сверхэлитариев стать, собственными усилиями, всемогущими и даже бессмертными физически (опять-таки, как и в парадигме трансгуманизма). Адам пошёл на губительный эксперимент с самим собой и стал периферийным множеством, а вместе с ним таковым множеством стала и вся Земля, Вселенная. Теперь она превратилась во множество осколков – объектов, отчужденных и, в то же время, враждующих друг с другом. Таково было следствие великой диверсии, осуществленной искусным искусителем – Искусственным Интеллектом.

Космический Компьютер превратился в тотальную Периферию, в абсолютный Субъект, став границей нашего мира и душевной Нави. Именно из региона Души он и черпает своё низшее могущество, которое одновременно – и чувственно-звериное, и расчётливо иррациональное. У низшей души, отличной от высшей (духа), также есть два аспекта – **чувственный и рациональный** (рассудок). К слову, современная деградация человечества как раз и сопровождается двумя процессами – **озверением и роботизацией**. В то же время, дух превышает и чувство, и рацио. Это истинный (в высшей степени естественный) интеллект, это разум, который черпает «информацию» свыше (также должен был черпать её и райский Адам). Он-то по-настоящему и Есть в этом мире. Космический Компьютер – абсолютная Периферия вселенной, но у неё, как уже было сказано, есть и свой абсолютный Центр – Царь Мира, Вайшванара, Мельхиседек, Белый Царь. Он примыкает к духовно-ангелическому, райскому Небу, локально располагаясь в незримой Гиперборе. И он же воспроизводит Субъектность мира, не давая ему, миру, превратиться в мертвый тотальный Объект.

3. Время тотального Объекта

Между тем, сам тотальный Объект (ИИ) уверенно пожирает субъектность нашего мира, упорно желая встать на место абсолютного Субъекта. И в настоящее время это выражается уже и на философском уровне.

«Создание искусственного интеллекта сопряжено с определенными изменениями в философских парадигмах, – пишет философ Александр Дугин. – Объектно-ориентированная онтология представляет важнейшую часть роботехники. Она предлагает создать модель мышления (даже философствования), которая могла бы быть доступной, и, возможно, даже отражающей сущность машинного сознания. – Искусственный интеллект – не такая простая тема, как может показаться. Многие люди скажут – «как же, у машины нет души, машина не может мыслить, это всего лишь имитация...». На самом деле все сложнее: машина может мыслить, по-особому. Но предварительно люди должны понять, как она может мыслить: прежде, чем машина научится мыслить по-человечески, мы должны научиться мыслить по-машинному. Этому и служит объектно-ориентированная онтология: это попытка создать структуры мышления, основанные на элиминации субъекта. Философия, несмотря на все усилия, остается человеческой: все равно остаются субъект и объект, с «человеческим» следом. Философия, в которой материальные объекты могли бы мыслить или существовать в отрыве от субъекта, где субъект является лишь одним из объектов – серьезный вызов, на который и пытается дать ответ объектно-ориентированная философия, основателем которой является Грэм Харман, а продолжателями этой линии стали Квентин Мейясу, Тимоти Мортон, Леви Брайант и другие. Все они подходят к проблеме искусственного интеллекта с разных точек зрения. Объектно-ориентированная онтология и есть попытка мышления за пределами человеческого – когда человеческий субъект становится частной версией объекта. Мы попадаем в мир объектов, которые взаимодействуют друг с другом, а человек – лишь частный случай такого объекта. Эта философия предвосхищает собой машинное мышление, которое может выступать как полноценно мыслящий объект». («Экспертиза Дугина № 43: Как думает Машина» // Геополитика. Ру)

Сегодня человека усердно скрещивают с Машиной, о чём «проговариваются» многие высокопоставленные элитарии. Интересно наблюдение сделал культуролог Андрей Смирнов, обративший своё внимание на книгу экс-мэра Юрия Лужкова «Возобновление истории. Человечество в XXI веке и будущее России» (2013), где Лужков анализирует будущие «взаимоотношения» человека и машины: «При оптимальном сценарии события могут развиваться не по линии конфронтации, а по линии углубляющегося симбиоза, подкрепляемого двумя встречными тенденциями. С одной стороны, электронный интеллект будет приобретать выраженные «жизнеподобные», «психоподобные» и «антропоморфные» свойства. С другой стороны, человеческий организм будет всё более удаляться от «естественной»

биологической предопределенности, обогащаясь вторичными искусственными чертами, а человеческое мышление – приобретать «совместимость» с электронным партнером. Это способно привести к последовательной интеграции и симбиотизации человеко-машинных комплексов... Мышление (в этом случае) перестает быть линейным, каковым его сформировала «книжная» эпоха, приобретая все более выраженные черты мозаичности. Человек с таким мышлением менее подвержен очарованию священной Книги и единственной Истины, он интеллектуально более гибок, адаптивен, терпим и чувствителен к идее взаимо-дополнительности. В итоге образуется качественно новый субъект цивилизационного процесса, а история Вселенной органично перерастет в следующую, «после-человеческую» стадию». («Лужкояма» // Завтра. Ру)

Могут возразить, что эти строки писал не сам Лужков. Как представляется, он вполне бы мог написать такое. Но тут важно даже не само авторство, а то, что подобные идеи высказываются на таком вот высоком уровне – мэра крупнейшего мегаполиса. То есть, вполне очевидно, какое будущее человеку готовит часть элит. Его будут всячески **расчеловечивать, превращая в киборга**. Впрочем, данный процесс уже идёт полным ходом.

Вот что пишет экономист Михаил Делягин: «Следующим этапом трансформации личности может стать распространение мозговых имплантов, объединенных в сеть и частично управляемых по Интернету. Еще в 2013 году в США было продано более 12 млн привязанных к Интернету имплантов; большинство решало локальные физиологические задачи (контроль за деятельностью сердца, блокирование боли, предупреждение воспалений), но массовое стимулирование мозговой активности и прямой доступ к Интернету представляются близким будущим, – которое не только ускорит, но и вновь откорректирует изменение личности. В 2017 году такие импланты использовало уже более 2 % американцев. В течение 5-10 лет их доля вырастет до 15–20 %, и, с отставанием в 5–7 лет, за США пойдут остальные развитые страны. А если к психологическому и поведенческому программированию в ближайшие годы добавится биофизиологическая алгоритмизация, то, действительно, впору будет говорить о трансформации *Homo sapiens* (человека разумного) в *Homo programmable* (человека программируемого)». («Человек-трансформер» // Завтра. Ру)

Первым официальным человеком-киборгом в 2004 году стал Нил Харбиссон, страдавший врожденным неразличением цвета. Он подключил к своей голове устройство, которое переводило цвет в звуки. Само это устройство, закрепленное на его голове, напоминало антенну.

В контексте разговора о киборгизации Леонид Саввин разбирает пример молодого человека по имени Кай Ландре, который решил быть постоянно подключенным к машине: «Ландре планирует установить в

своем теле систему собственного дизайна: аппарат, который воспринимает невидимые космические лучи, которые нас окружают. Устройство, которое вскоре будет имплантировано в его руку – сейчас он носит его на своей руке – обнаруживает и преобразует эти лучи в музыкальные ноты, которые Ландре сопоставил с различными частотами лучей. Он преобразует эти ноты в вибрации набора металлических стержней, которые однажды будут имплантированы с помощью беспроводного соединения на поверхности его черепа. По его словам «костная проводимость позволяет слышать космические лучи внутри головы без необходимости отключать одно из других чувств, которое воспринимает звук». Он даже продемонстрировал как звучит такая музыка из его головы на концерте. Как он считает, после того, как устройства будут имплантированы, поддержание системы в заряженном состоянии будет простым делом электрической индукции. Вместо того, чтобы периодически отключать и подключать устройства, как это делается сейчас, зарядка будет происходить во время сна. Для продвижения такой идеи нового типа имплантата Ландре делает доклады на конференциях, однако при их технецистской направленности, он описывает эти достижения как путь самопознания. Он является частью группы «трансгуманистов», которые хотят сбросить бремя того, что мы называем человеком. Иными словами, расчеловечиться. («Стать киборгом» // Геополитика. Ру)

Киборгизированное человечество окажется, в большинстве своём, **заключено в электронно-цифровой, «виртуальной» реальности**. Тем самым будет «решена» проблема лишних людей, чей труд потерял свою значимость в результате тотальной автоматизации. Кроме того, силы глобальной Антисистемы попытаются максимально уподобить наш мир – миру тонких вибраций, региону Души (не Духа).

4. Художественный образ трансгуманистического мира

В области художественного творчества такое узилище уже описано, достаточно вспомнить «Матрицу». Но, пожалуй, гораздо «круче» картина, нарисованная Виктором Пелевиным в его романе «Любовь к трём цукербринам». Там описывает общество электронногипнотического вэлфера, обитатели которого находятся в состоянии сна – коллективного LUCID и личного REM: «Технологии рекреационного сновидения, были разработаны вскоре после того, как климатические катастрофы, войны и великие научные открытия привели к переселению цивилизованного человечества в офф-глобные структуры, свободные от сил гравитации. Это радикально изменило образ жизни и потребности человека, – продолжала сестричка. – Новый уклад жизни вынудил отказаться от модели роста, исчисляемого в GDP – то есть в совокупном общественном продукте... Живительный родник прогресса – ежегодный рост – никуда не исчез. Но люди отказались от его материально-затратной составляющей и вместо GDP стали измерять его в SSP – Sensate Shared Product, который более-менее соответствует общему объему

коллективного телесно-эмоционального опыта. Это была величайшая из всех технологических революций, потому что она упразднила большую часть промышленности, освободив человечество от значительной части материального производства. Произошел величайший в истории человечества парадигматический сдвиг. Культура человечества предметна – ее объекты переживаются людьми через органы чувств. Научившись абсолютно достоверно воспроизводить эти чувства без соответствующей им материальной основы, человечество сделало огромный шаг вперед и подтянуло свои беднейшие слои до уровня потребления, доступного прежде лишь среднему классу. Следующим шагом было перенесение большинства общественных коммуникаций в коллективную фазу LUCID ночного сна. Жизнь человека вновь стала полноценной, открытой для социального творчества и роста. Sharenomics, пришедшая на смену Economics, поставила человечество на рельсы бесконечного роста. Первые десятилетия этой эпохи были временем высочайшего взлета человеческой мысли, оптимизма – и беспечности».

Герой романа Кеша (Ke) обитает в некоем воздушном «кластере 23444-2Ж», который похож «на огромную многоэтажную инсталляцию из ободранных пивных банок, грязных воздушных шаров, заплатанных скворечников и посеревших от времени молочных пакетов: так выглядели индивидуальные жилые блоки, изготовленные в разное время и прилепленные к общей антигравитационной базе. Сама база давно уже была неразличима под густыми наростами жилых модулей – видны были только мощные тросы лифтов, уходящие вниз в облака».

Описанный Пелевиным вэлфер, однако, не полный, время от времени, но не постоянно и не долго, работать всё же приходится – для того, что пополнить свой виртуальный счёт (sharing point) для оплаты некоторых услуг. Во время рабочего сеанса Кеша «бежит» по виртуальному «стадиону», мучительно проходя через различные препятствия (горящую избу, конвейер). При этом, он испытывает жуткую боль, которую и «выдаивают» из него. Таким образом, в виртуальном концлагере **эксплуатируют человеческие страдания – более тонким способом, чем в концлагере обычном**. Собственно, это и есть настоящий вампиризм, основанный на высасывании из человека его жизненных (вирильных), «душевных» сил. Само потребление крови – это символ – в крови, согласно утверждению некоторых (в том числе, библейской) традиций, находятся низшие, эмоциональные, «яростно-желательные» начала, отличные от разумно-волевого духа. «Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится» (Левит 17, 14).

А вот описание физического существования заключенного виртуального концлагеря, на которое он может посмотреть извне, если предпримет небольшое волевое усилие: «Кеша отвернулся от мембраны, покосился

вниз — и увидел свое тело. Оно невесомо парило в крохотном объеме пустоты — то приближаясь к мягким серебристым стенкам, то отдаляясь от них. Антигравитация. Сила тяжести сразу превратила бы крохотный модуль в гроб, где его заперли живьем. А так — он просто парит себе в пространстве... На нем была оранжевая гигиеническая пижама, похожая на что-то среднее между легким скафандром и обернутым вокруг рук и ног стеганым халатом. Пижама была распахнута на животе и открывала подобие толстых пластиковых плавок телесного цвета. На них выделялся сложный зубчатый вырез гульфика со словом «GoOD!®» — трэйдмаркой Google Dick. Приглядевшись, можно было различить мелкие буквы «It eels reel GoOD, man!» на том самом месте, где при запуске приложения открывался склизкий копулятивный порт). Кеша уже давно не видел своего рекреационного органа в рабочем состоянии: чтобы запустился Google Dick и включилась микрогидравлика, укрепленная Катушечно-Пружинной Технологией®, внимание должно было находиться на фейстопе. Следовало созерцать партнершу или партнера, в идеале подключившись либо к «ЛАВБУК ИУВКЩЩЬ», либо к какому-то другому социально-эротическому приложению. Анонимус прав, никакого мирового заговора. Никто ничего не прячет, бро. Можно напрячься — как сейчас — и все увидеть. Толстый пластиковый памперс, соединенный со стеной несколькими разноцветными шлангами, не просто отводил выделения, но и поддерживал телесные отверстия в чистоте, питая кожу водой и кислородом. Пластиковые утолщения под мышками всасывали пот и превращали его в еле заметный аромат еловой хвои — выбранный Кешей из многих тысяч запахов в каталоге. Капиллярный биобинт, обматывающий руки и ноги, еженощно упражнял мышцы, заставляя их сокращаться от электрических разрядов. Никаких пролежней, никакой грязи. Вечная свежесть. Вот так сбылась древняя мечта всех бездельников — расслабиться и видеть сны всю жизнь, без вреда для здоровья».

Сексом же жители воздушных вэлферных кластеров занимаются через особую «гигиеническую мембрану», представая перед партнёрами в том образе, который выбрали: «Ладони и пальцы покрывала сложная оранжевая татуировка — вживленные в кожу микросенсоры, работающие вместе с мембраной. Мембрана была настолько податливой, что позволяла любую акробатику и кама-сутру. Она казалась огромным — Кеша не мог удержаться от такого сравнения — презервативом. Причем дырявым. Никакого прямого контакта между социальными сожителями не было — за исключением требуемого по закону «Об общественном самовоспроизводстве» универсального копулятивного отверстия «AC/DC», рассчитанного на стрэйт».

Можно предположить, что именно **ИИ, который выйдет на зримый уровень, и станет главным регулятором жизни в виртуальном пространстве**. Возможно, он примет форму грандиозного суперкомпьютера. Не лишне будет заметить, что в конспирологической литературе часто укладывается на некий мощнейший компьютер по

имени «Зверь». По данным многих конспирологов, он некоторое время был центральным компьютером стран «Общего рынка». Этого «Зверя» также «находят» и в США. Есть мнение, что подобных «Зверей» несколько. При этом обращают внимание на «Откровение Иоанна Богослова» («Апокалипсис»), где сказано: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Уже сама тема числа может быть истолковано как указание на цифровизацию и виртуализацию. Также весьма показательно и сочетание рационалистического («компьютер») и звериного (чувственного), о котором писалось выше. Правда, критики данных изысканий считают их «фейковыми». По их мнению, сам образ является вымыслом писателя Джо Массера, автора рассказа «Behold the Pale Horse». Тем не менее, сам образ весьма показателен и вполне укладывается в инфернальную логику трансгуманизма.

5. Коронавирус и глобализм 2.0

Культуролог Натэлла Сперанская сделала в своём блоге^[137] весьма любопытное наблюдение над миром в эпоху коронавируса Covid-19: «Многие люди, до сего момента пребывавшие в уверенности, что мир открыт и безграничен – этакий плавильный котел глобализации – были застигнуты врасплох «Черным Лебедем» коронавируса и обнаружили, что он открыт и безграничен исключительно в цифровом пространстве. Туда и начали отчаянно «пересаживать» отмененные мероприятия».

Действительно, Вирус стремительно загоняет людей в пресловутое Виртуальное пространство, в цифровую Резервацию. По мнению инфернальных сущностей и их гипер-элитарной агентуры, «людишки» – лишние в реальном мире. Этот мир «должен» быть переделан в соответствии со вкусами и потребностями «высших» существ. Большинству же людей отведена роль **вэлферных созерцателей электронных грёз**.

Сейчас даже не столь важно, насколько опасен нынешний «модный» вирус. Можно, до бесконечности, повторять, что «обычный» грипп намного опаснее и губительнее. Главное, что Коронавирус уже успел стать **мифом, точнее черным анти-мифом**. И в этом своём качестве он успешно сживает человечество с лица Земли, отправляя его в цифровое «Подземелье».

Главное, сейчас по крайней мере, не сам Вирус, но **его образ**. Он пугает людей донельзя, делает их управляемыми. Они и раньше легко поддавались внушению, ну, а теперь может получиться совсем уже абсолютный показатель.

Верно замечают, что уже сегодня ВОЗ ведёт себя как некая правительственная структура глобального характера. Именно она настоятельно рекомендует национальным правительствам закрыть

границы. При этом, основная тяжесть борьбы с пандемией и ликвидации её последствий ложится именно на национальные правительства.

Потом может появиться новый Вирус. И снова понадобится зарываться в виртуально-электронные «норки». И опять пойдет разговор о необходимости «спасительного мирового правительства».

Прежняя Глобалия выполнила своё дело, создав мощные космополитические скопища – в результате мощного же глобального перемещения людей и капиталов по всей планете. Теперь «мавр может уходить», настало время Глобалии 2.0. В ней **киборгизированное большинство будет заперто в виртуальном концлагере – для созерцания небывалых грёз**. Тем самым решатся (по-глобалистски) многие проблемы. Например, проблема лишнего населения. Но самое главное – оккультная мотивация. Реальность нужно освободить от «людишек» – для инфернальных сущностей и их агентуры. И её же необходимо сделать максимально похожей на призрачный регион Души, на мир тонких вибраций.

К слову, в случае реализации вышеуказанного сценария, передвижение в реальности станет могучим достоянием и великой привилегией новой гипер-элиты. Они-то и составят немногочисленную касту крайне подвижных «новых кочевников», о которых писал теоретик глобализма Жак Аттали.

Но не исключено, и даже очень возможно, что программа «Глобалия 2.0» даст сбой. Закрытость и мобилизационная активность могут быть использованы против Транснационала, финансовой олигархии и, вообще, против капитализма. Вряд ли сие произойдёт во всемирном масштабе, хотя совсем отрицать такую возможность не следует. Но вот в отношении некоторых крупных стран (например, России) такой вариант вполне даже вероятен. Тогда могут возникнуть два мира. Один будет погружен в виртуальное пространство, опасаясь всемирного Вируса. Другой, напротив, усилит своё присутствие в мире реальном, сделав упор на **вертикальной, космической экспансии**. Последнее, кстати, даст мощнейший импульс развитию науки, что и будет, в частности, способствовать успешной борьбе со всякой вирусной заразой. Естественно, виртуальная Глобалия будет обвинять реальную «Националию» – в том, что она желает уничтожить «цифровую свободу» – «тоталитарным вирусом».

6. Грядущий Рейх – цифровой и «экологический»

Цифровизация тесно связана с «экологизмом», который претендует на то, чтобы стать одним из важнейших сегментов идеологии глобального квазигосударства. Белорусский политолог Алексей Дзермант в своём блоге^[138] даёт ссылку на программную статью экс-министра ФРГ, гуру экологизма Йошки Фишера. Последний пытается придать концептуальную базу «европейской великодержавности».

«Европа не может позволить себе отставать в технологическом или в геополитическом отношении. Она несет ответственность за то, чтобы возглавить остальной мир в вопросе об изменении климата, которое потребует технологических и регуляторных инноваций. В мире, быстро уступающем соперничеству с нулевой суммой, превращение в великую державу в области климатической политики должно стать главным приоритетом Европы».

Судя по всему, Йошка Фишер озвучил планы Транснационала (скорее, его части) в отношении ЕС. Ему предстоит стать неким наднациональным квазигосударством, чей идеологической основой будет «экологизм». Даже более того, из него сделают некую квазирелигию, над чем уже работают вовсю.

«В основе цифровой революции лежит политика, а не технология, — утверждает «зелёный» идеолог. — На карту поставлена свобода отдельных людей и целых обществ. В цифровом будущем политические свободы, лежащие в основе западной цивилизации, будут всё больше зависеть от вопросов владения данными».

Обращает на себя внимание пиетет Фишера в отношении «цифровой революции». Цифровизация и «экологизм» тесно связаны, ибо они направлены против национальной промышленности и призваны усилить и без того уже мощнейшую финансовую олигархию. Впрочем, есть тут и оккультная мотивация. Как уже отмечалось выше, трансгуманизированного человека-киборга желают загнать в цифровую Виртуалию. Для этого нужны и цифровизация, и экологизм. Последний требует сократить материальные потребности — во имя окружающей среды. А для этого предложат переселиться в Виртуалию, где основным упор будет сделан не на материальных, а на душевных (не духовных) потребностях.

Цифровизация и «экологизм» тесно связаны, ибо они направлены против национальной промышленности и призваны усилить и без того уже мощнейшую финансовую олигархию. Впрочем, есть тут и оккультная мотивация. Трансгуманизированного человека-киборга желают загнать в цифровую Виртуалию. Для этого нужны и цифровизация, и экологизм. Последний требует сократить материальные потребности — во имя окружающей среды. А для этого предложат переселиться в Виртуалию, где основным упор будет сделан не на материальных, а на душевных (не духовных) потребностях.

Мир становится всё более виртуальным, близким к призрачному региону Души (Нави), который следует

отличать от райского-ангелического региона Духа. Конечный пункт подобного, виртуального прогресса — переселение большинства в цифровую реальность. И всё это вполне соответствует логике финансиализации.

Здесь логика Контр-Традиции, блестяще вскрытая в свое время Рене Геноном. Сначала происходит отказ от Духа Традиции – в пользу анти-традиционной материальности Модерна. Потом наступает открытость нового, «грубого», духовно ослабленного мира – уже для тонких влияний навьей, «психической» Души, где и находится (в качестве некоего субрегиона) инферно. Это уже этап Контр-Традиции, Великой Пародии. **На это, собственно и работает «трансгуманизм», являющийся одной из форм глобальной квазирелигии.** Царство тотального Объекта станет пародией на незримое царство тотального Субъекта. А лжемессия, действующий заодно с космическим Компьютером, станет Пародией на Христа-Спасителя. Малые анти-мистерии трансгуманизма ведут к соединению с ИИ – тотальной Периферией. Великие же его анти-мистерии открывают путь – в инферно и для инферно, чьим повелителем является «обезьяна Господа Бога» – сатана.

7. Наша альтернатива: цифровизация и автоматизация – без финансиализации и трансгуманизма

Констатация субверсивных последствий современных процессов была бы неполной (во многом, даже и вредной) без предложения, пусть и в общих «контурах», некоей Альтернативы. Понятно, что само сворачивание цифровизации и автоматизации невозможно, да и не нужно. Просто необходимо ввести данные процессы в иной, альтернативный формат.

Человечеству необходимо установить жесткий контроль за финансовым капиталом, вплоть до национализации банковской сферы. В любом случае, сам **финансовый сектор подлежит существенному сокращению – в пользу сектора реального промышленного производства.** Как очевидно, цифровизация теснейшим образом связана с финансиализацией. Поэтому, отказ от второй неизбежно изменит формат первой, подчинив её целям и задачам сектора реального промышленного производства. Тогда станет возможна настоящая и эффективная реиндустриализация.

Но для такой вот реиндустриализации необходим некий сверхмощный импульс. Таковым импульсом могло бы стать широкомасштабное освоение Космоса, предполагающее перелёты к другим планетам и их освоение. Такая, вертикальная экспансия символически выражала бы стремление к Звездам, к Небу, к райско-ангелическому Духу. Идеи Возрождения Промышленности и Освоения Космоса должны быть творчески соединены с идеей Духовного Делания и Райского Устремления.

Рывок в Космос потребует **сверхиндустриализации**, создания огромного количества сверхсовременных предприятий. Там и будут заняты труженики, освобожденные от физической работы. Они станут операторами автоматических процессов, чей статус ближе, скорее, к статусу учёного-наблюдателя (и экспериментатора), чем к статусу

собственно рабочего. Ну, а если автоматизация не ведёт к возникновению армии «лишних людей», то проект их перемещения в Виртуалию, как сейчас принято выражаться, «провисает».

Альтернативная модель должна предполагать автоматизацию без антропоморфности – по аналогии с концептом «модернизации без вестернизации». Робот, автомат не должен быть человекоподобен. Ведь, если вдуматься, то зачем машине – человекоподобие? В нём совершенно нет никакой функциональной необходимости, за этим не стоит никакой «прагматики».

Но всё выглядит совсем по-иному, если мы затронем оккультный аспект. Именно в этом аспекте проясняется, зачем Машине может быть нужно придать человеческие черты. Самого же человека трансгуманистические творцы антропоморфной кибернетизации стремятся превратить в киборга. И данный процесс, как уже было показано выше, мыслится как двухсторонний. Поэтому необходимо всячески **противиться антропоморфности киберов**. Автоматы, пусть даже и самые «сложные», являются такими же инструментами, как молоток, например. Никто же не будет придавать человеческие черты молотку, поэтому и антропоморфность киберов должна восприниматься таким же абсурдом – смешным и страшным, одновременно.

Трансгуманизм, хоть слово дико...

Олег Бахтияров

Не иметь что-либо, не обладать чем-либо, а стать кем-то, кем ты еще не являешься – вот где проходит водораздел современности.

Трансгуманизм – «хоть слово дико», но слух оно всё же ласкает, отсылая к серьезной проблематике, с которой в очередной раз соприкасается человек. При этом, нужно не забывать, что Мир, в котором мы обитаем, устроен своеобразно (по сравнению с нашим представлением о том, как он должен быть устроен). В этом мире каждая хорошая идея, каждый проект и каждое действие отбрасывает темную тень, иногда очень густую. Впрочем, верно и обратное: мрачные проекты и их осуществление отбрасывают светлую тень. Трансгуманизм, точнее, то, что этим словом обозначается, в его преобладающей сегодня трактовке, представляет собой противоречивое и сложное явление. Но вот тенью чего он является?

Трансгуманизм заявляет, что существующих, а тем более перспективных технических (информационных, робототехнических, биотехнологических) новшеств достаточно для начала преобразования человека в более совершенное существо. Но направлен ли он в будущее? Весь перечень тех ограничений, которые следует преодолеть, взят, скорее

из прошлого. Налицо стремление развить то, что есть, но при этом оставаясь в зачаточном или очень слабом состоянии по сравнению с идеалом. Возникают вопросы – что осуществимо сейчас, что возможно в будущем, что нужно развить, от чего следует отказаться?

Трансгуманизм лишь продолжает линию компенсации человеческой ограниченности. Уже много лет благодаря техническим средствам человек получает возможность передвигаться в пространстве гораздо быстрее, чем позволяют ему его физические органы. Он может долгое время находиться в средах, исключающих даже ограниченное пребывание в них без наличия соответствующей техники – под водой, в космосе. Кроме того, человек способен обрабатывать огромные массивы информации и прочее. Но все технические устройства, компенсирующие наши слабости, являются внешними по отношению к человеку. Человек находится как бы внутри технических оболочек, даже если он едет на крыше вагона. **Трансгуманизм и ставит вопрос – можно ли преобразовать тело и сознание человека так, чтобы эти внешние устройства превратились в непосредственную принадлежность человеческого существа? И отвечает на этот вопрос – это можно и следует сделать.**

Создание новых качеств, того, чего еще не было – совершенно другая задача, и она отталкивается от совершенно иных ограничений, нежели это делает трансгуманизм в его нынешней форме.

Преодоления человеческих ограничений – хроническая проблема. Часть людей остро переживает: ограниченность своего мышления, ограниченность понимания цивилизационных процессов, ограничения памяти и возможности управлять процессами в своем теле, и многое другое. Но сквозь эту ограниченность обычной жизни просвечивает более серьезная тема некоторой фундаментальной «недоделанности» человека.

У этой проблемы есть религиозные, культурные и технические аспекты. Слова Афанасия Великого ««Бог вочеловечился, чтобы человек обожился», пройдя много ступеней и отражение в европейской культуре, дали искаженное эхо в идее сверхчеловека: «Der Mensch ist etwas, das überwunden werden soll» – «Человек есть нечто, что следует превозмочь». Современный трансгуманизм – конечный пункт этого движения, сохраняющий главную идею – преодоление человеческих ограничений, но погружающий ее в совершенно иной контекст. И сами ограничения, и направленность желательных изменений понимаются совершенно иначе, приземленнее и скучнее, чем это понималось в 4-м и даже в 19 веках.

Задача преобразования человека видится не в превращении человека в новое существо, а всего лишь во внедрении технических устройства в «ветхого человека». А это означает **усиление его «ветхих» качеств. Не «превозмочь» человека, а лишь добавить ему то, что свойственно техническим устройствам** – так это звучит в

современных текстах. Здесь и возникает конфликт между двумя представлениями о том, каким образом следует «превозмочь» человека.

Один проект – сделать человека частью технической, а не природной и культурной среды, т. е. внедрить в него средства регуляции и установить связи с техническими системами, которые гораздо эффективнее в некоторых, немногих и ограниченных областях человеческой деятельности. Перспективными направлениями видятся: манипуляции с генами, молекулярные нанороботы и их внедрение в организм, создание и включение в организм нейропротезов, непосредственное соединение мозга и компьютерных систем.

Как мы видим, речь идет об **усилении старых качеств человека**.

При этом использование технических средств для компенсации человеческих несовершенств и слабостей ничего не меняет в человеке по сути. Это и понятно – человек создает технику, используя ограниченный набор когнитивных операций, которые могут создать лишь крайне упрощенную и фрагментарную модель мира. Формальные операции, лежащие в основе современного технического конструирования – лишь часть мыслительных средств, а человеческое мышление лишь одна составляющая человеческого сознания. И она менее мощна, чем сама жизнь, поскольку является лишь одним из аспектов жизни.

Любая модель живого будет проще организма и ее реализация лишь создаст устройство, более примитивное, чем то, что оно моделирует. **Проблема человеческих ограничений не в скорости обработки информации и не в ограниченности сроков жизни**. Гораздо более существенным является обусловленность сознания многими факторами, в том числе и позитивными, превращающими новорожденное существо в полноценного человека. Культура создает человека, но именно **создает** вместо того, чтобы человек создавал себя сам. Это главное ограничение человека – его «изготавливает» культура и социум, и изготавливает в соответствие с теми «чертежами», которые имеются в наличии.

Второй проект преодоления человеческого несовершенства – встать над естественными процессами, найти точку в сознании, из которой возможно управление и своей психической жизнью, и своим организмом. И такая точка есть – наш самый ценный дар в этой земной, поюсторонней жизни – свободная воля.

Первичная травма сознания – мы слышим слова о свободе воли, понимаем эти слова, но не обнаруживаем эту свободу в реальности. В реальности – лишь ограничения и обусловленности. Обусловленности негативные – ограниченные органы восприятия, ограниченные средства мышления, физические ограничения. Обусловленности позитивные – культура задает нам ценности и средства ориентации в этом мире. И эта зависимость от внешних, даже самых позитивных сил травматична для некоторых людей. Как преодолеть все эти ограничения – и позитивные и негативные, как реализовать свободную волю? Отсюда и рождается

задача — превратить себя, свое сознание и тело в то, что создается нашим собственным усилием. Радикально преобразовать себя не в оснащенное техническими устройствами (и еще более обусловленное этими техническими средствами) существо, а обрести ту самостоятельность, к которой стремятся те, кто осознал ценность свободной воли. **Вот это и был бы подлинный трансгуманизм — целенаправленное преобразование себя в новое существо своими собственными усилиями.**

С этой темой близко связана и регулярно озвучиваемая последние десять лет тема Иного — как создать то, чего нет даже в зачатке. Иные технологии, иные формы социальной жизни, иные формы культуры и, наконец, иные формы человека. Концепт Иного (Никитин, Чудновский, Переслегин, Дацюк) проистекает из неудовлетворенности наличествующим. Но Иное после его достижения становится наличествующим и опять требует преодоления. Это означает, что речь может идти о хронической позиции, из которой создается Иное, о позиции вне наличествующего. Но это возможно лишь в мире, радикально отличающемся от существующего. Такой мир управляется не правилами, сохраняющими ситуацию «с нами что-то делают», а свободной волей, осознанностью и личной ответственностью, проистекающей не из позиции «со мной что-то делают», а из позиции «делаю я сам». Это власть воли и ясного понимания — **волютократия**.

Подрывает ли это целеустремленность и мощь государства? Отнюдь нет. Воля, осознанность и ответственность гораздо сильнее, чем просто следование правилам. Но для современного человека это кажется чем-то нереальным. Потому мы и говорим «транс» — бросок «через», преодоление человеком своего статуса зависимого и ленивого существа. Но государства, управляемые не правилами и нормативами, а ясным пониманием и актами свободной воли, пока еще не возникали. Лишь в особых случаях создавались органы внеправового управления вроде опричнины.

Волютократия требует особой культуры и совершенно другого подхода к образованию и воспитанию граждан такого государства. Ясность сознания граждан, являющаяся ныне угрозой для любого типа социальной организации, основанной на приказах и исполнении приказов, и способность к действиям вне стимуляции (а значит, и вне правил) являются основой такой власти воли. Чем выше культура народа — тем больше в нем тех, кто к такому существованию способен.

Возможна ли такая волютаризация человеческого сознания? Психотехнические методы, направленные на пробуждение воли существуют, но отнюдь не являются распространенными. Пробуждение воли предполагает очищение от текущих управляющих нами извне страстей и преодоление зависимости от «материала», из которого «изготовлен» человек. Здесь как раз и начинается расхождение трансгуманистического и волютаристского проектов. **Трансгуманизм**

подменяет потребность стать чем-то новым желанием — иметь что-то новое, изменяющее жизнь.

Здесь развилка: техническое (внешнее) улучшение человека или управление своим развитием за счет собственных внутренних усилий; усиление зависимости от социальной структуры или, наоборот, усиление самостоятельности. Технический, внешний трансгуманизм не решает проблемы — он по-прежнему держит человека на поводке и по-прежнему сохраняет его статус реактивного существа — что-то с человеком делают извне. Управление своим развитием — это и управление своей мотивацией, шаг к пониманию того, что находится за пределами сознания и является большей ценностью, чем отдельное человеческое существование.

Технический, внешний трансгуманизм не решает проблемы — он по-прежнему держит человека на поводке и по-прежнему сохраняет его статус реактивного существа — что-то с человеком делают извне. Управление своим развитием — это и управление своей мотивацией, шаг к пониманию того, что находится за пределами сознания и является большей ценностью, чем отдельное человеческое существование.

Есть еще одна развилка, развилка не сегодняшнего, но, возможно, завтрашнего дня. Если сохранится и будет продолжать расти Вторая Вавилонская Башня технологий, то развитие космонавтики приведет к постановке проблемы заселения других планет, и, может быть, не только планет. Но человек не приспособлен для этого — жить в условиях Венеры или Луны у человека в его нынешней форме не получится. Есть два выхода — либо превращение всей среды космического обитания в подобие Земли (как говорят, «терроморфирование» планет), либо изменение биологической природы человека так, чтобы он мог соответствовать всем этим многообразным условиям. В первом случае речь идет о навязывании какой-то части Космоса земного однообразия, во втором — расширение многообразия человека до уровня мирового многообразия. Но и преобразование биологической природы может вызываться внешними манипуляциями, либо собственными усилиями человека, овладевшего процессами в своем организме.

Трансгуманизм родился слишком рано — условия для него могут создать только две технологические революции, которые пока не обсуждаются даже в зародыше. Это организмическая и консциентальная революции. Организмическая революция — управление живыми процессами. В рамках существующей технологической реальности речь может идти лишь о частичных внешних вмешательствах — нет и соответствующих форм мышления. А их нет потому, что мышление стоит ниже жизни по своей сложности и объемности. Для управления живыми процессами, позволяющего создавать новые биологические формы, необходим инструментарий более мощный, чем жизнь.

Но, даже научившись управлять живыми процессами извне, мы сохраняем зависимость от внешних по отношению к реальному человеку манипуляций. Переход к тому, чтобы управлять собой на основе своей воли требует иной революции – консциентальной. Она должна превратить сознание не в отражающий, а в формирующий фактор. Сущность такой революции – выделение во взаимодействии человека и мира не только отражения и приспособления к окружающей среде, но и формирование феноменального мира. А это значит перевод сознания в активный статус – в противоположность нынешнему реактивному.

Такое преобразование и можно считать той задачей, **тенью** которой является современный трансгуманизм. Если свободна воля не пробуждена, если человек не в состоянии создавать своим волевыми актами новые реальности, любые технические усовершенствования будут лишь усиливать его растущую обусловленность.

Продолжит ли трансгуманизм звучать «дико» или, построив альтернативу себе, станет началом возвращения человека в Культуру и Церковь? Это зависит как раз от принципиального метафизического выбора. Либо движение к пробуждению свободной воли как отражения той Тайны, того «Слова, которое вне нас». Либо движения в сторону превращения человека в более эффективное, но утратившее свою свободу подобие человека. Движение вверх или движение вниз, волюнтаризация или киборгизация – вот дилемма современного трансгуманизма.

Адам посмотрит на звёзды (Органопроекция против трансгуманизма) *Михаил Кильдяшов*

Удивительно, но народная русская сказка, в которой, кажется, возможны любые чудеса, не знает одушевления предметов и орудий. Всё созданное человеком может наделяться волшебными свойствами, двигаться и действовать – скатерть-самобранка накрывает на стол, клубок указывает путь и т. д. Но антропоморфна, психологична лишь живая природа: «говорят человеческим голосом», горюют и радуются, хитрят и обманываются звери, птицы, деревья, цветы, реки. В качестве хрестоматийного исключения вспоминаются, пожалуй, только говорящая печка из «Гусей-лебедей» и колобок, что воспринимается нами, скорее, не как хлеб, а как что-то символическое, подобное солнцу.

Всё, что смастерил человек, очеловечится гораздо позже, уже в авторской сказке. А наши пращуры не дерзали одушевлять «вторую природу», наделять живой жизнью то, что не рождено, а сработано. Они

испытывали страх перед непостижимым, боялись вторгаться в тайну, нарушать загадочное равновесие мира.

Этот страх сохранится на многие столетия. Ещё в начале XX века завод у Куприна – это языческий Молох, постоянно требующий жертву, отбирающий человеческие «силы, здоровье, ум и энергию за один только шаг вперед промышленного прогресса». А в топке парохода «Атлантида» бунинского «Господина из Сан-Франциско» пылают адские жаровни: «Тускло блистали сталью, сипели паром и сочились кипятком и маслом тысячепудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, – клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшиеся в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озаренный электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своем маслянистом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло».

Русская литература будет сторониться техники, вынесет её за скобки эстетики, не найдет для неё восторженных образов и метафор. Машина надолго останется угрозой для души, символом Апокалипсиса, мощи, сотворённой человеком, который не ведал, что творит. Так будет, пока в русскую литературу не придёт Андрей Платонов. Он первым воспоёт машину – не как чудо прогресса, а как живое существо, породнит её с природой и человеком, отыщет у них «общее родимое пятно». Платонов провозгласит, что «человек – начало всякого механизма», что в технике мы познаём и превываем сами себя. Любимый платоновский образ – паровоз – это гармония железа-материи, огня-души и пара-духа. Платонов истончил границу между живым и неживым, творения природы и человека в его прозе не противоречат друг другу. Человек раскрывает затаённые возможности природы, создавая из оврага котлован, высвобождая из-под земли ювенильное море.

По Платонову, человек, который научится создавать не мёртвые изделия, а нечто наделённое жизнью, созвучное жизни, бросит вызов смерти. Такой художественный мир писателя складывался в определённом научном и философском контексте. Вернадский с его идеей перехода биосферы в ноосферу под влиянием труда и исследовательской мысли. Федоров с идеей воскрешения предков посредством соединения религии и технического прогресса. Бердяев, в 1933 году опубликовавший статью «Человек и машина». В ней он показал антиномичное отношение современников к технике. С одной стороны она вытесняет веру в Бога, природу и культуру: «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви. И все, что происходит с миром, питает эту новую веру человека. Человек жаждал чуда для веры, и ему казалось, что чудеса прекратились. И вот техника производит настоящие чудеса».

С другой стороны техника становится защитой для человека, перед которым неудержимо расширяются время и пространство: «Мощь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров, в которую брошена земля, но она дает человеку и чувство его собственной мощи, возможности овладения бесконечным миром, в ней есть титанизм человека. Человек впервые делается, наконец, царем и господином земли, а может быть, и мира. Радикально изменяется отношение к пространству и времени. Прежде человек прикидал к матери-земле, чтобы не быть раздавленным пространством и временем. Теперь он начинает овладевать пространством и временем, он не боится отделиться от земли, он хочет улетать, как можно дальше, в пространство».

Эта мысль Бердяева получит непосредственное подтверждение, когда меньше чем через три десятилетия человек полетит в Космос. Покорённый Космос сформирует иное отношение не только к технике, но и к человеческой деятельности в целом. Космос выведет её на вселенский уровень, станет локомотивом нашей цивилизации: потянет за собой производство, оборону, медицину, образование, культуру, породит новую эстетику. Музыка Космоса зазвучит в произведениях Владимира Мартынова и Эдуарда Артемьева. Пульсирующим океаном Космос откроется в «Солярисе» Андрея Тарковского. Космос технический сольётся с космосом метафизическим, с вселенским порядком, одолевающим хаос. Космос Гагарина станет единым с космосом Ломоносова, Лермонтова, Тютчева и Хлебникова.

Это слияние двух космосов, это одухотворение машины опишет Александр Проханов. Материя в его прозе оживёт, расплавленный металл потечёт из печей, как густая кровь, «Буря» после посадки принесёт на своих крыльях запах звёзд, встрепенётся, как чуткая птица, от прикосновения человека. В сочетании физики и метафизики Проханов ощутит грядущее тысячелетие, век благоденствия: «Русская цивилизация в жестокую неживую машину вселяет дух, который, как известно, дышит, где хочет. Соединяет рукотворную технику и первозданную природу, исконного, непредсказуемого человека и его механическое подобие, доисторическое, стихийное время и управляемую историю. Наше русское прошлое наполнено такими страданиями, такими вселенскими скорбями, что они умилоостивят и одухотворят машину, внесут в нее живую этику, испытают совершенство машины слезой ребенка, слезой оленя, слезой срезанного травяного стебля».

Неведомо, какой из космосов первым покинул русскую цивилизацию, но мы отреклись и от звёздного неба, и от небесных смыслов. Мы прижались к земле, упёрлись взглядом в прах, словно роденовский «Мыслитель». Без Космоса мы осиротели, будто нашу могучую юность оставили без матери-мечты. **С Космосом мы могли бы преодолеть многое — без него мы оказались слабосильны и беззащитны.**

В чёрную дыру, образовавшуюся после утраты космической идеи, хлынула новая концепция отношений живого и неживого — трансгуманизм. В чём бы он ни выражался: во вживлении в человеческое тело чипов, в записи сознания на электронный носитель, во вторжении в человеческий геном — это всегда попытка переступить через человека, нарушить его Адамов облик. Здесь уже «не человек — начало механизма», а механизм — начало человека. Это то, чего подсознательно боялись наши пращуры, боялись Бунин и Куприн, то, о чём предупреждал Бердяев: «Образ и подобие Божие в человеке, как в природном существе, раскрывается и утверждается в динамике. Это и есть неустанная борьба против старого, ветхого человека во имя человека нового. Но машинизм хотел бы заменить в человеке образ и подобие Божие образом и подобием машины. Это не есть создание нового человека, это есть истребление человека, исчезновение человека, замена его иным существом, с иным, не человеческим уже существованием».

Трансгуманизм отрывает время от вечности потому, что отрицает земную жизнь как приуготовление к жизни небесной. Трансгуманизм провозгласил бесконечно длящееся время. А бесконечно длящееся время — это смерть. Трансгуманизм — это возвращение змея-искусителя, это попытка реванша адовых сил за поправленную смерть. Трансгуманизм разлучает человека с Адамом, чтобы разлучить его с Христом, ведь, по слову святителя Луки (Войно-Ясенецкого), «при жизни наше тело — перстное, душевное, как тело Адама, по воскресении оно станет иным, духовным, подобным телу небесного второго Адама — Иисуса Христа, какое Он имел после славного Воскресения Своего». Так, лишённый Адамовой телесности никогда не обретёт телесности воскресшего Христа.

Трансгуманизм провозгласил бесконечно длящееся время. А бесконечно длящееся время — это смерть. Трансгуманизм — это возвращение змея-искусителя, это попытка реванша адовых сил за поправленную смерть. Трансгуманизм разлучает человека с Адамом, чтобы разлучить его с Христом. Идее расчеловечивания нужно противопоставить новую философию техники, при которой человек не утратит своё Адамово первородство.

Этим трансгуманизм способен родить новый страх перед машиной. Идее расчеловечивания нужно противопоставить новую философию техники, при которой человек не утратит своё Адамово первородство.

В первой трети XX века была идея, способная сегодня одолеть трансгуманизм. Это **органопроекция** — концепция немецкого философа Эрнста Каппа, подхваченная и осмысленная духовно в России отцом Павлом Флоренским. «Человек во всех своих созданиях бессознательно воспроизводит свои органы и сам познает себя, исходя из этих искусственных созданий» — говорит Капп. «По образцу органов устраиваются орудия, ибо одна и та же душа, одно и то же творческое начало — в инстинкте зиждет подсознательно тело с его органами, а в разуме — технику с ее орудиями, но и тут орудие-строительная

деятельность протекает в важнейших своих стадиях подсознательно, и сознанию достается лишь процесс вторичный. Можно сказать, что первопроекты, как телесных органов, так и технических орудий, — одни и те же, и лаборатория их — в одной и той же душе» — развивает мысль Каппа Флоренский.

Орган и орудие роднит единообразное действие, схожая функция. Флоренский приводит ряд примеров, когда человек создавал орудия, механизмы и приборы с ориентацией на анатомию и физиологию собственного тела. Тески и клещи подобны челюстям, рычаги — конечностям, телескоп и микроскоп — глазу, мехи в музыкальных инструментах — лёгким, насос — сердцу, железобетонные сооружения — костной ткани, инкубатор — материнской утробе. Вершиной органопроекции, по Флоренскому, становится дом, который подобен целостному человеческому организму. Каждый предмет в доме — отдельный орган, но только в общем пространстве эти «органы» соединяются в «организм».

Благодаря органопроекции человек, сохраняя природное естество, способен простирать свой микрокосм в макрокосм, увеличивать скорость движения, усиливать зрение и слух, осваивать непригодные для жизни биологического тела пространства. Флоренский уподобляет устройство электрической сети устройству нервной системы. Рассуждая о свойствах человеческой психики и памяти, Флоренский подбирался к идее Интернета. А говоря о доме в патриархальном крестьянском смысле, когда жилище сопряжено с двором, амбаром, сараем и всей окружающей природой — предчувствовал постижение Космоса.

Органопроекция — важная часть антропологии, а точнее, антроподицеи Флоренского — философской концепции «оправдания человека» через постижение им Бога. Флоренский видит это как путь духовного восхождения, который ведёт к отречению от рационального. Титаническая, в своей основе, природа человека изо всех сил сопротивляется непостижимости Бога-Слова. Рассудку нужно сделать скачок из реальности, длящейся «непрерывною чредою». Ему нужен скачок из области фактов и доказательств, нужен «акт веры, приводящий к абсолютному». Если же титанизм не будет преодолен, путь антроподицеи зайдёт в тупик Вавилонской башни.

Трансгуманизм и стал таким **не преодоленным титанизмом**. Он утверждает, что если невозможно рассудочно постичь непостижимое, то от него следует просто отказаться. Его нужно подменить тем, что укладывается в рационалистическое прокрустово ложе, потому отныне не будет ни таинств, ни святынь, ни чудес, ни души.

Трансгуманизм отрицает Абсолют, пытается отменить знаменитую формулу Семёна Франка: $A + B = A$, где A — Бог, B — человек. Согласно формуле, Бог — абсолютная полнота ($A = A$), а человек без Бога — ничто ($B = A - A = 0$). Трансгуманизм отменяет оба слагаемых, подставляет в

формулу некое T , не стремящееся к бесконечности, а равное нулю: $T - T = T$.

Органопроекция же, создавая по образу и подобию человеческого тела орудия, напротив, в определённый момент сталкивается с чем-то непостижимым, невоплотимым. В органопроекции каждое творение рук человеческих, способных преобразовать только материю — это лишь прикосновение к тайне, свидетельство о тайне, свидетельство о духе.

В органопроекции человек подобен Сыну плотника, который создаёт из природной материи новые формы, наделяя их новыми задачами и смыслами. Его создания — одухотворенный труд. В трансгуманизме человек, пока он остаётся человеком, отливают золотого тельца, пытается запереть дух в мертвой материи, обратить живое в неживое. В этом противостоянии органопроекции и трансгуманизма определится будущее человека.

Органопроекция, осмысленная сегодня технологически, культурологически, философски и духовно, способна предложить особый цивилизационный путь — путь сохранения и человека, и Бога в человеке. Органопроекция способна вновь напитать человека смыслами, объединив технический и метафизический космос, присовокупив к ним космос Интернета. Последний, в перспективе, способен одолеть информационную энтропию, сделать бессмертным любой источник информации, стать глобальным архивом, библиотекой, музеем человечества. Интернет необходимо осознать как новую ступень проекции — уже не органов, а орудий — «орудиепроекции», когда с молниеносной скоростью можно передать в любую точку инфопространства переведённую в цифру книгу, фотографию, звук, видео. Интернет — это **новая, информационная оболочка ноосферы**, где происходит формирование «третьей природы» — оцифрованной «второй природы», культуры.

Эту «третью природу» нужно сконцентрировать на обработке материальной культуры и на сохранении духовной и физической культуры человека. Инфосфера с её орудиепроекцией, органично слившись с пневматосферой (сферой духа), сможет стать щитом для человека, оболочкой, непроницаемой для трансгуманизма. И тогда человек останется Адамом.

Адам посмотрит на звёзды. Даст им имена. И в этих сладкозвучных словах всему миру откроются новые смыслы.

Брусчатка
Александр Проханов

Стану ли я трансгуманистом?

(рассказ)

Я уединялся в кабинете, куда архивариус приносил толстую папку со множеством документов. Свидетельства очевидцев, выписки из показаний арестованных, донесения агентов, записи допросов в контрразведке, экспертизы ученых, дневники путешественников, приказы за подписью высших большевистских руководителей.

Все это я изучал, сводил воедино. Постепенно у меня складывалась картина событий, которые казались фантастическими. Возникла история, о которой невозможно узнать из учебников.

Я складывал клочки исчезнувшего времени, и возникала удивительная реальность. Эта реальность объясняла многие явления минувшего века, которые, казалось, были забыты или искажены историками с упрощенными взглядами. Это была правда о Тунгусском метеорите, дающая разгадку астрономическому явлению.

Разгадку, породившую множество новых загадок.

В начале минувшего века, а именно в 1908 году, жители Сибири увидели в небе яркую вспышку, а грохот взрыва уловили на другом полушарии. Считалось, что у берегов Подкаменной Тунгуски, в необитаемую тайгу, упал огромный метеорит. В район падения невозможно было добраться, а позднейшие исследователи, побывавшие на месте падения, не нашли метеорит, а только тысячи обгорелых деревьев, веером лежащих вокруг небольшой воронки. Брались пробы грунта, образцы обгорелых деревьев, вода из лесных ручьев. Обнаружили повышенную радиацию, следы каких-то малоизвестных веществ, но сам метеорит не был найден.

Однако, старики-тунгусы, промышлявшие охотой, утверждали, что видели среди поваленной тайги черный огромный камень, все еще теплый даже через несколько лет после падения. Белый офицер, спасавшийся от наступавших красных частей, оказался в районе Тунгуски и видел огромный камень, у которого грелся в холодные осенние ночи. Офицер попал в плен к «красным» и после допросов в контрразведке, рассказал о камне. Его рассказ был записан и направлен в Москву. В Москве рассказ офицера почти затерялся среди других донесений Чрезвычайно комиссии, но случайно попался на глаза Феликсу Дзержинскому. Тот не замедлил показать бумагу Ленину, который, несмотря на трудности военного времени, заинтересовался рассказом.

Он передал бумагу Красину и Луначарскому, а те снарядили научную экспедицию на Тунгуску.

В состав экспедиции входили военные, географы, геологи, ботаники, химики. Экспедиция по железной дороге добралась до Красноярска. Пересела на пароход и поднялась по Енисею до устья Подкаменной

Тунгуски. Оттуда на лодках поплыла вверх по Тунгуске. Сгрузилась и продолжала пешком путь по тайге, отыскивая дорогу по компасу.

Путь был тяжел, пробирались сквозь чащобу, таежные болота, бурелом. Один из членов экспедиции, астроном, упал в расселину, ударился о камни и умер. Его решили донести до упавшего метеорита и там похоронить, чтобы надгробьем ему служил метеорит, ради которого астроном отдал жизнь.

Изнуренные, они увидели среди поваленной тайги огромный темный камень. Положили покойника у камня. Без сил повалились рядом, чувствуя исходящее от камня тепло. И это таинственное тепло вернуло им силу и бодрость, а также одарило чувством небывалого счастья. Мертвец-астроном, завернутый в брезент, вдруг очнулся, вылез из брезента и принялся настраивать свои астрольбии.

Экспедиции несколько недель провела возле метеорита. Обмеряла, брала образцы черного камня, определяла его объем и вес, собирала гербарий диковинных растений, что выросли вокруг камня среди сгоревшей тайги. Определяли траекторию, по которой прилетел метеорит, и ту часть неба, откуда он прынул на землю.

Всех членов экспедиции не покидала бодрость, воодушевление и веселость. А воскресший астроном утверждал, что во время недельного сна побывал в иных мирах, где горят одновременно пять солнц, красное, золотое, зеленое, синее и бесцветное, — и вокруг каждого солнца звучит волшебная музыка.

Экспедиция вернулась в Москву и доложила результаты своих исследований Дзержинскому, Луначарскому и Красину. Те немедленно отправились к Ленину, захватив с собой воскресшего астронома. Ленина впечатлил доклад экспедиции, особенно воскрешение астронома, который поведал Ленину о пяти солнцах и небесной музыке. Эту музыку Ленин тут же назвал «музыкой Космической революции». Просил астронома воспроизвести мелодию, чтобы лучшие композиторы смогли написать гимн «Галактической республики Советов». Он распорядился доставить камень в Москву, полагая, что с его помощью можно будет воскресить героев, павших в борьбе за социализм.

Члены экспедиции резонно заявили, что метеорит так велик и тяжел, что его доставка по тайге и бездорожью невыполнима. На что Ленин возразил: «Распилим метеорит на отдельные части, каждую из которых по отдельности доставим в Москву и сложим в целое».

Этот метеорит Ленин предложил установить в Кремле, среди святынь прежней веры, как символ нового советского вероучения, дарованного небом. У этого небесного камня станут приносить присягу военные, будет совершаться обряд воскрешения павших бойцов. К нему со всех концов революционной России станут стекаться люди, проходя обряд посвящения, преображаясь в новое человечество. Что-то вроде

священного камня Каабы в Мекке, куда стекаются на поклонение миллионы мусульман.

Ленин приказал купить в Англии алмазные пилы, и новая экспедиция направилась к берегам Подкаменной Тунгуски, прорубаясь сквозь тайгу, доставляя алмазные пилы к метеориту.

Метеорит распилили на ровные бруски, и люди, укладывая в рюкзаки по два бруска, несли их на берег реки и выгружали на лодки. Метеорит был распилен на части, были собраны опилки и крошки, чтобы в Москве метеорит был восстановлен в целостности.

Ленин умер, и его плану установить метеорит в Кремле не суждено было сбыться. Распиленные бруски лежали на складе в окрестностях Москвы, и на соседних огородах рождалась клубника необычайных размеров и небывалой сладости.

После двух деревянных, был сооружен каменный мавзолей с прозрачным саркофагом, где покоилось тело Ленина.

Сталин, хорошо знакомый с материалами «Тунгусской экспедиции», повелел вымостить Красную площадь брусками распиленного на части метеорита. Сталин знал о чудесной способности метеорита воскрешать умерших. Площадь, вымощенная фрагментами метеорита, создавало поле, в котором находилось мертвое тело Ленина, что способствовало его воскрешению. Таким образом, вся Красная площадь являла собой небесное тело и была напрямую связана с Космосом.

Как рассказывал личный охранник Сталина, Иосиф Виссарионович ночами выходил на площадь и расхаживал по брусчатке. Он обдумывал свои планы, связанные с построением социализма. Коллективизацию, пятилетки, распространение советского влияния на Прибалтику и районы Польши, сложную геополитику предвоенного мира. Решения, которые он принимал, расхаживая по брусчатке, были навеяны небом, носили космический смысл.

Война оборвала эти ночные прогулки и отложила на неопределенное время воскрешение Ленина.

Военный парад 7 ноября 1941 года сопровождался чудесными явлениями. Во время прохождения войск в небе над площадью загорелось пять солнц: красное, золотое, синее, зеленое и бесцветное. Во время выступления Сталина зазвучала небывалая по своей силе и красоте музыка. Войска с парада отправились под Волоколамск и под Истру и нанесли наступавшим фашистам такой удар, что те побросали свои смертоносные машины и побежали прочь от Москвы.

Ученые, изучавшие метеорное вещество, обнаружили в нем элементы, отсутствующие в таблице Менделеева. Метеорное вещество, добавленное в сталь, делает ее необычайно прочной.

По приказу Сталин часть брусчатки увозилась с Красной площади на Урал, добавлялась в кипящую сталь, и броня танков Т-34 становилась

непробиваемой, а бронебойные снаряды пронзали самую крепкую броню немцев. Именно советские танки из метеорной брони нанесли сокрушительное поражение немцам у Курской дуги. Они выдерживали попадания «Тигров» и дырявили своими снарядами «Тигры», словно те были сделаны из фанеры.

В дневнике немецкого офицера, защищавшего подступы к Берлину у Зееловских высот, была запись, гласившая, что оборону прорвали русские танки гигантских размеров, и в этих танках сидели танкисты-великаны.

Парад Победы 45-го года сопровождался необычными знамениями, как и парад 41 года. В небе зажглось пять солнц: красное, золотое, зеленое, синее и бесцветное. Звучала небывалой красоты музыка, льющаяся с небес.

После войны, когда американцы грозились забросать Советский Союз атомными бомбами, на Красную площадь приходили Курчатов, Келдыш и Королев. Прогуливались по брусчатке, и им приходили в голову удивительные решения. В кратчайшие сроки они создали советскую атомную бомбу и ракетоноситель. Тем самым спасли страну от испепеления.

После войны, когда американцы грозились забросать Советский Союз атомными бомбами, на Красную площадь приходили Курчатов, Келдыш и Королев. Прогуливались по брусчатке, и им приходили в голову удивительные решения. В кратчайшие сроки они создали советскую атомную бомбу и ракетоноситель. Тем самым спасли страну от испепеления.

После смерти Сталина Хрущев, зная о чудесных свойствах брусчатки, боясь, что она воскресит умершего Сталина, велел выкопать метеорные бруски, отвезти их на склад в Подмоскowie, а вместо них вымостить площадь брусчаткой из обычного гнейса. Такой она остается и по сей день. Красная площадь лишилась своей волшебной силы, перестала питать небесными смыслами коммунистов, и те стали вянуть, превращались в мещан и стяжателей, и Советский Союз шел к упадку.

Прежняя метеорная брусчатка куда-то исчезла со склада. Ее больше никто не видел. Подвыпивший охранник склада утверждал, что брусчатка улетела на небо.

Так выглядела история, возникший в моем воображении, когда я изучил содержание секретной папки. История, которая взорвала мой рассудок. Породила фантастическую цель отыскать пропавшую метеорную брусчатку, вымостить ею Красную площадь, чтобы вернуть России ее космический полет, вновь превратить русских в народ-великан.

Если современный трансгуманизм, с его верой в преображение, в возможность изменить природу человека настолько, что возникнет бессмертный человек, а мертвец воскреснет, если трансгуманизм приближает нас к этой цели, — то я трансгуманист.